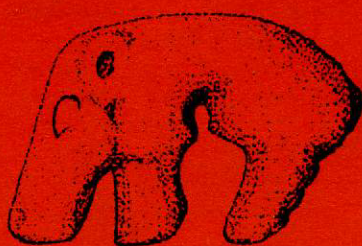

**КУЛЬТУРА
ДРЕВНИХ НАРОДОВ
ЮЖНОЙ СИБИРИ**

Барнаул • 1993

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО ВЫСШЕМУ ОБРАЗОВАНИЮ

АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НИИ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ АГУ

ПРОГРАММА "АЛТАЙ"

**КУЛЬТУРА ДРЕВНИХ НАРОДОВ
ЮЖНОЙ СИБИРИ**

Сборник научных статей

Барнаул • 1993

ПЕЩЕРА ВЕРХНЕГО КАРСТОВОГО ЯРУСА У С. ЧЕРНЫЙ АНУЙ (АЛТАЙ)

В среднегорье Алтая большинство изученных пещер расположены в нижних частях склонов долин, образуя нижний карстовый ярус (пещеры им. Окладникова в с. Сибирячиха, Денисова, Каминная и др.). Они вскрыты глубинной эрозией в позднем плейстоцене после завершения южносибирской фазы неотектонического этапа. Гораздо реже здесь встречаются пещеры верхнего карстового яруса, относящегося к приводораздельным участкам склонов речных долин и контролирувавшего более высоким положением базиса эрозии (днища долин) в прошлом. Из таких пещер в бассейне Ануя наиболее подробно изучена пещера Разбойничья в верховьях р. Каракол.

В 1989 г. нами осмотрена еще одна пещера верхнего карстового яруса в бассейне верхнего течения р. Ануй (рис. 1).

В 1 км южнее Денисовой пещеры справа в Ануй впадает ручей Полошкин (ныне имя утеряно; восстановлено по карте, приложенной к книге: Горный Алтай и его население. Т. 1. Вып. 1. Барнаул, 1900). Ручей довольно глубоко (300-400 м) врезан в толщу палеозойских известняков. Долина ручья отделяется от расположенной южнее ложбины эрозионным плосковершинным останцем, возвышающимся над уровнем Ануя на 600 м. На останце сохранилась реликтовая поверхность на участке длиной примерно 300 м и шириной 60-70 м, который ориентирован в широтном направлении. Реликтовая поверхность слабо наклонена на юг и обрывается крутым склоном, обращенным к широкой ложбине. С севера она ограничивается отвесным уступом, который ниже переходит в более пологий залесенный склон. Западный и восточный фланги древней поверхности срезаются сомкнутыми северным и южным молодыми склонами, которые образуют островчатые гребни, особенно характерные для западного фланга, и имеют меньшую относительную высоту, нежели реликтовая поверхность.

Северный склон останца, обращенный к безымянному ручью, в одном месте, примерно на равном расстоянии от западного и восточного флангов, разрушен и осложнен цирком шириной до 30 м и глубиной 15-20 м. Довольно узкой щелью с вертикальными стенками цирк открывается в сторону долины ручья. Образование цирка связано, на наш взгляд, с обрушением потолка (кровли) крупного грота, из которого в северном направлении выходила галерея. О том, что обрушился именно грот, свидетельствует изотермическая (кругообразная) форма провала, а о выходе из грота галереи можно судить по резкому сужению цирка на внешней его стороне, обращенной к ручью. В грот «впадали» две (или более) галереи одного гипсометрического уровня, ориентированные с юга на север.

Вход в первую, меньшую по размерам, галерею находится в западной стенке цирка, в 5 м от его вершины и в 5 м от поверхности известняковой толщи. Высота по капельной линии 1,7 м, ширина у основания входа 1,9 м. Галерея ориентирована по азимуту 190° (10 м), далее – по азимуту 215° (5,3 м). У поворота сечение составляет 0,8×0,9 м. Завершается галерея невысоким (2,1 м) гротом, из которого уходят узкие щели. Пещера заполнена рыхлыми суглинистыми отложениями с обильными обломками известняка. Поверхность рыхлых отложений постепенно повышается вглубь, вследствие чего высота пещеры постепенно уменьшается.

Вторая галерея находится в 10 м от первой, в западной же стороне цирка. Входная часть имеет ширину 3, высоту 4 м. Простирание галереи 200°. Через 15 м галерея раздваивается, от нее отходит короткая отвершка по азимуту 190°. Один из отвершков (западный) прорывает потолок и выходит на дневную поверхность, образуя неглубокую (1 м) поглощающую воронку с пологими склонами, поросшими травой. Диаметр воронки 3 м.

Судя по размерам и конфигурации входовой части, мощность рыхлых отложений, заполняющих галерею, не менее 3 м.

В небольшом (1×1,5 м) шурфе в 2 м от капельной линии Г. Я. Барышников вскрыл разрез:

1. Алеврит светло-серый («пыль») – 5 см.
2. Суглинок бурый с глыбами известняка. На глубине 15 см – линза древесных угольков и странное шарообразное включение золы диаметром 7 см. Встречены мелкие обломки толстостенной керамики – 50 см.

Несомненно, обе галереи – это лишь остатки некогда сложной карстовой системы, «привязанной» к древнему базису денудации, который занимал высокое гипсометрическое положение не менее 500 м над уровнем современного Ануя. Возраст уровневой поверхности, к которой была приурочена эта карстовая система, не менее 100 тыс. лет. Также несомненно, что в ней могли быть найдены весьма древние археологические памятники (100 тыс. лет и более). Однако наиболее привлекательная для древнего человека привходовая часть пещеры был уничтожена глубинной и боковой эрозией при выработке долины ручья Полошкина. Сохранились только наиболее удаленные от бывшего входа привершинные участки карстовой системы. Посещал ли в очень древние времена эти участки пещеры древний человек? На этот вопрос могут ответить лишь специальные археологические раскопки. Посещение же сохранившихся фрагментов пещеры (две галереи) в более позднее время подтверждается находками кострища и обломками керамики.

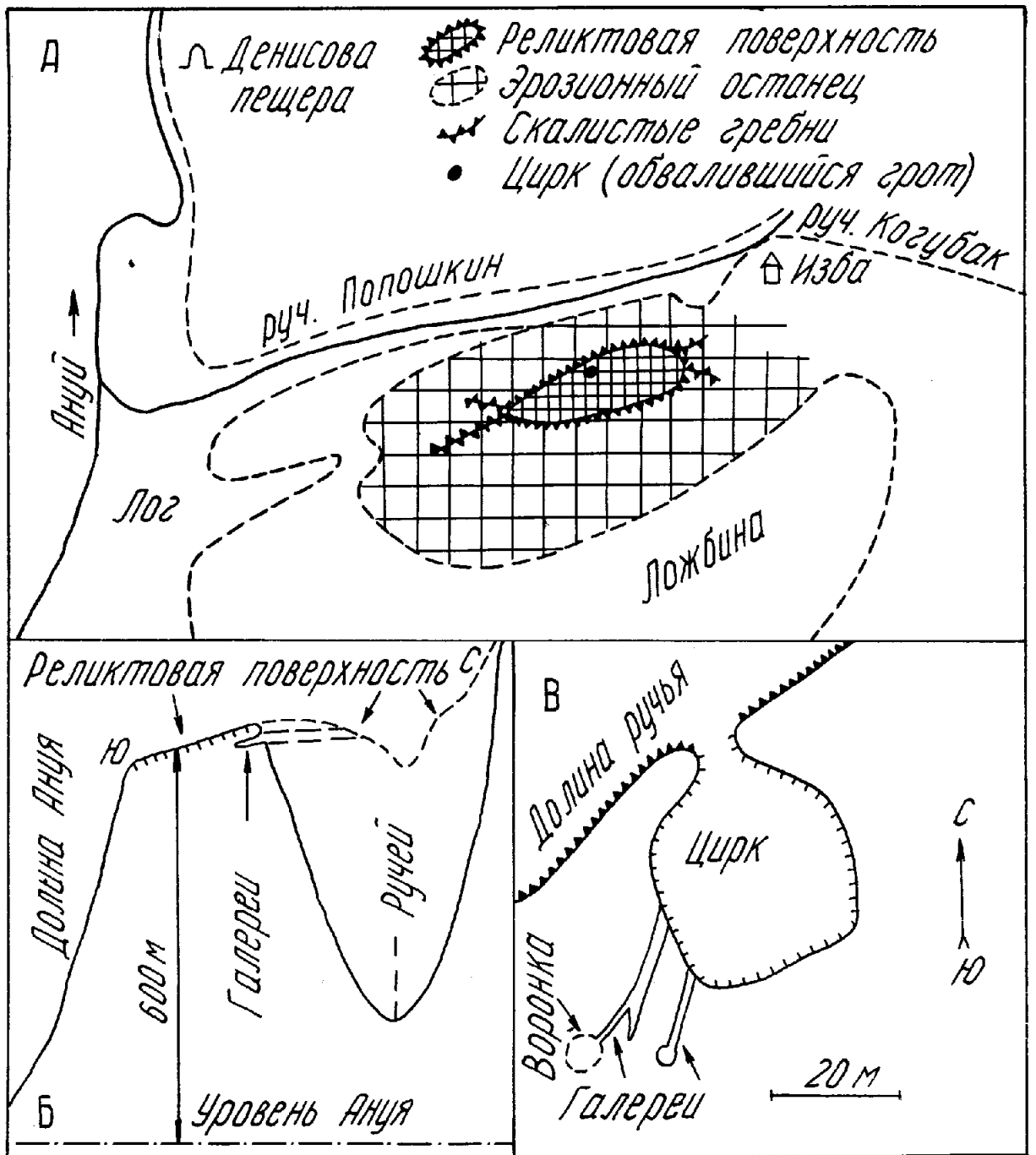

Рис. 1. Карст верхнего яруса в районе с. Черный Ануи. А – обзорная карта (глазомерная съёмка; без масштаба); Б – поперечный разрез эрозионного останца (без масштаба); В – цирк (обвалившийся грот) и галереи (глазомерный план)

МИКРОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КУЛУНДЫ¹

В последние годы в Кулунде В. С. Удодовым обнаружено три памятника близ с. Усть-Курья на оз. Кабаньем с микролитическим каменным инвентарем – Усть-Курья, Кабанье и Береговое. В 1990 г. материалы Усть-Курья и Кабаньего, отнесенные к раннему времени (финальный палеолит), нами опубликованы [3]. В данной работе мы представляем оставшуюся часть коллекции (табл. 1, 2). Датировка каменной индустрии этих памятников основана на характеристике артефактов. Наличие шлифованных изделий и сколов с них (рис. 1-1), значительное количество пластин и их обработка (притупленный торец, вентральная ретушь, притупленная спинка), наличие бифасов, в том числе наконечников стрел (рис. 1-18-21; 3-40-45), позволяет отнести памятники к эпохе неолита. Ряд особенностей пластинчатой индустрии, прежде всего разнообразные острия (рис. 3-4, 13, 14, 18), геометрические микролиты (рис. 2-4; 3-2, 3, 6), вкладыши с выемками (рис. 2-4), притупленными (рис. 1-3; 3-12, 15, 16, 30, 31) и обработанными торцами (рис. 1-29), позволяют отнести индустрию к раннему неолиту [2, 4]. Первичное расщепление представлено призматической техникой – конусовидным и призматическими нуклеусами, соответствующими им техническими сколами и продуктами расщепления (пластины). Все отщеповые изделия подготовлены, видимо, из сколов, получившихся в результате подготовки преформ нуклеусов из желваков. Вторичная обработка представлена разнообразными типами ретуши (регулярная, не-

регулярная, притупляющая, уплощающая, зубчатая), оббивкой (скребки, наконечники стрел, бифасы), резцовым сколом. Орудийный набор представлен в типологистах. Наиболее интересным является наличие геометрических микролитов – сегментов (рис. 2-3; 3-3), треугольника (рис. 3-2) и прямоугольников («ланцетов»). Прямоугольники встречаются в некоторых памятниках Алтая [2, 5], сегмент известен из голоценовых слоев Денисовой пещеры [1], геометрический микролит в форме треугольника найден впервые.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дервянко А. П., Васильевский Р. С., Молодин В. И., Маркин С. В. Исследования Денисовой пещеры. Описание плейстоценовых осадков. Слои 9-22: Препринт. Новосибирск, 1985. 249 с.
2. Кирюшин Ю. Ф., Кунгурова Н. Ю. О результатах изучения каменной индустрии поселения Павловка 1 // Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул, 1984. С. 25-40.
3. Кунгуров А. Л., Удодов В. С. Находки каменного века в Кулунде // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С. 31-33.
4. Кунгурова Н. Ю. Развитие каменной индустрии в неолите юго-западного Алтая // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 55-66.
5. Кунгурова Н. Ю. Микролитические памятники Средней Катуни // Северная Азия в эпоху камня. Новосибирск, 1987. С. 37-51.

¹ Рисунки и таблицы см. на с. 5-9.

В. И. Молодин

ЕЩЕ РАЗ О ДАТИРОВКЕ ТУРОЧАКСКИХ ПИСАНИЦ

(некоторые проблемы хронологии и культурной принадлежности петроглифов Южной Сибири)

В 1978 г. увидела свет публикация, написанная академиком А. П. Окладниковым и автором этих строк, посвященная Турочакской писанице [61]. За прошедшее 15-летие на р. Бии, недалеко от с. Турочак был открыт не менее великолепный памятник, получивший название вторая Турочакская писаница [50]. Сопоставление этих комплексов, а также принятию во внимание источники по наскальным изображениям, позволяющие увидеть Южную Сибирь, как и сформировавшиеся на их основе интерпретационные концепции, позволили по-новому взглянуть на проблему хронологии Турочакских писаниц. В какой-то степени мы уже касались данной проблемы в обобщающей сводке, посвященной бронзовому веку Горного Алтая [49], однако думается, что необходимо специально вернуться к этой проблеме, поскольку её значение не ограничивается собственно Турочакскими писаницами.

Сопоставление первой и второй Турочакских писаниц показывает определенную близость этих памятников (рис. 1). Остановимся на данной проблеме более детально.

Первое, что сближает эти местонахождения, – способ нанесения рисунков. Все они выполнены красной (с различными оттенками) краской, в основе которой содержится охра и другие, пока не извест-

ные нам, но, по-видимому, органические компоненты. Этот аргумент в пользу близости рассматриваемых памятников весьма существенен ещё потому, что все петроглифы Горного Алтая, за исключением отдельных изображений на могильных плитах Озерного [68] и Каракола [26], нанесены выбивкой и гравировкой [62-65, 67].

Второе, что сближает оба памятника, – это общий персонаж – лось, являющийся главным «героем» рассматриваемых полотен. Третья, очень важная черта, заключается в близости стилистических особенностей изображений на обоих памятниках. Все персонажи выполнены реалистично в профильном исполнении, фигуры показаны динамично, в движении. Наконец, для обоих памятников характерна так называемая «скелетная» манера подачи образа. Все сказанное позволяет, думается, сделать однозначный вывод о культурно-хронологической близости рассматриваемых писаниц.

Однако наряду со сходством имеют место и различия. Прежде всего следует отметить, что на второй Турочакской писанице присутствует новый персонаж – бык, знаки в виде креста, способ и манера исполнения которых не позволяют сомневаться в их принадлежности к единому культурно-хронологическому массиву (рис. 1-3, 5). Несколько в иной мане-

Таблица 1

Типолист составных элементов индустрии стоянок Курья, Кабанье и Береговое

№ п/п	Памятник Наименование типа изделия	Курья				Кабанье			Береговое		
		Количество	%	Рисунок	№ иллюстрации	Количество	Рисунок	№ иллюстрации	Количество	Рисунок	№ иллюстрации
Техника расщепления											
1.	Отщепы мелкие	64	16,9			22			4		
2.	средние	25	6,6			2			3		
3.	Чешуйки	11	2,9			5			1		
4.	Осколки мелкие	6	1,6			2			1		
5.	Мелкие гальки и их обломки	10	2,6			—			—		
6.	Первичный отщеп	2	0,5			1			—		
7.	Реберчатые сколы	11	2,9			—			1		
8.	Нуклевидные сколы	3	0,8			2			—		
9.	Снятия площадок	8	2,1			—			3		
10.	Снятия фронта	8	2,1			—			2		
11.	Отщепы с ретушью	19	5			3	1	14,16	4		
12.	Нуклеус конусовидный	1	0,26	3	1	—			—		
13.	Уплощённо-призматический	—	—			—			1	2	2
14.	Подпризматический	—	—			—			1	2	1
15.	Пластинчатый отщеп	19	5			9			2		
16.	Пластины мелкие	28	7,4	3	2-11	5	1	3-6	—		
17.	средние	123	32,5	3	12-33	1	1	2	5	2	3-7
18.	крупные	—	—			1			—		
Изделия из отщепов											
19.	Острия	—	—			1	1	11	—		
20.	Скобели выемчатые	4	1			1			—		
21.	С фигурным краем	1	0,26	3	39	2	1	17	—		
22.	Зубчатые	1	0,26			—			—		
23.	Наконечники стрел	3	0,8	3	43-45	4	1	18-21	—		
24.	Двустороннеобработанные изделия	5	1,3	3	40-42	—			—		
25.	Скребки концевые на пластине	1	0,26	3	33	1			—		
26.	Концевые на массивном коротком отщепе	3	0,8	3	37	1	1	7	1	2	9
27.	Атипично-сегментовидные	5	1,3	3	46-47	2	1	12	—		
28.	С ретушью по периметру	3	0,8	3	35	2	1	11,13	—		

№ п/п	Памятник Наименование типа изделия	Курыя				Кабанье			Береговос		
		Количество	%	Рисунок	№ иллюстрации	Количество	Рисунок	№ иллюстрации	Количество	Рисунок	№ иллюстрации
29.	С ретушью по половине периметра	—	—			2	1	8,10	1	2	8
30.	Боковой на отщепе	1	0,26	3	36	—			—		
31.	Конвергентный	—	—	3	38	—			1	2	10
32.	Крупные на отщепе случайной формы	5	1,3	3	34	—			—		
33.	Единичные	6	1,6	3	48	5	1	9,15	—		
34.	Резцы	3	0,8			1			—		
35.	Шлифованное тесло					1	1	1	—		
36.	Скол с шлифованных орудий	—	—			—			2		
37.	Изделия из крупных отщепов	—	—			—			2	2	11
ИТОГО:		379	100			75			35		

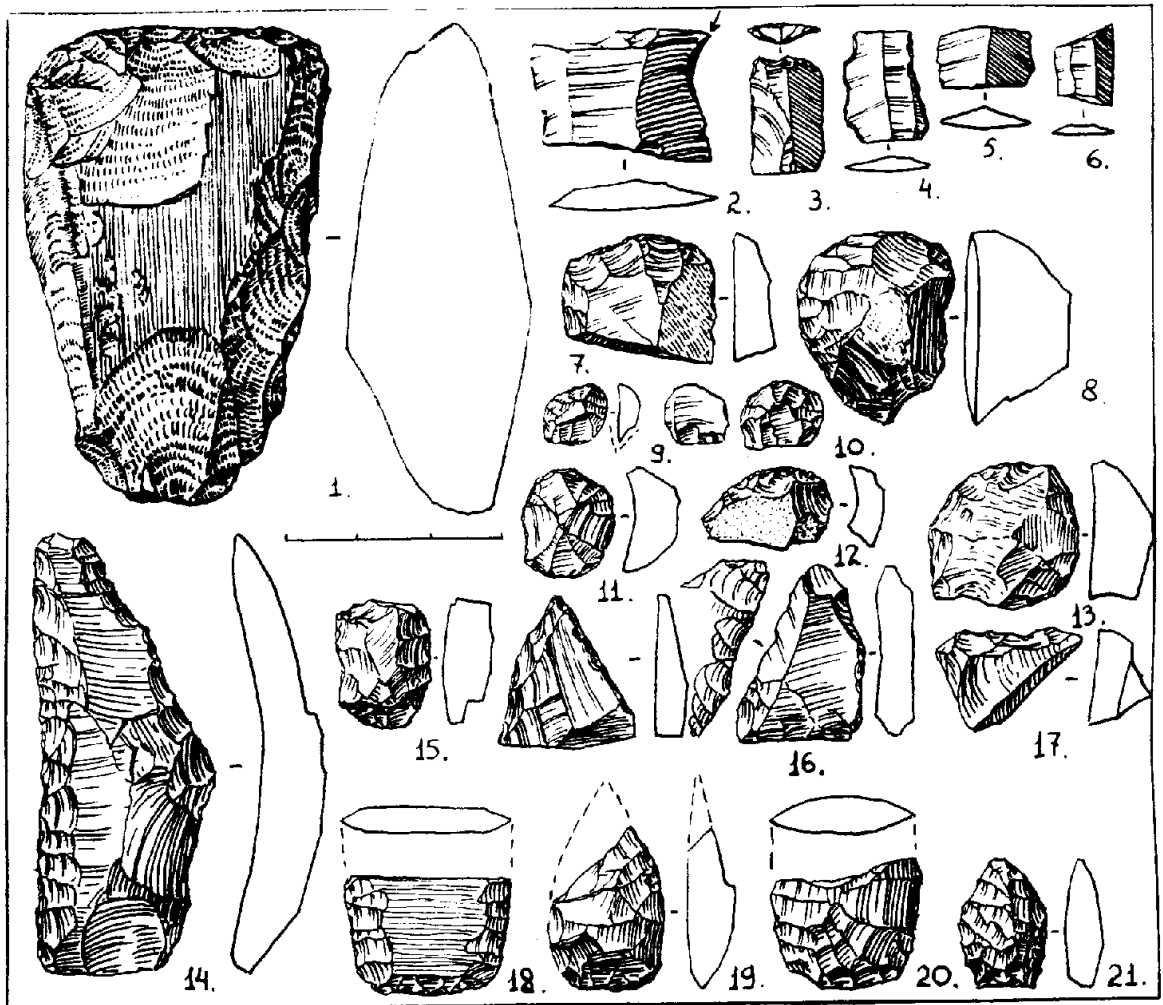

Рис. 1. Каменная индустрия поселения Кабанье.

Характер обработки пластин и орудия на пластинах из памятников Курья и Кабанье

№ п/п	Памятник Размер пластины Тип заготовок Тип изделий	Курья										Кабанье				Береговое				
		мелкие					средние					мелкие				средние		Итого	Итого	
		усечен.	дистал.	проксим.	сечения	полные	усечен.	дистал.	проксим.	сечения	Итого	усечен.	дистал.	проксим.	сечения	кр.	Итого	усечен.	сечения	Итого
1.	Оба края ретушированы с вентр.	1	-	-	2	-	5	-	3	13	24	-	-	-	-	-	-	-	-	-
2.	Один край ретуширован с вентр.	1	-	2	1	-	2	-	1	8	15	-	-	1	-	1	-	-	-	-
3.	Оба края ретуширов. с дорсала	1	-	-	-	-	1	-	-	2	4	1	-	-	-	1	-	-	-	-
4.	Один край ретуширован с дорсала	-	-	-	3	-	-	-	-	7	10	-	-	-	-	-	-	-	-	-
5.	Один край – вентрал, другой – дорсал	1	-	-	-	-	-	1	-	3	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-
6.	Притупленный торец	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
7.	Притупленный край, острый	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
8.	Один край – двусторонне, один с дорсала	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
9.	Геометрические микролиты	-	-	-	1	-	-	-	-	2	3	-	-	-	-	-	-	-	1	1
10.	Резец, резчик	-	-	1	-	-	1	-	1	3	6	-	-	-	1	1	-	-	-	-
11.	Оба края обработаны двусторонне	-	-	-	-	-	2	-	1	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-
12.	Оба края – с вентрала, острый	-	-	-	-	-	2	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-
13.	Выемка на крае	-	-	-	-	-	-	-	1	1	2	-	-	-	-	-	-	-	1	1
14.	Двумя выемками выделен ударн. бугорок	-	-	-	-	-	-	-	2	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-
15.	Одной выемкой выделен ударн. бугорок	-	-	-	-	-	-	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
16.	Выемка на крае торца	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
17.	Оба края с вентрала, притупл. торца	-	-	-	-	-	-	-	-	2	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-

№ п/п	Памятник				Курья						Кабанье					Береговое		
	Размер пластины	Тип заготовок	Тип изделий	усечен.	мелкие			средние			усечен.	мелкие	сечения	сечения	кр.	сечения	сечения	ИТОГО
					дистал.	проксим.	сечения	полные	усечен.	дистал.								
18.	Один с вентраля, один с дорсала, резчик			-	-	-	-	-	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-
19.	Один край с вентраля, другой двустороннеобработанный			-	-	-	-	-	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-
20.	Один край с дорсала, притушл. торец			-	-	-	-	-	-	-	2	2	-	-	-	-	-	-
21.	Один край двусторонне, выемка с вентраля, ретушир. торец			-	-	-	-	-	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-
22.	Один край ретуш. двусторонне			-	-	-	-	-	-	-	2	2	-	-	-	-	-	-
23.	Притушенный край			-	-	-	-	-	-	-	2	2	-	-	-	-	-	-
24.	Притушенный торец, выделенный выемками угол торца и край			-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	1	-
25.	Без обработки (утилизваны)			2	1	-	8	1	2	1	13	30	58	1	1	-	-	3
26.	ИТОГО с обработкой			4	-	3	10	-	13	1	11	51	93	3	-	1	1	4
27.	ИТОГО в целом			6	1	3	18	1	15	2	24	81	151	3	1	1	1	7

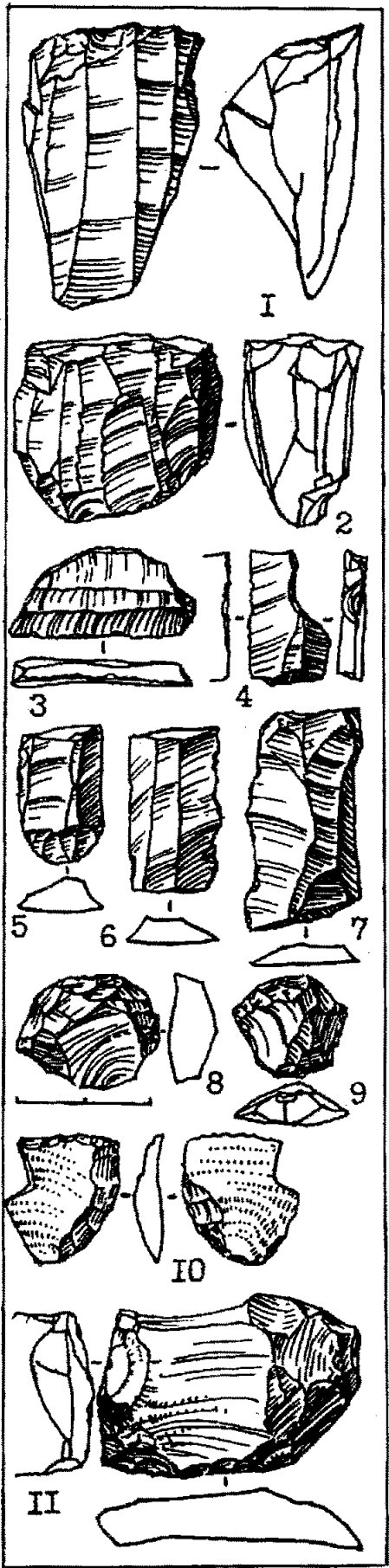

Рис. 2. Каменная индустрия поселения Береговое

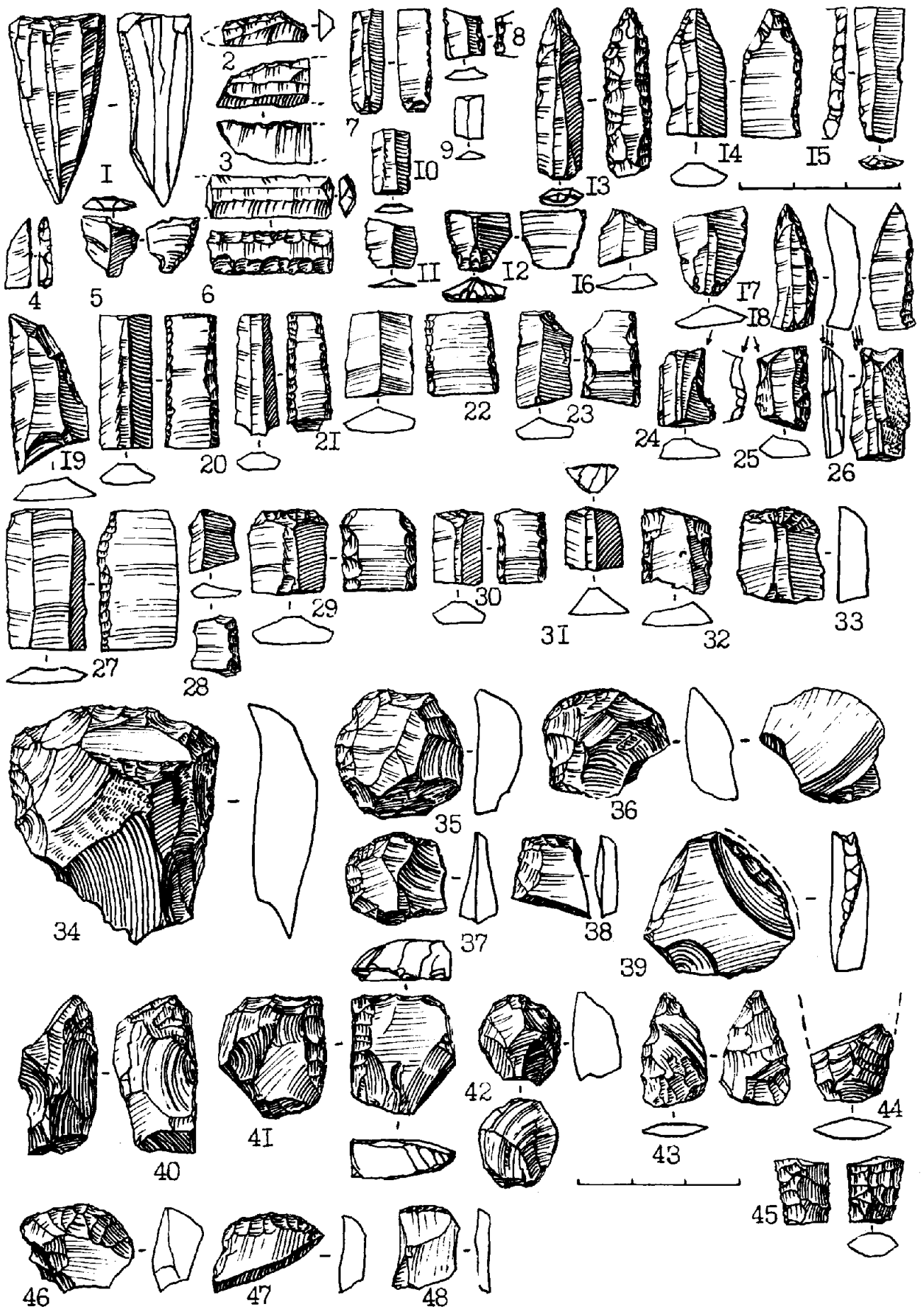

Рис. 3. Поселение Усть-Курья

ре, чем все остальные персонажи обоих памятников, попан лось второй Турочакской писаницы (рис. 1-3).

Наконец, существует и еще одно различие первой и второй Турочакских писаниц. Так, если на первой писанице все животные направлены вниз по течению реки, то на второй они ориентированы в противоположном направлении.

Исходя из проведенных сопоставлений, первая Турочакская писаница выглядит как будто бы более архаично, чем вторая. Однако, если это и так, то временной интервал между ними был весьма незначителен, поскольку сюжеты, сближающие эти два памятника, очень существенны и несомы.

Таким образом, думается, что правильнее всего рассматривать эти два памятника в совокупности, как имеющие близкую (если не идентичную) хронологию и одинаковую культурную принадлежность.

Остановимся прежде всего на проблеме хронологии рассматриваемых памятников.

В свое время (1978 г.), интерпретировав первую Турочакскую писаницу, академик А. П. Окладников и автор этих строк склонны были датировать её эпохой неолита, однако в настоящее время, когда в Сибири и Центральной Азии накоплен принципиально новый и относительно неплохо датированный материал по первобытному искусству, данная точка зрения требует существенной коррекции.

Рассмотрим прежде всего аналогии турочакским изображениям лося – ведущего персонажа данных петроглифов. Очевидно, что контурные изображения, где целиком закрашивались голова и ноги, а туловище обведено, одновременно целиком закрашенным и выполненным в так называемой «скелетной» манере персонажам. Об этом неопровержимо свидетельствуют рисунки первой скалы (первая Турочакская писаница) и особенно её второй грани. Изображения второй грани ярко свидетельствуют ещё и о том, что животные, показанные как в прыжке, с параллельно разбросанными передними и задними конечностями, так и идущие шагом или бегущие «иноходью» (используя терминологию для скаковых лошадей), когда передние и задние ноги животного изображены порой пересекающимися под его брюхом, входят в единую композицию и несомненно одновременны.

Аналогии данным изображениям мы находим в рисунках Енисея и Томи, стилистическая близость которых была продемонстрирована А. А. Формозовым [85] и В. П. Чернецовым [90], чему способствовало впоследствии выделение так называемой ангарской традиции или ангарского стиля [91, с. 187, 188]. Так, очень близкие параллели, выполненные выбивкой по контуру с целиком проработанными ногами и головой, в равной степени с полностью проработанным корпусом или с вертикальными полосками «скелетного» стиля, можно видеть в петроглифах Ангары [55] (рис. 2-1, 3; 4), Минусинской котловины [91, с. 186, рис. 101; 71, табл. 27-7, 26-3, 28, 29-4, 5, 12, 30-5; 32-1; 84, с. 206-207] (рис. 1-2, 5, 6-23), Томи (рис. 1-24). Наиболее близкие территориально изображения, выполненные в абсолютно аналогичной стилистической манере, причем столь же вариативно, недавно обнаружены на погребальных плитах Каракольского могильника [26, табл. 1-1-3] (рис. 1-25-27). Определенные аналогии можно провести и с

петроглифами Куюса [88], датированными В. А. Окладниковым эпохой неолита [66].

Таким образом, круг аналогий очевиден (хотя, при желании, его можно и дополнить, но в данном случае это не принципиально). Однако на хронологию данных изображений точки зрения весьма различны. Так, А. П. Окладников датировал петроглифы Ангары эпохой неолита [55], к этой же точке зрения примкнул впоследствии и А. И. Мартынов [36]. Аналогичным образом датировали эти исследователи и рассматриваемые сюжеты Томских писаниц [35; 60, с. 183, 191; 37]. По существу, этой же датировки придерживаются Н. Л. Подольский и Я. А. Шер [91, с. 187, 188], причем последний считает, что изображения Томской писаницы являются завершающими для ангарского стиля [91, с. 189]. К неолиту отнес изображения лосей на могильных плитах Каракола и В. Д. Кубарев, полагая, что ранее они (плиты) использовались как стелы [26, с. 94-95]. Несколько более осторожно к датировке подобных изображений подошли Б. Н. Пяткин и А. И. Мартынов, называя их ранними, доокуневскими рисунками Шалаболлинских скал [71, с. 118-120], что само по себе существенно расширяло возможное время их бытования, однако в конце параграфа авторы все-таки делают все тот же вывод, хотя опять-таки с оговоркой, которую, впрочем, невозможно истолковать читателю сколько-нибудь определенно. Цитирую: «Таким образом, некоторая часть изображений относится к неолитическому времени» [71, с. 121].

Однако на датировку рассматриваемых изображений существует и иная точка зрения. Так, в конце 60-х гг. А. А. Формозов выделил группу животных с «отсеченной» головой и отнес их к эпохе раннего металла [86, с. 102], к III тыс. до н. э. (время, соответствующее в данном регионе Западной Сибири эпохе раннего металла [4]), отнес А. А. Формозов и изображения лосей Томской писаницы [87, с. 262].

Еще более молодой возраст данных изображений предожил Н. В. Леонтьев [29, с. 102]. Главным аргументом его концепции было сопоставление стилистических особенностей Томских изображений лосей с рисунками данных животных в окуневском искусстве. Эту идею Н. В. Леонтьева приняла С. В. Студницкая, также датировав изображения лосей Томской писаницы эпохой бронзы [83, с. 325]. Исследователь считает, что «начальную стадию такой манеры можно проследить на писаницах Прибайкалья в глазовское время...» [82, с. 42].

Прежде чем приступить к анализу приведенных точек зрения, правильнее всего будет определить круг аналогий другим изображениям Турочакских писаниц.

Несколько слов о рисунке лося второй Турочакской писаницы (рис. 1-3). Его изображение почти не отличается от остальных рисунков анализируемых памятников, кроме одной, чрезвычайно важной, на наш взгляд, детали, заключающейся в особом своеобразном показе задней части туловища животного, которая, как задние ноги, как бы развернута в фас. Уместно подчеркнуть, что подобный стилистический приём характерного показа задней части туловища быка, передаваемой как бы развернутой в фас, характерен только для изображений окуневской куль-

туры эпохи бронзы Минусинской котловины, причем данный приём использовался при изображении не только быков [73; 14; 70; 29], но и других животных и зооморфных существ [5; 11] (рис. 3). Причем такая трактовка наверняка не случайна, ибо, как неоднократно отмечали практически все исследователи, занимающиеся проблемами окуневского искусства, задняя часть изображений животных особо подчеркивалась нанесением на ней креста, личины или других изображений.

Особенно важно, что отмечаемая нами особенность характерна для всех видов животных и зооморфных изображений в окуневском искусстве, что позволяет назвать эту особенность тем самым содержательным элементом в стилистике искусства данной эпохи, который (элемент), как наглядно и убедительно продемонстрировал Я. А. Шер, способен создавать образы различных зооморфных персонажей в результате замены содержательных элементов при сохранении основных изобразительных инвариантов, характерных для стиля определенной эпохи [91, с. 35, рис. 3].

Чтобы убедить читателя в правильности выдвигаемого нами положения, позволю себе привести достаточно объёмный перечень аналогий. Это рисунки ряда быков – Черновая VIII, Знаменка [11] (рис. 3-1-3), Разлив X [70] (рис. 3-5), Сулекская писаница [29] (рис. 3-4), писаница из Бике [73] (рис. 3-7) и Знаменка [14] (рис. 3-8); лосей [15] – Разлив X [29] (рис. 3-6), Шалаболинские писаницы [71]; Собак-Черновая VIII (рис. 3-9); лошадей [2; 11] (рис. 3-10), [71] (рис. 3-10) и фантастических зооморфных изображений [6; 11] (рис. 3-12, 13).

Таким образом, приведенные аналогии однозначно указывают на хронологическую принадлежность рассматриваемого изображения. В данном случае необходимо подчеркнуть ещё два момента. Следует помнить, что изображение лося второй Турочакской писаницы является лишь частью композиции, тогда как остальные её элементы – изображения в виде крестов, расположенных над животным. Совершенно аналогичные приемы в изображении креста, как косоуго, так и прямого, опять-таки хорошо известны в окуневской иконографии [28; 71] (рис. 4-1, 2). Более того, интересная параллель напрашивается в изображениях трех прямых крестов Турочакской композиции и замечательного панно Шалаболинских петроглифов, где от рук антропоморфного существа отделяются по три прямых креста [71] (рис. 4-1).

Изображения лосей второй и первой Турочакских писаниц, несомненно, связывают рисунок лося, нарисованного на второй скале (четвертая грань) первой Турочакской писаницы (рис. 1-2). Дело в том, что манера оформления задней части этого животного – широкой полосой (в отличие от скелетных, более тонких линий) – позволяет сближать его как с лосем, выполненным в манере, характерной только для окуневского искусства, так и с рисунками ангарского стиля. Последний персонаж, представленный на второй Турочакской писанице, – бык (рис. 1-5). Животное изображено в той же манере, что и лоси первой писаницы. Причем, в отличие от охарактеризованного выше изображения лося корпус быка показан в профиль, лишь рога его развернуты в фас. Аналогии данному изображению имеют место в окуневском искусстве, где определенная группа этих

животных изображена с массивным торсом (Черновая VIII) [11] (рис. 3-1-3), с той лишь разницей, что на окуневских изображениях данных животных принципиально по-иному исполнены рога.

Вообще, эта стилистическая особенность окуневского искусства заслуживает, по нашему мнению, не меньшего внимания, чем уже показанная выше характерная черта подачи корпуса животного. Действительно, если внимательно посмотреть на изображения значительного количества окуневских быков, то мы увидим, что рога, в большинстве случаев, изображались как две параллельные дугообразные линии, чаще всего направленные вперед-вверх [70; 73; 26; 11] (рис. 3-1-8). Почему нам представляется столь уж важным данный стилистический аспект? Прежде всего потому, что этот канон присутствует на многих стелах как дополняющий сложное изображение орнамент (см. стелу у ст. Ербинской) [8; 11], на левом берегу р. Ташаба [11], у р. Кьшпта [15], у р. Аскыз и Белый Июс [11], в окрестностях села Усть-Барь [15], в окрестностях совхоза Степного на р. Уйбат [15] (рис. 5), в аналогичном качестве фигурируют бычьи рога и при оформлении антропоморфных личин, нанесенных на плиты в погребальных комплексах, к примеру с р. Черновой [5] (рис. 4-4), и даже на зооморфном фантастическом существе, где изображены на его ногах (рис. 3-42) [8], есть они и на солярных знаках. Подобный прием, используемый древним художником, можно прекрасно объяснить с точки зрения значения бычьих рогов как сакрального атрибута, примеры чему нетрудно найти в культурах эпохи бронзы Азии и Европы [1; 38; 58; 72]. В данной связи интересно отметить, что аналогичным образом использовался реалистический элемент, как раздвоенный на конце хвост быка (см. Камень с р. Черновой [11] (рис. 6-1), р. Бирь [15]), на человеческой фигуре стелы из Аскыза [29] (рис. 6-2), сюжет, на который уже обращали внимание исследователи [10; 25; 53]. Если данная иконографическая черта действительно присуща (возможно, за редким исключением) окуневскому искусству, тогда на многие изображения животных и их датировку следует взглянуть с иных позиций. Прежде всего, это значительная часть изображений Шалаболинских петроглифов [71] (рис. 4-2, 5-10). Особенно существенно, что некоторые из изображений быков с типично окуневскими рогами присутствуют на комплексах, где перекрыты фигурами лосей, выполненных в ангарском стиле [91] (рис. 4-11, 12). Данное наблюдение чрезвычайно важно в плане хронологии ангарского стиля, но об этом позже.

По-видимому, следует признать, что основная масса изображений быков на сибирских писаницах относится к эпохе бронзы. Разумеется, никто не ставит под сомнение существование в ранний период голоцена в Южной Сибири диких быков, однако как в культовой, так и в изобразительной практике (а для данной эпохи эти явления были неразрывны) бык становится ведущим персонажем в эпоху бронзы [89], чему можно привести десятки примеров из мировой археологии. Особенно это касается регионов Западной Сибири и Центральной Азии, где переход к производящей системе экономики, к скотоводству связан с эпохой бронзы [77].

Продолжая перечисление аналогий изображения быка второй Турочакской писаницы, следует указать

на рисунки данных животных, переданных профильно, в статичной позе с развернутыми в фас рогами из Мугур Саргола (Тува) [17] (рис. 4-13), известны они и на многих петроглифах Горного Алтая [62] (рис. 4-14), среди которых особо хотелось бы отметить изображения этих животных на плите из Озерного, где они без сомнения домашние [51] (рис. 4-15), поскольку показаны художником привязанными за рога.

Заканчивая рассмотрение аналогий, несколько слов все же необходимо сказать о зафиксированной Е. П. Маточкиным, но не сохранившейся личине. Исходя из описания, приводимого выше, данное изображение, по-видимому, весьма напоминало аналогичные рисунки окуневского времени, также нанесенные на скалы красной охрой [29].

Какие же выводы можно сделать, рассмотрев и проанализировав аналогии изображениям Турочакских писаниц?

В настоящей работе, посвященной достаточно узкой проблематике, мне думается, не место давать критический анализ изложенных выше точек зрения на проблему датировки Сибирских петроглифов. Это заняло бы не одну страницу и увело бы читателя в сторону от рассматриваемых вопросов. Разумеется, это не значит, что мы не имеем своего видения на данную проблему.

Вкратце же следует сказать следующее. Предпочтение при датировке рассматриваемых сюжетов следует отдавать прежде всего стилистическому анализу изображений в контексте с палимпсестами. Очень заманчивый и казалось бы весьма доказательный путь сопоставления наскальных рисунков с произведениями мелкой пластики, изображениями животных из закрытых комплексов работает далеко не всегда, хотя именно на таком подходе построен целый ряд хронологических схем для сибирских петроглифов.

Причин несовершенства такого метода я бы назвал несколько.

1. Сопоставление произведения пластического искусства и рисунка на скале далеко не всегда корректно [86] и может лишь говорить об общности персонажей, тогда как стилистические особенности, проликованные, прежде всего, законами жанра, могут быть (а чаще всего именно так и бывает!) различными.

Лишь в тех случаях, когда и в наскальной живописи, и в пластике мы находим общность специфических особенностей стиля, можно уверенно пользоваться этими способами для датировки петроглифов.

В качестве иллюстрации данного положения позволю себе привести лишь несколько примеров корректности подобного способа датировки. Я имею в виду хронологическое определение В. В. Бобровым ряда изображений Новоромановской писаницы эпохи раннего железа и корректную, по нашему мнению, попытку культурной идентификации изображений, поскольку стилистические особенности кулайского плоскостного литья, скелетный стиль, при нарочитой упрощенности и схематизации образа, нашли отражение и в наскальных изображениях [3].

Не менее показателен и интересен другой пример. Если посмотреть на пластику из погребений окуневской культуры, то и жел, и миниатюрные антропоморфные изображения из могильника Чер-

новая VIII [11], и изображения животных и их голов из могильников Карасук и Стрелка [21; 78] стилистически не сопоставимы с окуневскими изображениями на могильных плитах и писаницах (кстати, на этот факт обращал внимание Я. А. Шер [91, с. 221]).

Но вот М. Н. Пшеницыной исследован могильник Черновая X, где на одной из плит в реалистической манере изображены фигуры женщин с распущенными волосами¹ – особенность, характерная для ряда пластических изображений окуневской мелкой скульптуры. Таким образом, сопоставление из ряда предположений становится доказательным.

2. Использование для датировки петроглифов мелкой пластики из погребений, при соблюдении вышеуказанного условия возможно лишь при надежной датировке погребального комплекса. Классическим примером того, как неучет данного обстоятельства сыграл свою неблагоприятную роль при датировке целого пласта сибирских писаниц, является широко известное погребение из Базаихи, где И. Т. Савенковым обнаружены скульптурки лосей [75]. Датировав находки эпохой неолита, А. П. Окладников построил на этом основании хронологию наскальных изображений [54], в том числе и интересующей нас Томской писаницы [60]. Не менее бездоказательно отнес данное погребение к окуневской культуре Г. А. Максименков [32, с. 78].

3. По-видимому, наиболее приемлемыми сравнениями петроглифов с реалиями из археологических комплексов могут быть рисунки антропоморфных и зооморфных изображений на керамике. Любопытно подчеркнуть, что рисунки на керамике, так же как и петроглифы, стилистически отличны от мелкой пластики той или иной культуры (сравните, например, изображения на сосудах самусьской культуры [40; 41; 22; 13] с пластикой [41; 49]). Корректность и убедительность таких сопоставлений доказали, например, Э. Б. Вадецкая, сравнивая рисунки на керамике самусьской культуры и окуневские антропоморфные изображения [9], и А. П. Окладников, используя эти данные для датировки антропоморфных изображений петроглифов Байкала и Енисея [56].

Столь же доказательно выглядят сопоставления антропоморфных изображений на керамике эпохи бронзы Восточной Сибири [74] с аналогичными сюжетами на петроглифах Олекмы и Верхнего Приамурья, на что впервые обратили внимание А. П. Окладников и А. И. Мазин [59]. В настоящее время количество подобных изображений на керамике увеличилось [81].

Весьма убедительные параллели антропоморфных изображений на позднеэнеолитической керамике с отдельными сюжетами наскальных изображений Урала приведены С. Ф. Кокшаровым [20].

Таким образом, возвращаясь в связи со всем сказанным к датировке ангарского стиля изображений, мы должны признать, что определение его путем проведения сопоставлений изображений животных на скалах с мелкой пластикой допускает весьма широкую датировку от эпохи неолита до развитой бронзы включительно. По крайней мере даже сторон-

¹ Пользуясь случаем, приношу искреннюю благодарность М. Н. Пшеницыной за любезно предоставленную мне возможность познакомиться с неопубликованными материалами могильника Разлив X.

ники поздней датировки ангарского стиля считают, то он (стиль) зародился в эпоху неолита [29; 83; 85].

Не исключено, впрочем, что именно так было и на самом деле. По крайней мере сегодня мы должны признать, что у оппонентов, отстаивающих диаметрально противоположные точки зрения, нет достаточно аргументов для безапелляционного доказательства своей теории. Поэтому правильное всего подходить к датировке отдельных изображений достаточно индивидуально, с учетом особенностей территории и самого памятника.

Нет сегодня оснований сомневаться в том, что изображения, выполненные в ангарском стиле, не только доживают до окуневского времени, но и существуют в это время. Данную концепцию основательно аргументировал Н. В. Леонтьев [29], а нам, в настоящей работе, хотелось бы привести некоторые дополнительные аргументы в её пользу.

Чрезвычайно интересные результаты были получены при исследовании Шалаболинских петроглифов Б. Н. Пяткиным и А. И. Мартыновым. Работая над значительным количеством палимпсестов, обнаруженных на памятнике, исследователи пришли к совершенно правильному выводу: «Анализ случаев взаимоперекрывания одностилистических рисунков свидетельствует о принадлежности их к одной большой группе изображений, характеризующихся единой художественной традицией. Зафиксированные факты повторяемости перекрывания лошадей сохатыми, сохатых быками, быков лошадьми и т. д. свидетельствуют в пользу одновременности их создания, т. е. создания в одну эпоху, что подтверждается единством стиля этих изображений» [71].

После такой посылки совершенно алогичным звучит вывод, который делают авторы далее: «На Шалаболинских скалах есть случаи перекрывания ранних изображений рисунками окуневского времени (Камень 33). Именно поэтому можно говорить о доокуневских композициях, широко представленных на Шалаболинских скалах» [71].

Действительно, с одной стороны, авторы пишут о том, что многократное перекрытие ещё не говорит о существенной хронологической разнице рисунков, с другой – тут же разделяют их на окуневские и доокуневские. Беда в том, что авторы не учитывают, что окуневские изображения наносились и краской, и выбивкой, и граффити [34], причём сочетания этих различных способов исполнения рисунка нередко встречаются на одних композициях и одних рисунках! [29; 70; 91] (рис. 3-5).

Достаточно variabelны и персонажи наскальных изображений окуневской культуры, где присутствуют рисунки как домашних, так и диких животных.

Если же мы посмотрим на рассматриваемые Б. Н. Пяткиным и А. И. Мартыновым комплексы с точки зрения отмеченных выше нами стилистических особенностей, характерных только для окуневского искусства, то мы увидим, что и на камне 74, и на камне 102 [71] изображения быков имеют рога, нарисованные в типичной для данной культуры манере. За это говорит и статичность позы изображенных животных. Кстати сказать, М. П. Грязнов считал изображения быков Шалаболина окуневскими [14]. К этой же точке зрения присоединялся А. А. Формозов [86, с. 95].

Дополнительные аргументы высказываемого нами предположения мы находим в монографии Я. А. Шера, где собраны случаи (рис. 103), взятые из петроглифов Енисея. Там быки изображены, по нашему мнению, с характерными для окуневского искусства особенностями, перекрыты изображениями лосей, выполненных в ангарском стиле [91] (рис. 4-11, 12). Причем туловище одного из быков изображено в скелетной манере, что сближает его с быком второй Турочакской писаницы.

Хотелось бы отметить и еще один важный сюжет, открытый Б. Н. Пяткиным и А. И. Мартыновым на Шалаболинской писанице. Это великолепная композиция окуневской культуры, зафиксированная ими на камне 53 (рис. 4-16) и никем из многочисленных исследователей этого памятника не обнаруженная. В данном случае обращает на себя внимание изображение лоса, выполненное красной охрой, пораженного в спину дротиком (рис. 4-17). Рисунок выполнен в скелетной манере, и принадлежность его к данной окуневской композиции бесспорна. Данное открытие трудно переоценить, поскольку оно позволяет аргументированно датировать значительную часть изображений, выполненных в скелетной манере, окуневским временем.

Таким образом, можно констатировать, что существенное число петроглифов Енисея и Томи следует отнести к окуневскому времени.

Из всего сказанного можно сделать однозначный вывод о датировке Турочакских писаниц. Стилистические особенности трактовки лоса второй писаницы, знаки в виде прямого креста, изображения быка в скелетной манере и, возможно, личины без сомнения позволяют датировать вторую писаницу окуневским временем. С другой стороны, её стилистическая связь с первой писаницей, уже отмеченная выше, а также приведенные аналогии и соображения, касающиеся датировки ангарского стиля и «скелетной» манеры исполнения, позволяют аналогично датировать и первую Турочакскую писаницу.

Открытия последних лет на территории Горного Алтая памятников эпохи бронзы, отличающихся по времени от афанасевских [16; 44-46; 68; 69], особенно раскопки В. Д. Кубаревым замечательного каракольского могильника [24; 26] позволили по-новому взглянуть не только на хронологию многих памятников наскального искусства Горного Алтая, но и на их культурную принадлежность.

Проанализировав изображения на плитах Каракольского могильника, В. Д. Кубарев, справедливо отметив существенное сходство алтайских и окуневских персонажей, отнес первые к локальному варианту окуневской культуры [24].

Работая над обобщающей сводкой по эпохе бронзы Горного Алтая, мы пришли к выводу [48], что в центральной части данного региона локализуется группа памятников, куда в том числе входят могильники у с. Каракол и Озерное и которые специфичны по многим параметрам, что позволяет ставить вопрос о выделении особой культуры эпохи развитой бронзы, названной нами по наиболее яркому памятнику каракольской [47]. К данной культуре мы отнесли петроглифы Турочакской писаницы, правда, в силу специфики сводки, без развернутой аргументации. В настоящей работе этот пробел необходимо восполнить.

Итак, первое, что позволяет сопоставить турочакские писаницы и плиты с рисунками из Каракола, — это изображения лосей — основного персонажа писаниц, четырежды зафиксированного в Каракольском могильнике (Курган 2, погребение 2, плита 3; погребение 5, плита 1; погребение 5, плита 3; плита 8, с западной окраины Каракола [26]) (рис. 2-25-27). Хотя животные выполнены разными способами: на Турочакской писанице краской, а в Караколе — выбивкой, стилистические особенности изображений вполне сопоставимы. Важно отметить, что корпус лося второй Турочакской писаницы был местами обозначен выбивкой, а затем покрашен краской [39].

Казалось бы, проблема хронологии и культурной идентификации Турочакских писаниц решается достаточно просто, однако это не так. Сложность заключается в том, что автор раскопок Каракольского могильника В. Д. Кубарев делит изображения на плитах могильника на хронологически (а, следовательно, и культурно) различные пласты. Остановимся на данной проблеме детально.

Исследователь считает, что «по стилю, содержанию, технике исполнения, а самое главное, по внутренней стратиграфии (наложение рисунков друг на друга) можно выделить три основных хронологических пласта или этапа создания всех каракольских рисунков» [26, с. 94].

Первый период — «период охотников» или «период лося» (IV — середина III тыс. до н. э.). Второй — «период пастухов» или «период человека-солнце-быка» (вторая половина III тыс. до н. э.). Третий пласт — «период шаманов» (конец III тыс. — начало II тыс. до н. э.) [26, с. 94-96, 102].

Подобный подход, не говоря уже о названиях и ничем не обоснованной хронологии, представляется весьма спорным. Сама же концепция неоднократного использования плит с рисунками подробно разработана Я. А. Шером в его фундаментальной монографии, посвященной первобытному искусству Центральной и Средней Азии [91, с. 219-229].

Ещё в пятидесятые годы А. Н. Липский на основе раскопок могильника Тас-хазаа пришел к заключению о вторичном использовании плит с рисунками и датировал их эпохой, предшествующей афанасьевской культуре, «возможно, ещё более ранней эпохе энеолита» [30]. Эту концепцию поддержали С. В. Киселев и Л. Р. Кызласов [18; 27].

Поскольку данная проблема является во многом определяющей, она требует особого внимания. Прежде всего, необходимо подчеркнуть справедливость замечания М. А. Пitera о необходимости монографической публикации, касающейся окуневской культуры [91, с. 217].

Действительно, отсутствие подобной работы существенно осложняет осмысление различных аспектов окуневской проблематики, и памятники искусства здесь не являются исключением. Поэтому, думается, система доказательств, приводимая и сторонниками одновременности стел, рисунков, пластики, и противниками данной концепции, достаточно уязвима при строгой системе доказательств.

В конечном итоге суть проблемы сводится к тому, являются ли плиты с изображениями, встречающиеся в окуневских захоронениях, вторичными при

таком использовании, либо они были атрибутами погребального обряда и изготавливались специально.

Приверженцами первой концепции являются А. Н. Липский, С. В. Киселев, Я. А. Шер, Л. Р. Кызласов, В. Д. Кубарев; второй — Э. Б. Вадецкая, Н. В. Леонтьев, Г. А. Максименков, А. А. Формозов и другие исследователи.

Мне более импонирует вторая точка зрения, о дополнительной аргументации которой хотелось бы сказать несколько слов.

1. Представляется, что памятники окуневского искусства, монументальная скульптура, наскальные изображения и мелкая пластика имеют достаточно много специфических стилистических особенностей, связывающих между собой эти виды изобразительного творчества. Мы уже писали выше о бычьих рогах и хвостах, имеющих место как на реалистических и фантастических образах, так и на стелах и антропоморфных изображениях окуневцев. Изображение личин близких, а порой и тождественных стилистически, встречается как на монументальных скульптурах, так и на могильных плитах и наскальных изображениях.

Одним из основных аргументов в пользу хронологического различия стел и рисунков на погребальных плитах является стела из Знаменки (см. М. П. Грязнов [14]) (рис. 6-3). Я. А. Шер считает, что изображения быков и повозки (окуневские) нанесены на более раннюю стелу (доокуневскую) [91, с. 223-229]. Однако автор почему-то не допускает возможности, что быков на стелу нанесли через очень короткий промежуток времени, а возможно, что и сам ваятель стелы. Это тем более странно для Я. А. Шера, поскольку в цитируемой монографии он не раз демонстрирует предельно осторожный подход к палимпсестам. Он пишет, в частности: «Немного дает и особый вид стратиграфии в тех случаях, когда одни рисунки бывают перекрыты другими, так называемые палимпсесты. В этих случаях очевидным и несомненным является то, что верхний рисунок моложе нижнего, но насколько моложе — этот вопрос редко получает достоверное решение без привлеченных дополнительных или косвенных наблюдений» [91, с. 171]. Именно стилистический анализ изваяний и позволил Э. Б. Вадецкой сделать вывод об их единстве и принадлежности к одной культуре [6].

Важно отметить, что изображения животных, в частности, быков (или коров), выполненные в типичной для окуневской иконографии манере, имеют место и на монументальных произведениях, нередко являясь неотрывной частью композиции (рис. 6-4; 7-1-3) [27].

2. Мы далеки от мысли, что окуневское художественное творчество было неизменным во времени. Об этом говорят и попытки его типологизации [28; 33], которые хотя и несовершенно, все же демонстрируют известное изменение формы и содержания. В данном случае уместно вспомнить, что направления в художественном творчестве, к примеру, импрессионизм или кубизм, имея несомненные стилистические особенности, мало изменчивы (если вообще изменчивы) во времени. Поэтому и не следует ожидать от искусства той или иной культуры явлений (имеется в виду изменчивость формы), которые характерны для орудий труда или оружия. Как прави-

ло, в искусстве разных школ происходит принципиальный отказ от используемых ранее канонов.

3. Одним из аргументов, которые всегда приводят сторонники многократного использования стел с рисунками, является как бы пренебрежительное отношение к ним людей при последующем применении. Во-первых, плиты эти часто разбиты, во-вторых, рисунки нанесены порой не со стороны погребения, а с противоположной или с обеих сторон, наконец, в третьих, изображения иногда не занимают центральной части плоскости, расположение их произвольно и, иными словами, не подчинено современным, понятным для нас, законам построения композиции.

Разумеется, данный аргумент весьма серьёзен, чтобы удовлетвориться объяснением Э. Б. Вадецкой, что плиты с рисунками были хрупки, часто ломались и, утратив своё культовое значение, использовались их создателями для постройки погребальной камеры [5; 6; 8]. Скорее всего, мы имеем дело с нарочитой небрежностью. Причем, «небрежностью» в нашем понимании.

Уместно вспомнить своеобразное построение композиции, присущее для палеолитической живописи. В Альтаири, например, изображения животных не только налегают одно на другое, но и порой развернуты в разных плоскостях [80, с. 24] (рис. 9), ещё более показательны, в интересующем нас плане, панно зала XI пещеры Ла Пасьега, где изображения не только налегают друг на друга и переданы в разных плоскостях, но и выполнены различными приёмами [80].

«Обращаясь к первобытному искусству, следует помнить о его всеобщности. В отличие от искусства современного и «классического» периода оно представляет не отдельных художников, народы или страны и даже не расы и континенты, а прежде всего — определенную стадию развития человеческой культуры» [43, с. 239]. Естественно поэтому, что для корректной реконструкции первобытного творчества необходим учёт не только специфики уровня архаичного мышления, но и реконструкция всего уровня культуры, на котором создавалось анализируемое произведение [79], что по понятным причинам весьма и весьма сложно, а порой вообще невозможно.

Поэтому нет ничего удивительного, что для окуневцев, как и для каракольцев, подобный подход к оформлению погребальных камер был традиционен, хотя порой имеет место и понятное для нас размещение рисунков на могильных плитах. Достаточно вспомнить хорошо известную в литературе плиту с быками из Разлива X [70] (рис. 3-5).

Предположим, однако, что все эти плиты из погребений, как окуневских, так и каракольских, когда-то стояли где-то в Хакасии или Горном Алтае. В таком случае возникает законный вопрос: почему ни одно изваяние в виде плиты (пригодной для последующего переоформления в погребение) не дошло до нашего времени? И это при обилии в данных регионах разновременных стел и изваяний.

Почему, наконец, использованные якобы вторично плиты встречаются только в захоронениях окуневской культуры (в Минусинской котловине)? Почему мы практически не встречаем их в захоронениях других эпох и культур, где также применялись

плиты? И уж совсем непонятно, почему абсолютно аналогичное явление мы наблюдаем теперь уже и на Алтае, в каракольской культуре. Почему, наконец, окуневцы использовали для своих погребальных камер стелы с весьма стилистически и тематически ограниченным набором изображений?

Ответ на эти вопросы может быть однозначен. Все дело в том, что данные плиты изготавливались не просто современниками умерших, но именно для погребальных камер, а следовательно, являлись составной частью погребального обряда окуневцев. То же самое было присуще и каракольцам.

Теперь пришло время вернуться к предмету нашего исследования, точнее к аналогичным изображениям лосей на могильных плитах каракольского могильника. Они близки окуневским не только в силе идентичности отдельных персонажей, на которые справедливо указывает В. Д. Кубарев [26]. Их сближает и то, что многие могильные плиты окуневской культуры так же, как многие каракольские, являются палимпсестами [11].

Наконец, как у окуневских могильных плит, так и у каракольских мы наблюдаем сочетание различных способов нанесения изображений выбивкой, прорисовкой и гравировкой [11; 26; 30]. Причем неопровержимость этого факта для окуневского искусства, думаю, настолько очевидна, что не требует дополнительных доказательств. Смотрите хотя бы всё ту же плиту с быками из Разлива X (рис. 3-5), где пять животных, выполненных различными способами, в единой стилистической манере, перекрывают друг друга.

И все же, может быть, лоси на каракольских плитах были нанесены значительно раньше, и плиты в данном случае использовались вторично? Этот вопрос принципиален и поэтому требует особого анализа.

Ключом к пониманию данного сюжета является плита 3 из пятого погребения Каракольского могильника (рис. 7-4). Приведем, вслед за автором рассказов, её описание. «Плита 3. Размеры 103×99×5 см (рис. 50, 51). Цвет серо-коричневый. Порода слоистая. Часть плиты пострадала от сырости. При этом верхняя корочка плиты, отслоившись, рассыпалась. Вместе с ней частично пострадал и один большой рисунок, выполненный светло-красной охрой (рис. 52). (На прорисовке всей плиты этот рисунок отсутствует, рис. 51 — М. В.). Это была крупная антропоморфная фигура (первоначальная высота составляла приблизительно 58-60 см), изображённая анфас (рис. 52). Ещё при раскопках различались части многолучевой короны и голова. К настоящему времени осталась только нижняя половина фигуры: ноги — двумя контурными полосами, руки — сплошными широкими (1,5 см) полосами красного цвета, заканчивающиеся черными кистями — хвостами.

Кроме аморфного пятна красной охры других крашенных рисунков на этой плите нет. Следует только отметить, что и на плите 3, по её верхнему краю, изнутри нанесена полоса охры шириной 4-5 см (на прорисовке рис. 51 отсутствует. — М. В.), т. е. она является продолжением такой же полосы, нанесённой в верхней части плиты 2. Совершенно ясно, то они служили декоративным оформлением ящика, окаймляя его изнутри.

Описанный фрагмент крашеного рисунка наложен на целую серию выбитых рисунков, расположенных к нему под углом в 90°. В данном случае повторяется момент вторичного использования плиты-стелы с более ранними выбитыми рисунками (рис. 51). Они занимали, очевидно, её треть и были расположены только в верхней части. Затем нижняя часть плиты была оббита для того, чтобы отвечать новому назначению в качестве стенки каменного ящика.

Основные изображения плиты-стелы: идущий вправо лось в верхней части; справа и внизу от него антропоморфное солнцеголовое существо не то с поводом, не то с копьем, направленным к шее лоса (рис. 53, 54) ...» [26, с. 66-68].

Таким образом, из описания, прорисовок и фотографий отчетливо явствует имеющая место композиционная связь изображения лоса и антропоморфной фигуры «солнцеголового» существа, из чего неоспорима и связь так называемого «периода охотников» или «периода лоса», датируемого В. Д. Кубаревым VI – серединой III тыс. до н. э. [26, с. 94], со вторым выделяемым им периодом «пастухов» или «человеко-солнце-быка», датируемым В. Д. Кубаревым второй половиной III тыс. до н. э. [26, с. 96]. Таким образом, искусственность первых двух этапов, выделяемых В. Д. Кубаревым, очевидна.

Столь же просто доказывается несостоятельность и третьего этапа, называемого «периодом шаманов» и датируемого концом III тыс. – началом II тыс. до н. э. [26, с. 102]. К этому периоду, как полагает исследователь, относятся «персонажи все те же, что и на втором этапе, но техника и стиль исполнения иные: тонкая гравировка схематичных, часто незаконченных и ирреалистичных изображений и полихромные росписи фантастических маскированных фигур» [26, с. 102].

Узавность датируемой посылки очевидна. Достаточно посмотреть на плиту № 1 погребения 5 (рис. 7-5), где в центре краской изображено существо в маске хищника, в «солнцеголовом» уборе и с гравированными бычьими рогами. Профильная поза, характерный головной убор, рога абсолютно аналогичны таким же аксессуарам существ, относимых автором ко второму периоду.

Очевидно, таким образом, что, как и в окуневских изображениях на могильных плитах, рисунки на каракольских стелах одинокультурны и в целом одновременны.

По-видимому, прав В. Д. Кубарев в том, что крашенные фигуры, объединённые и композиционно, наносились на стенки ящика последними перед погребением, о чем ярко свидетельствует и красная полоса охры, огибающая верхний срез изнутри саркофага.

Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что изображения лосей на каракольских погребальных ящиках (как и весь рассматриваемый комплекс) относятся к каракольской культуре эпохи бронзы Горного Алтая и датируются периодом развитой бронзы, т. е. двумя первыми третями II тыс. до н. э. [47].

По аналогии с ними таким же образом следует интерпретировать и Турочакские писаницы, отнеся их к Каракольской культуре.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Антонова Е. В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1984. 260 с.
2. Aspelin I. R. Inscriptions de l'Eenissee; Recueillies et publiees par la Societe finlandaise d'archeologie Helsingfors, 1889. 189 p.
3. Бобров В. В. Кулайские элементы в тагарской культуре // Ранний железный век Западной Сибири. Томск, 1978. С. 33-42.
4. Bobrov V. V. On the Problem of interethnic Relations in south Siberia in the third and early second millennium B. C. // Arctic Anthropology. 1988. № 2. P. 30-46.
5. Вадецкая Э. Б. Древние изваяния эпохи бронзы на Енисее: Автореф. дис. канд. ист. наук. Л., 1965. 16 с.
6. Вадецкая Э. Б. Изображение зверя-божества из Хакасии // Новое в советской археологии: Материалы и исследования по археологии СССР. № 130. М., 1965. С. 174-176.
7. Вадецкая Э. Б. О каменных стелах эпохи бронзы в Хакасско-Минусинской котловине // Советская археология. 1965. № 4. С. 62-69.
8. Вадецкая Э. Б. Древние идолы Енисея. Л., 1967. 76 с.
9. Вадецкая Э. Б. О сходстве самусьских и окуневских антропоморфных изображений // Советская археология. 1969. № 1. С. 36-44.
10. Вадецкая Э. Б. Проблема интерпретации окуневских изваяний // Пластика и рисунки древних культур. Новосибирск, 1983. С. 86-97.
11. Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А. Памятники окуневской культуры. Л., 1980. С. 148.
12. Вяткина К. В. Шалаболинские (Тесинские) наскальные изображения // С. Музея антропологии и этнографии. Т. XII. М., 1949. С. 16-66.
13. Глушков И. Г. О южных связях поселения Самусь IV // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Новосибирск, 1989. С. 12-30.
14. Грязнов М. П. Писаница эпохи бронзы из д. Знаменки в Хакасии // Краткое сообщение Института истории материальной культуры. 1960. № 80. С. 85-89.
15. Грязнов М. П., Шнейдер Е. Р. Древние изваяния минусинских степей // Материалы по этнографии. 1929. Т. IV. Вып. 2. С. 30.
16. Деревянко А. П., Васильевский Р. С., Молодин В. И., Маркин С. В. Исследования Денисовой пещеры. Предварительный анализ источников голоценовых культур слоев: Препринт. Новосибирск, 1985. 65 с.
17. Дэвлет М. А. Петроглифы Мугур-Саргола. М., 1980. 269 с.
18. Киселев С. В. К изучению минусинских каменных изваяний // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 27-34.
19. Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. М., 1983. 301 с.
20. Кокшаров С. Ф. О содержании и датировке одной группы уральских писаниц // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М., 1990. С. 79-83.
21. Комарова М. Н. Своеобразная группа энеолитических памятников на Енисее // Проблемы Западно-Сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981. С. 76-90.
22. Косарев М. Ф. К вопросу об антропоморфных и солярных рисунках на самусьской керамике // Советская археология. 1964. № 1. С. 32-36.
23. Кубарев В. Д. О локальном варианте окуневской культуры на Алтае // Скифская эпоха Алтая: Тез. док. конф. Барнаул, 1986. С. 102-104.
24. Кубарев В. Д. Открытия в долине р. Урсул // Археологические открытия 1985 года. М., 1986. С. 250-251.
25. Кубарев В. Д. Антропоморфные хвостатые существа алтайских гор // Антропоморфные изображения. Новосибирск, 1987. С. 150-169.
26. Кубарев В. Д. Древние росписи Каракола. Новосибирск, 1988. 171 с.

27. Кызласов Л. Р. Древнейшая Хакасия. М., 1986. 293 с.
28. Леонтьев Н. В. Наскальные рисунки Коровьего лога // Известия Сибирского отделения АН СССР. Сер. обществ. наук. Вып. 3. № 11. Новосибирск, 1976. С. 32-36.
29. Леонтьев Н. В. Антропоморфные изображения окуневской культуры (Проблемы хронологии и семантики) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Неолит и эпоха металла. Новосибирск, 1978. С. 88-118.
30. Липский А. Н. Новые данные по афанасьевской культуре // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 269-278.
31. Мазин А. И. Тасжные писаницы Приамурья. Новосибирск, 1986. 259 с.
32. Максименков Г. А. О культурах эпохи бронзы южной части Сибири // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970. С. 52-68.
33. Максименков Г. А. Окуневская культура: Автореф. дис. докт. ист. наук. Новосибирск, 1975. 32 с.
34. Максименков Г. А. Сюжеты окуневского искусства // Древний Восток и мировая культура. М., 1981. С. 35-41.
35. Мартынов А. И. Лодки – в страну предков. Кемерово, 1966. 35 с.
36. Мартынов А. И. Петроглифы Сибири: анализ конкретных источников и «всемирно-исторический масштаб» // Известия СО АН СССР. Сер. обществ. наук. 1971. № 3. С. 103-118.
37. Мартынов А. И. The Tom' River Petroglyphs of Siberia // Mush-Ox, 1982. P. 1-15.
38. Массон В. М. Поселение Джейтун // МИА. 1971. № 180. 207 с.
39. Маточкин Е. П. Новые петроглифы Бии // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1986. С. 20-23.
40. Матющенко В. И. Об антропоморфных изображениях на стенах глиняных сосудов с поселения Самусь IV // Советская археология. 1961. № 4. С. 266-269.
41. Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Ч. 2: Самусьская культура // Из истории Сибири. Вып. 10. Томск, 1973. 130 с.
42. Матющенко В. И. Некоторые новые материалы по самусьской культуре // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С. 191-198.
43. Мириманов В. Б. Искусство тропической Африки. М., 1986. 310 с.
44. Молодин В. И. К вопросу об эпохе бронзы Горного Алтая // Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири (итоги и перспективы). Иркутск, 1986. С. 109-111.
45. Молодин В. И. Голодец Денисовой пещеры // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. М., 1987. С. 176-177.
46. Молодин В. И. Проблемы бронзового века Горного Алтая (итоги и перспективы) // Эпоха камня и палеометалла Азиатской части СССР. Новосибирск, 1988. С. 50-56.
47. Молодин В. И. Развитая бронза Горного Алтая // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях. Уфа, 1991. С. 9-13.
48. Молодин В. И. Горный Алтай в эпоху бронзы // История Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1993 (в печати). 68 с.
49. Молодин В. И., Глушков И. Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск, 1989. 168 с.
50. Молодин В. И., Маточкин Е. П. Новые петроглифы Бии // Природа (в печати).
51. Молодин В. И., Погожева А. П. Плита из Озерного (Горный Алтай) // Советская археология. 1990. № 1. С. 167-177.
52. Николаева Т. В., Пяткин Б. Н. К истории изучения петроглифов Енисея (дореволюционный период) // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1979. С. 134-141.
53. Новгородова Э. А. Мир петроглифов Монголии. М., 1984. 167 с.
54. Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья // Материалы и исследования по археологии СССР. № 18. Ч. I-II. М.-Л., 1950. 411 с.
55. Окладников А. П. Петроглифы Ангары. М.-Л., 1966. 321 с.
56. Окладников А. П. Проблема связи между племенами Западной Сибири и Прибайкалья в раннем бронзовом веке // Из истории Сибири. Вып. 7. Томск, 1973. С. 20-25.
57. Окладников А. П. Петроглифы Байкала – памятники древней культуры народов Сибири. Новосибирск, 1974. 124 с.
58. Окладников А. П. Из области духовной культуры неолитических племен долины Керулена: ритуальные захоронения остатков животных // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978. С. 82-96.
59. Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы реки Олёмки и Верхнего Приамурья. Новосибирск, 1976. 187 с.
60. Окладников А. П., Мартынов А. И. Сокровища томских писаниц. М., 1972. 255 с.
61. Окладников А. П., Молодин В. И. Турочакская писаница (Алтай, долина р. Бия) // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 11-21.
62. Окладников А. П., Окладникова Е. А. Древнейшие рисунки Кызыл-Келя. Новосибирск, 1985. 146 с.
63. Окладников А. П., Окладникова Е. А., Запорожская В. Д., Скорынина Э. А. Петроглифы долины реки Елангаш. Новосибирск, 1979. 136 с.
64. Окладников А. П., Окладникова Е. А., Запорожская В. Д., Скорынина Э. А. Петроглифы Горного Алтая. Новосибирск, 1980. 139 с.
65. Окладников А. П., Окладникова Е. А., Запорожская В. Д., Скорынина Э. А. Петроглифы Чанкыр-келя. Алтай. Елангаш. Новосибирск, 1981. 145 с.
66. Окладникова Е. А. Петроглифы Куюса (долина р. Катуня, Алтай) // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975. С. 122-128.
67. Окладникова Е. А. Петроглифы Средней Катуня. Новосибирск, 1984. 110 с.
68. Погожева А. П., Кадиков Б. Х. Могильник эпохи бронзы у поселка Озерного на Алтае // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979. С. 80-84.
69. Погожева А. П., Молодин В. И. Раскопки на поселении Кара-Тенеш (1978 г.) // Археологический поиск. Северная Азия. Новосибирск, 1980. С. 92-98.
70. Пшеницына М. Н., Завьялов В. А., Пяткин Б. Н. Раскопки на территории Красноярского водохранилища // Археологические открытия 1974 года. М., 1975. С. 228-230.
71. Пяткин Б. Н., Мартынов А. И. Шалаболинские петроглифы. Красноярск, 1985. 187 с.
72. Рутковский Б. Крит. Варшава, 1978. 24 с.
73. Рыгдылон Э. Р. Писаницы близ озера Шира // Советская археология. 1959. № 29-30. С. 81-98.
74. Савельев Н. А., Горюнова О. И. Сосуд с антропоморфными изображениями со стоянки «Пастбище» // Известия Восточно-Сибирского отдела Географического общества СССР. Т. 68. Иркутск, 1971. С. 52-64.
75. Savenkov I. Sur les restes de l'epoque neolithique // Congres interhat d'Accheol et d'Anthropol prehistoriques, II-eme session, a Moskon II Moskon. Paris, 1893.
76. Савенков И. Т. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее // Труды XIV археологического съезда. М., 1910. С. 96-117.

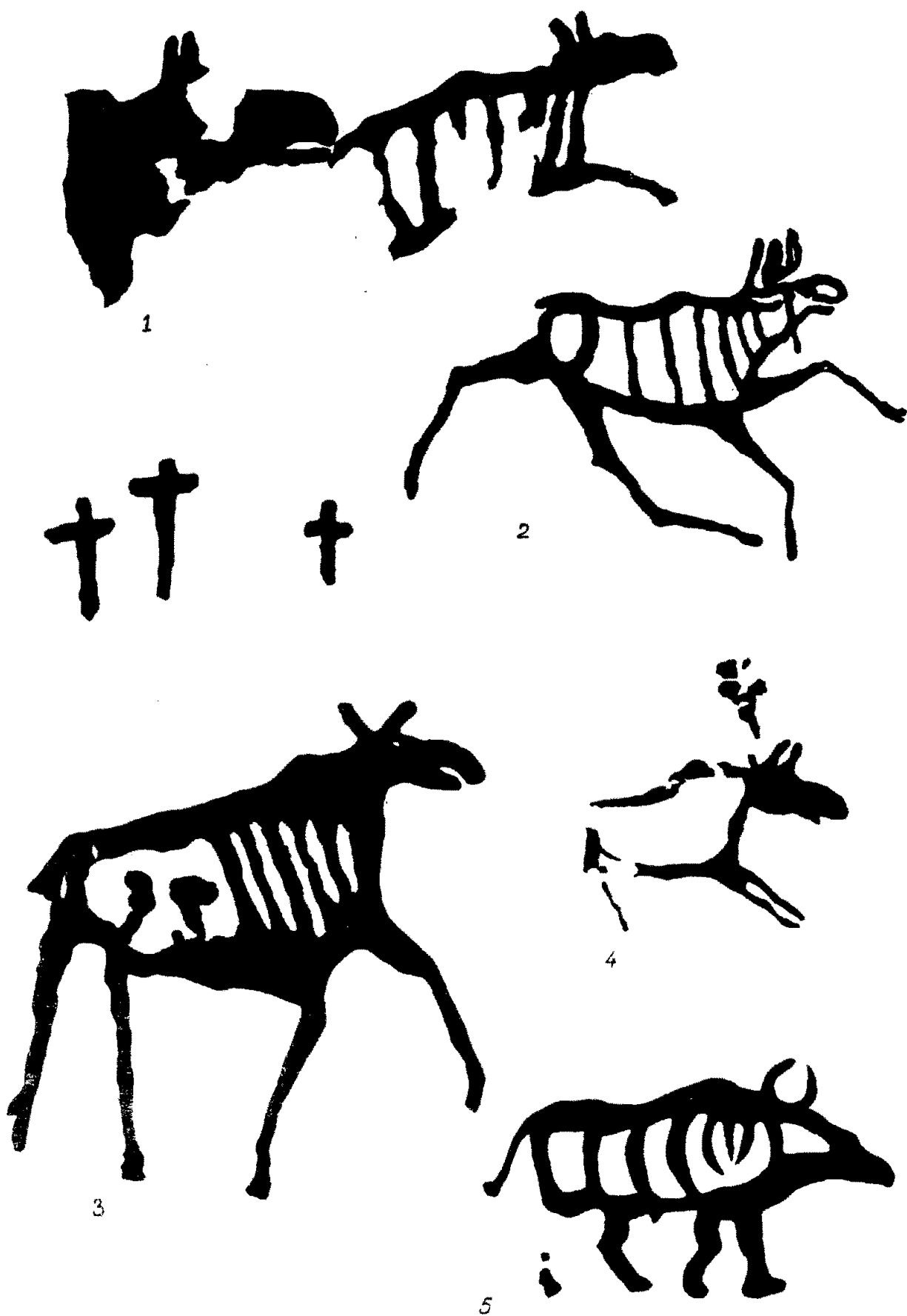

Рис. 1. Изображения первой – 1, 2, 4 и второй – 3, 5 Турочакских писаниц. 1, 2, 4 – по А. П. Окладникову и В. И. Молодцу

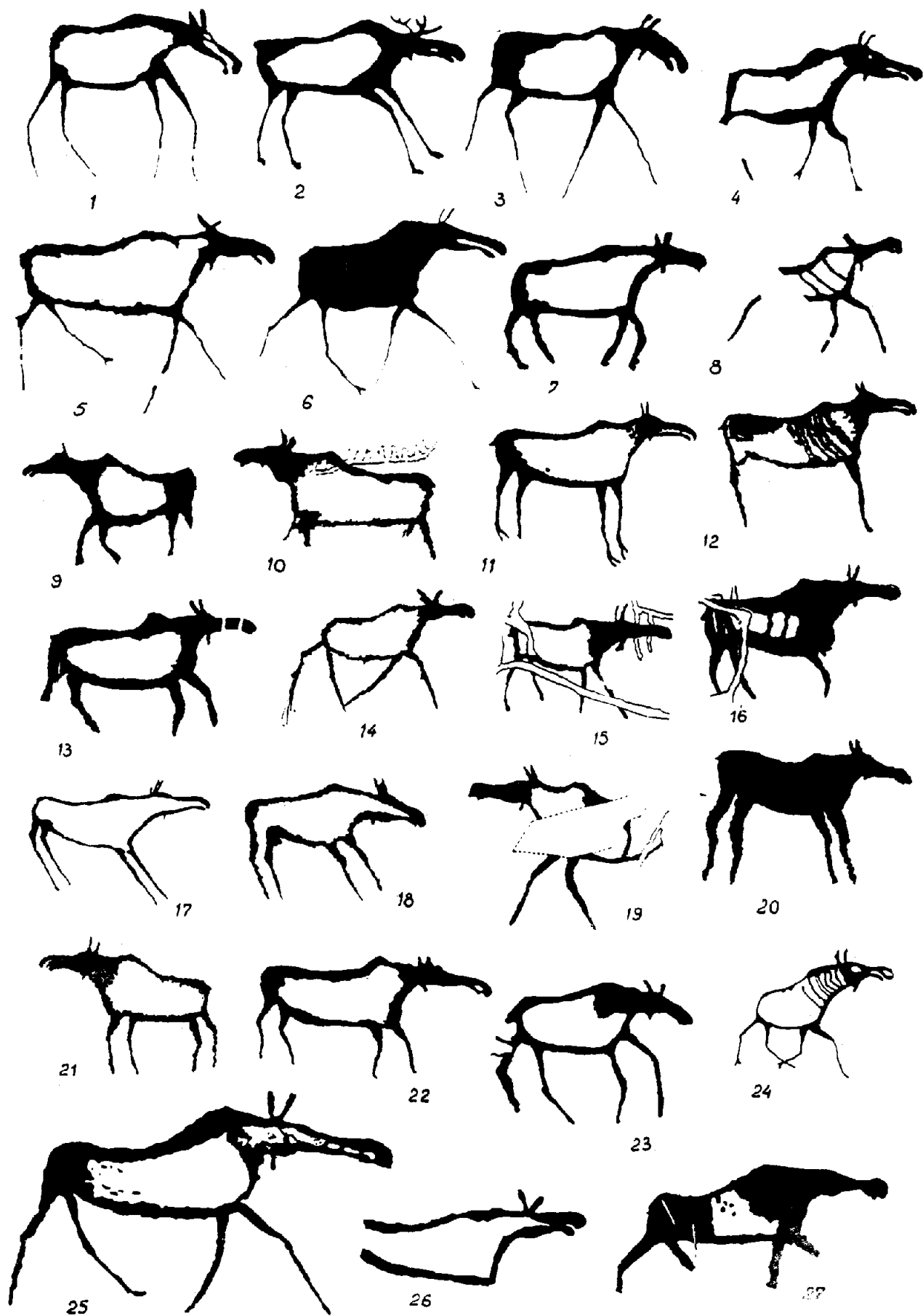

Рис. 2. Изображения лосей на сибирских писаницах. 1, 3, 4 – по А. П. Окладникову; 2, 5, 6 – по Я. А. Шеру; 7-22 – по Б. Н. Пяткину и А. И. Мартынову; 23 – по Я. И. Сунчугашеву; 24 – по А. П. Окладникову и А. И. Мартынову; 25-27 – по В. Д. Кубареву.

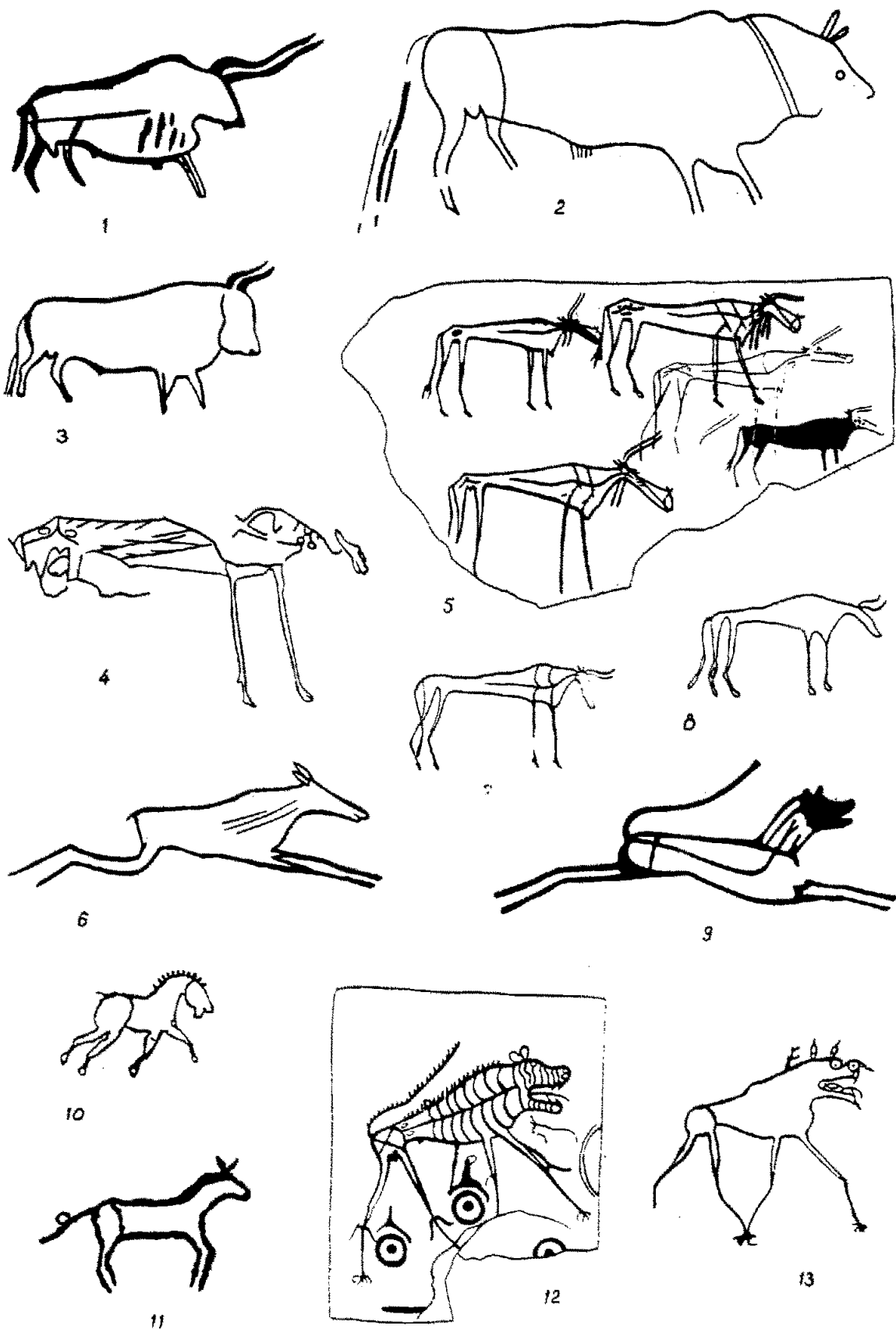

Рис. 3. Изображения животных и антропоморфных существ с характерной трактовкой задней части туловища. 1-3, 9, 10, 12, 13 – по Э. Б. Вадецкой, Н. В. Леонтьеву, Г. А. Максименкову; 4, 6 – по Н. В. Леонтьеву; 5 – по М. Н. Пшеницкой, В. А. Завьялову, Б. Н. Пяткину; 7 – по Э. Р. Рыгдылоку; 8 – по М. П. Грязнову.

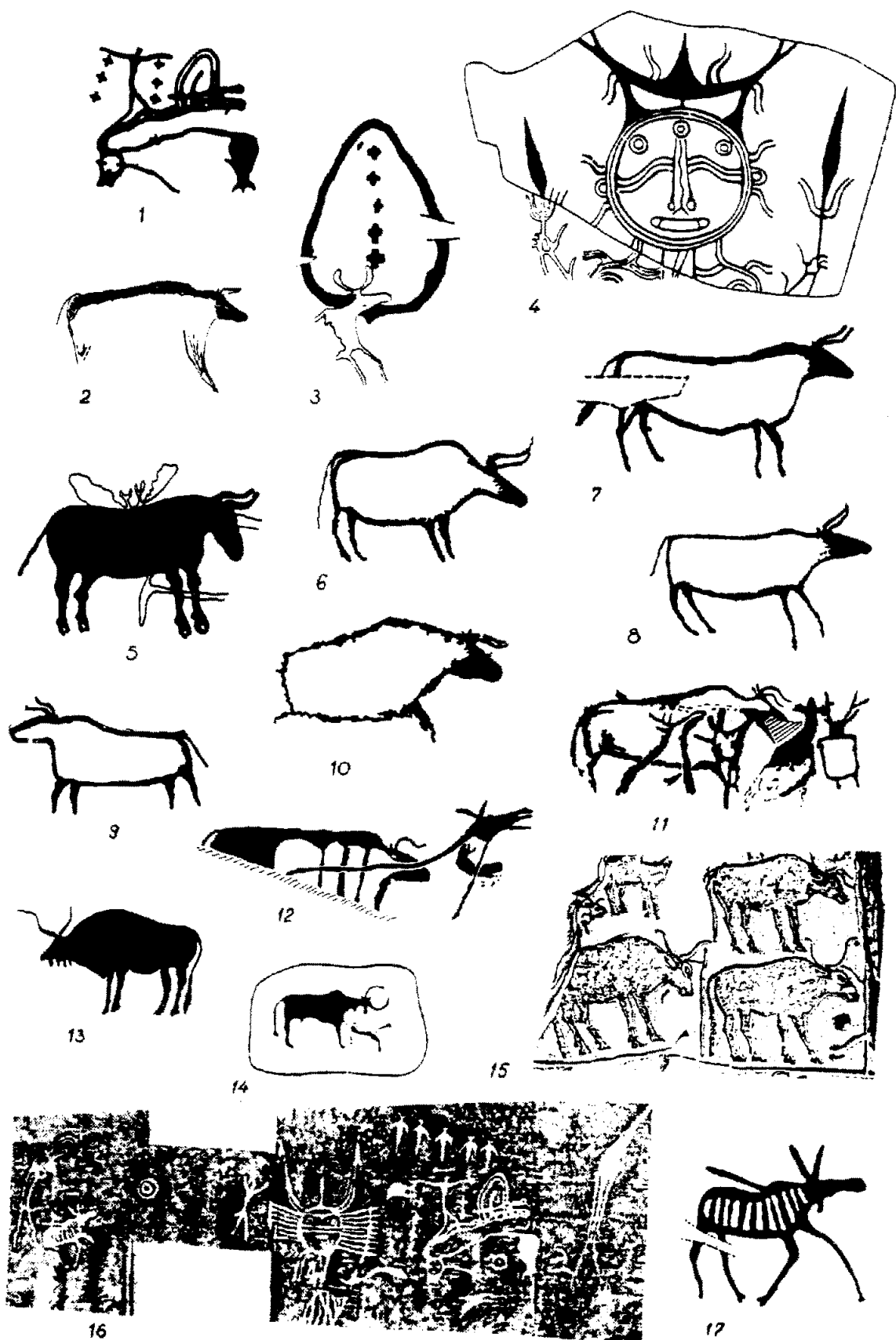

Рис. 4. Изображение креста в окуневском искусстве (1, 3), личина с использованием пары бычьих рогов как дополняющих сложное изображение (4). Изображения быков эпохи бронзы на скалах Южной Сибири, с характерной подачей в профиль и анфас (2, 5-10, 13-15); Сцены перекрытия изображений быков фигурами лосей (11, 12); Окуневская композиция из Шалаболино (16, 17). 1-3, 5-10, 16, 17 – по Б. Н. Пяткину и А. И. Мартынову; 4 – по Э. Б. Вадецкой, Н. В. Леонтьеву и Г. А. Максименкову; 11, 12 – по Я. А. Шеру; 13 – по М. А. Дэвлей; 14 – по А.П. Окладникову, Е. А. Окладниковой; 15 – по В. И. Молодину, А. П. Погожевой.

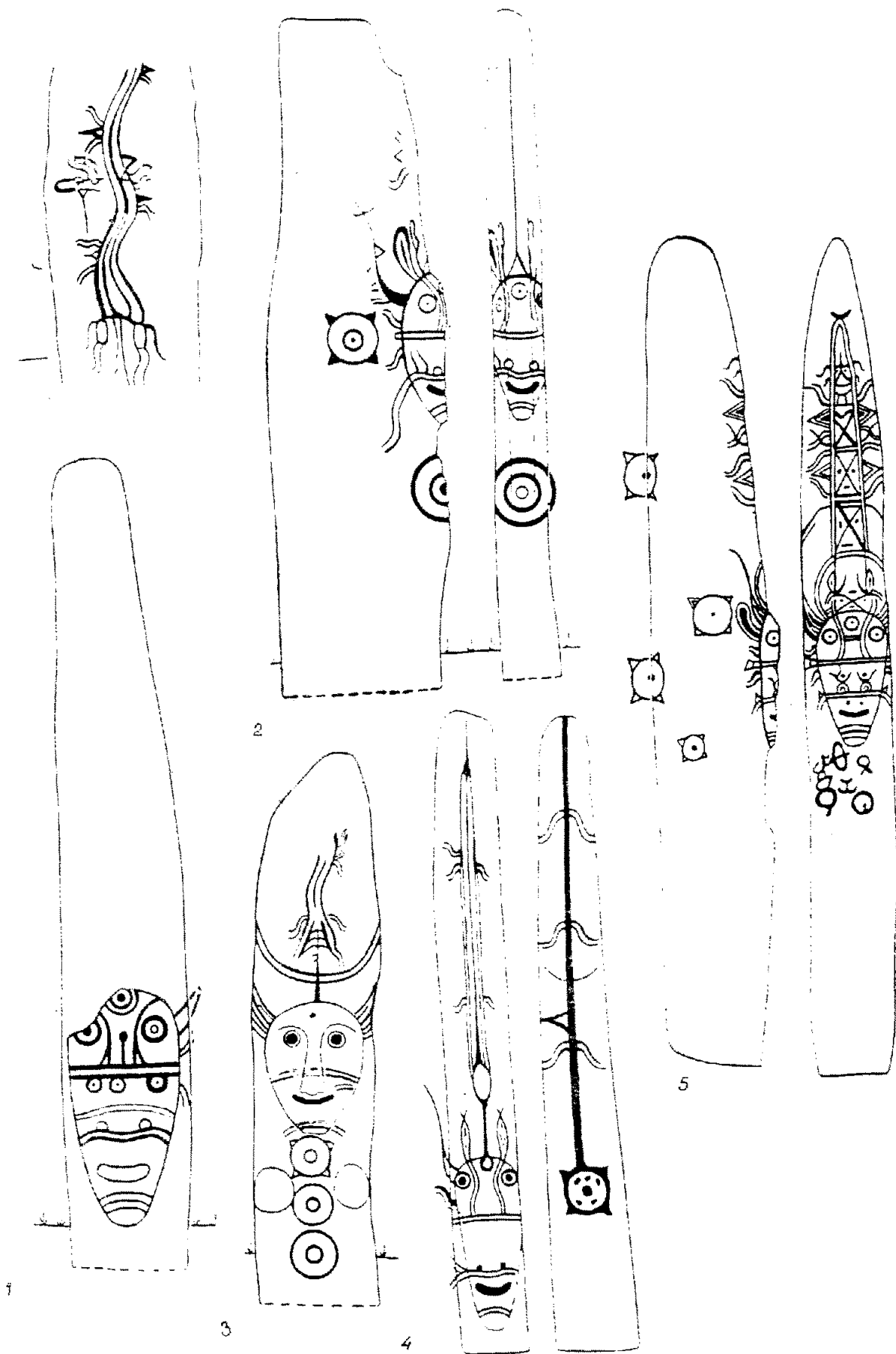
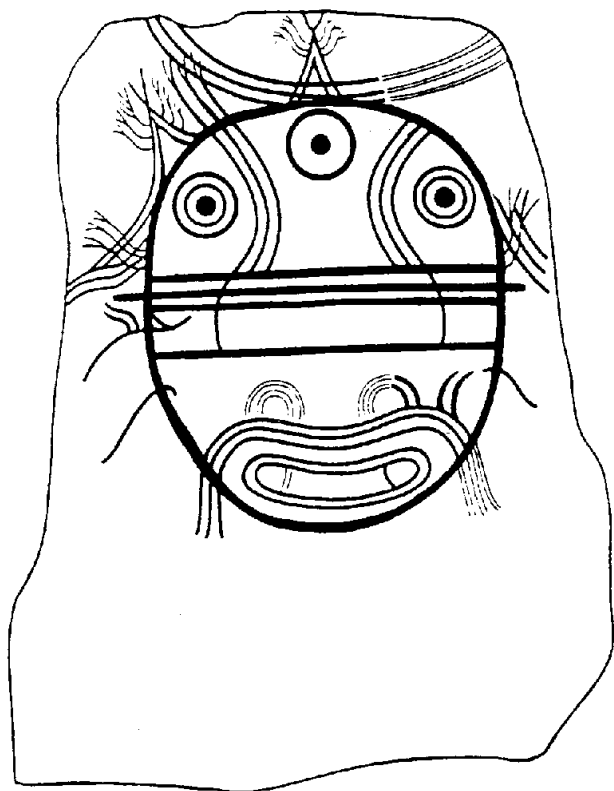

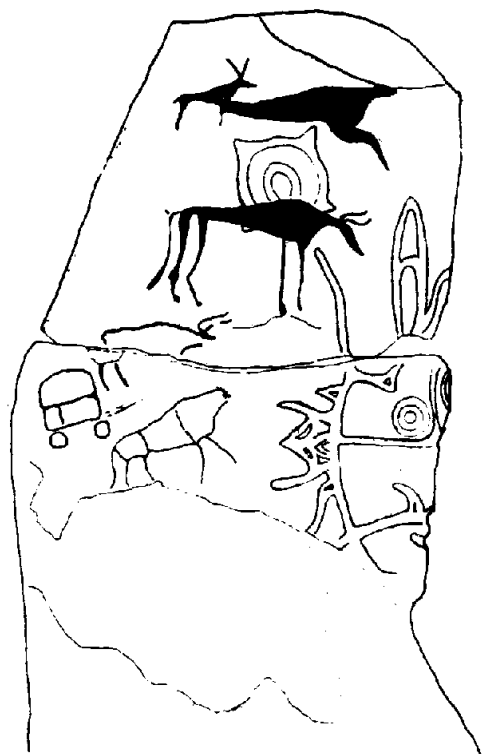
Рис. 5. Каменные изваяния окуневской культуры с использованием пары бычьих рогов как дополняющих сложные изображения: 1-5 – по Э. Б. Вадецкой, Н. В. Леонтьеву, Г. А. Максименкову

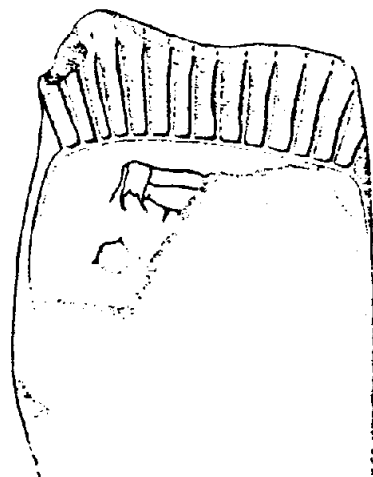
1

2

3

4

Рис. 6. Сюжеты окуневского искусства с использованием хвоста быка в качестве дополняющего изображения (1, 2). Стелы с изображением быков (3, 4): 1 – по Э. Б. Вадецкой, Н. В. Леонтьеву, Г. А. Максименкову; 2 – по Н. В. Леонтьеву; 3 – по М. П. Грязнову и Я. А. Шеру; 4 – по Л. Р. Кызласову

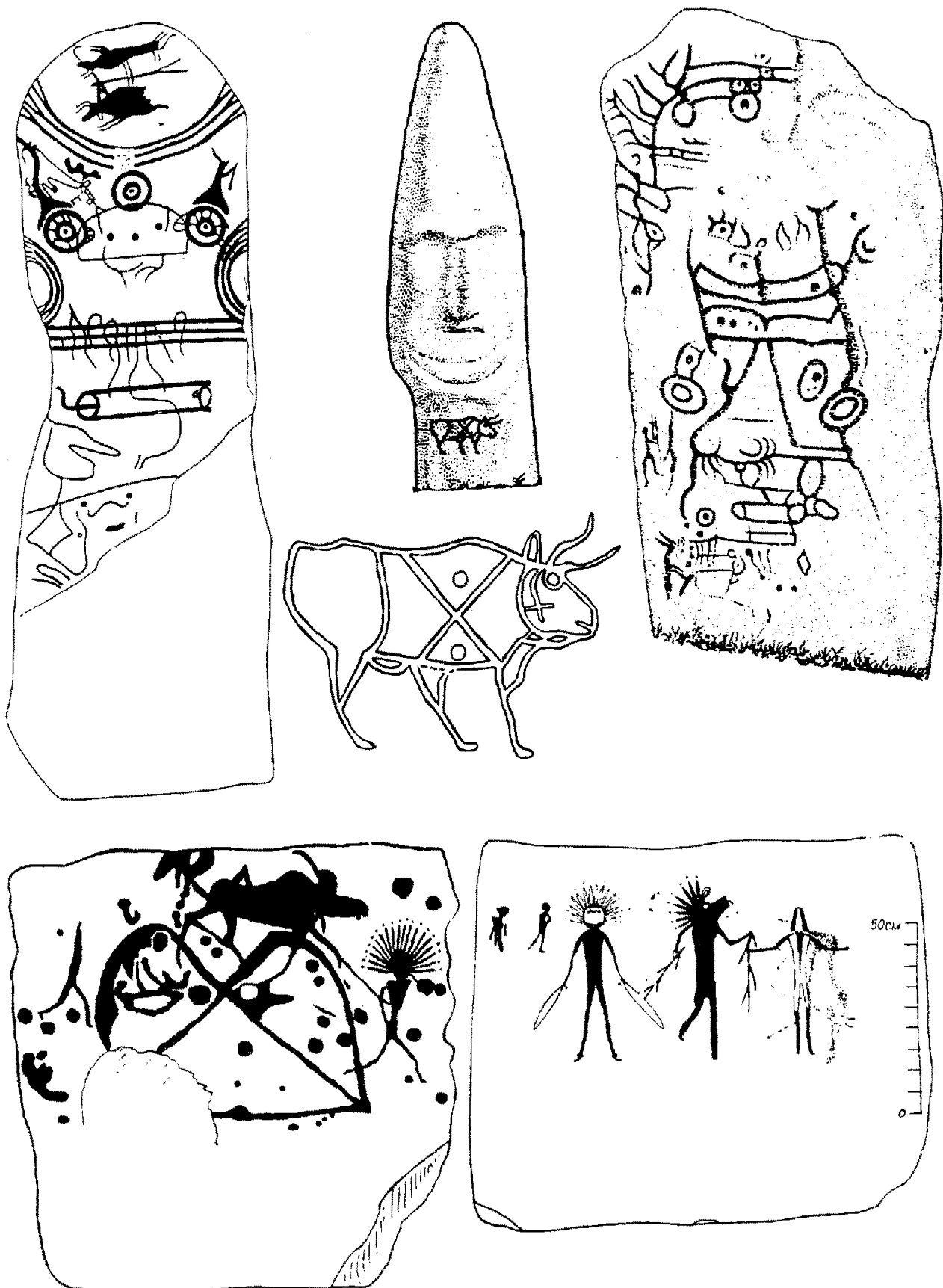

Рис. 7. Окуневские изваяния с использованием быка в качестве одного из составляющих композицию персонажа (1-3). Плиты из могильника Каракол (4, 5): 1 – по Э. Б. Вадецкой, Н. В. Леонтьеву, Г. А. Максименкову; 2, 3 – по Л. Р. Кызласову; 4, 5 – по В. Д. Кубареву

77. Савинов Д. Г. Наскальные изображения Центральной Азии и Южной Сибири // Вестник ЛГУ. Сер. истории, языка и литературы. № 4. Л., 1964. С. 62-74.
78. Савинов Д. Г. Окуневские могилы на севере Хакасии // Проблемы западносибирской археологии. Эпохи камня и бронзы. Новосибирск, 1981. С. 111-117.
79. Сегал Д. Уникальность и универсальность культуры // Декоративное искусство СССР. 1972. № 4. С. 14-18.
80. Столяр А. Д. Происхождение изобразительного искусства. М., 1985. 298 с.
81. Студзицкая С. В. Изображения человека на сосудах из Приморья и Восточной Сибири // Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск, 1978. С. 97-104.
82. Студзицкая С. В. Скульптура эпохи ранней бронзы на Верхней Ангаре // Бронзовый век Приангарья. Иркутск, 1981. С. 38-42.
83. Студзицкая С. В. Искусство Восточного Урала и Западной Сибири в эпоху бронзы // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 318-326.
84. Сунчугашев Я. И. Петроглифы у Малого озера в Хакасии // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М., 1990. С. 206-208.
85. Формозов А. А. О наскальных изображениях эпохи камня и бронзы в Прибайкалье и на Енисее // Советская этнография. 1967. № 3. С. 68-82.
86. Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству // Материалы и исследования по археологии СССР. № 165. М., 1969. 253 с.
87. Формозов А. А. Новые книги о наскальных изображениях в СССР (обзор публикаций 1968-1972 гг.) // Советская археология. 1973. № 3. С. 257-265.
88. Фролов Б. А., Сперанский А. И. Исследования древних наскальных изображений в Горном Алтае // Археологические открытия 1966 г. М., 1967. С. 158-160.
89. Хлопня И. Н. Образ быка у первобытных земледельцев Средней Азии // Древний Восток и мировая культура. М., 1981. С. 26-30.
90. Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала // Свод археологических источников. Вып. В4-12/2. М., 1971. 218 с.
91. Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980. 327 с.

Ю. Ф. Кирюшин, К. Ю. Кирюшин

БОЛЬШЕМЫССКИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ ТЫТКЕСКЕНЬ-II

Поселение Тыткескень-II находится в среднем течении Катуня на левобережной надпойменной террасе, на правом берегу ручья Тыткескень, в его предустьевой части. Поселение открыто М. А. Абдулганеевым в 1983 г. и исследовалось разведочными раскопками в 1984-1986 гг. А. Л. Кунгуровым и Н. Ю. Кунгуровой, которыми было вскрыто около 70 кв м площади поселения [1, с. 189; 2]. Общая площадь поселения составляет около 5,5-6 тыс. кв. м. Поселение занимает площадку террасы высотой около 20 м, имеющую форму треугольника, упирающегося основанием в р. Тыткескень [3, с. 23].

Стационарными раскопками под руководством одного из авторов, начиная с 1988 г., вскрыто более 1000 кв. м, прослежено и выделено девять культурно-хронологических горизонтов от раннего железного века до позднего мезолита, большая часть которых отделена друг от друга стерильными прослойками песка, имеющего эоловое происхождение [3, с. 23-28]. Особый интерес вызывает энеолитический комплекс этого поселения. В 1988 г. в третьем культурном горизонте были прослежены контуры жилища, вытянутого с севера на юг на 16 м, шириной около 10 м, углубленного в грунт на 0,15 м. Четко прослеживалась конструкция жилища: столбовые ямы по внешнему и внутреннему контуру, каменные очаги наземной конструкции, каменные кладки и крепиды. В заполнении встречено большое количество керамики, часть из которой несомненно относилась к большемысской культуре, многочисленный каменный инвентарь и обломок медного шила [3, с. 75]. Материал чрезвычайно интересный, но имел один существенный недостаток. Как выяснилось при дальнейших раскопках, котлован жилища был частично врезан в культурный слой позднего неолита. И если керамику ещё как-то можно было разделить, то по каменному инвентарю этого сделать было невозможно. Поэтому каменный инвентарь, несмотря на его выразительность, не мог быть использован для статистических подсчетов и составления хронологических таблиц.

В 1989-1990 гг. к востоку от обследованного жилища прослежены остатки легких наземных конструкций (жилищ?), которые перекрывали жилище позднего неолита. В ходе исследования этих объектов удалось выделить немногочисленный, но зато абсолютно чистый энеолитический комплекс, относящийся к большемысской культуре. Все находки инвентаря и остатки конструктивных отделены от ниже – и вышележащих культурных горизонтов стерильными прослойками. Поэтому чрезвычайно возрастает значение полученных материалов, так как они могут быть использованы не только для выявления динамики развития и деградации микролитической техники и каменной индустрии в эпоху неолита-энеолита, но и для характеристики энеолита Средней Катуня в целом, его сходства и различий с материалом афанасьевской культуры Горного Алтая. Эта характеристика будет основываться только на материалах из этих легких наземных «жилищ» и с производственных площадок вокруг них, которые находятся в третьем культурном горизонте и, говоря о третьем горизонте, мы будем иметь в виду только эти материалы.

Следует также сразу оговориться, что мы имеем дело с остатками жилищ различной степени сохранности. По двум наиболее хорошо сохранившимся можно сделать вывод о конструкции остальных. Они представляли собой фигуру, близкую по форме к квадрату со сторонами 3×3,5 м, по периметру которой сосредоточены мелкие камни. Внутри находилось по одному наземному очагу, выложенному из мелких камней, среди которых встречались мелкие угольки и золистые пятна. Описываемые конструкции вытянуты в цепочку с северо-запада на юго-восток. Основная масса находок сделана внутри этих конструкций или поблизости от них. В одном из таких «жилищ» встречено скопление изделий и отходов кремневой индустрии.

По сравнению с более ранними слоями каменный инвентарь этого горизонта немногочисленный, но довольно своеобразный. Керамика, найденная здесь, существенно отличалась от неолитической.

В слое встречено 678 каменных артефактов. Из них 425 – отщепы (62,68%), 253 являются орудиями и изделиями (37,32%). Самую большую группу орудий представляют пластины – 161 экземпляр, что составляет 63,63% от общего количества изделий и 82,66% от орудийного набора. Доля пластин в материалах этого слоя велика, но она ниже, чем в мезолитическом и неолитическом горизонтах поселения. Большинство пластин мелкие, шириной от 3 до 8 мм – 88 штук (55,35%) (рис. 1-15-20), средних от 9 до 13 мм – 60 шт. (37,73%) (рис. 1-9-11, 14;), крупных от 14 до 32 мм – 13 шт. (6,92%) (рис. 1-3-5, 8;). По сравнению с более ранними неолитическими и мезолитическими слоями доля мелких пластин значительно ниже. На стадии финального-позднего неолита она составляет уже 61,27%, а к позднему мезолиту увеличивается ещё больше, до 88,9%. 28 пластин, или 17,61%, обработаны (рис. 1-14-16, 19-20). Этот показатель в 1,5-2 раза ниже, чем в неолитических слоях поселения. В этом комплексе также найдены 4 нуклеуса, 2 из которых призматические (рис. 1-1;), 2 уплощенно-призматические (рис. 1-2), 3 обломка нуклеуса, 2 нуклеидных изделия, 32 пластинчатых отщепы (рис. 1-6-7), 12 реберчатых сколов, 2 снятия ударной площадки нуклеуса, 18 скребков (рис. 1-12-13; 2-11), 4 зубчатых скобеля.

Особенно интересны находки обломка стерженька рыболовного крючка (рис. 2-8), обломка наконечника стрелы на пластине с выемкой у основания, или, как его ещё называют, стрелки (рис. 2-4), асимметричного наконечника стрелы на пластине со свисающим шипом (рис. 2-6). Найдены также обломок каменного ножа (рис. 2-10), наконечник стрелы подтреугольной формы (рис. 2-7) и обломок ещё одного (рис. 2-5), 2 обломка двустороннеобработанных орудий и тесло, выполненное на расщеплённой гальке (рис. 2-9). Рабочая часть его отшлифована с двух сторон, сбоку тесло подретушировано, сколами ему придана более правильная форма. Здесь же был найден обломок скребла (рис. 2-13).

Вместе с каменным инвентарём встречена своеобразная тонкостенная керамика, отличающаяся от посуды из всех остальных слоев поселения. Толщина стенок сосудов 2,5-4 мм, за редким исключением – 5-6 мм. Орнамент чаще всего нанесен отпечатками гладкой качалки (рис. 3-1-7, 9), иногда встречаются шагающая гребенка (рис. 2-3; 3-8) и гребенчатая качалка (рис. 2-1-2). На одном из фрагментов венчика поверх отпечатков гладкой качалки нанесены вдавления, сделанные уголком палочки или дощечки (рис. 3-7). Керамика представлена очень фрагментарно, и лишь один сосуд удалось частично реконструировать (рис. 3-1). Однако по материалам большемысской культуры из Барнаульско-Бийского Приобья и предгорной зоны хорошо известна форма аналогичной посуды. Это открытой формы сосуды, со слегка отогнутым наружу венчиком, с приотстрённым или округлым дном, высота которых примерно равна наибольшему диаметру [4, с. 36, рис. 1].

Каменный и керамический материалы этого горизонта, несомненно, составляют единый комплекс, который мы датировали энеолитом и относим к большемысской культуре. Как уже отмечалось выше, основной массив памятников большемысской культуры локализуется в районах лесостепного и предгорного Алтая. Наиболее изученными памятниками

являются поселения Костенкова Избушка, Коровья Пристань III [4, с. 35-39], Комарово [5, с. 67-81]. До недавнего времени считалось, что единственной энеолитической культурой Горного Алтая была афанасьевская, но находки Н. Ф. Степановой на поселении Малый Дуган в устье р. Кутом, правого притока Катуня [6, с. 81; 7, с. 38], и наши на поселении Тыткескень II [3, с. 25] позволяют пересмотреть эту точку зрения. Найденная керамическая посуда рассматриваемого горизонта поселения Тыткескень II (рис. 2-1-3; 3) и поселения Малый Дуган [6] (рис. 4-2) по орнаменту, по форме и по технике изготовления полностью идентична керамике большемысской культуры. Их единокультурность не вызывает никаких сомнений. Аналогичная керамика обнаружена и на поселении Тыткескень б. Сходство прослеживается и в некоторых категориях каменного инвентаря. Асимметричный наконечник стрелы на пластине со свисающим шипом находит аналогии в материалах поселения Комарово I [5] (рис. 5-25, 26). Обломок стерженька рыболовного крючка близок подобным изделиям с поселений Костенкова Избушка [4, с. 37, рис. 2], Малоугренево, Чесноковка VI. Подобные изделия были найдены и в погребении в Нижнетыткескенской пещере, датированном второй половиной IV тыс. до н. э. [8, с. 282-286]. Хотелось бы также остановиться на времени существования наконечников стрел на пластине. В частности, асимметричные наконечники с шипом в Средней Азии датируются поздним неолитом-энеолитом или IV-III тыс. до н. э. [9, с. 216, 222, рис. 53-11], а на Южном Урале – неолитом-энеолитом [10, с. 94, рис. 77-1, 2]. Наконечники с выемкой у основания были в заполнении жилища четвертого горизонта поселения Тыткескень II, который мы относим к позднему – финальному неолиту. Подобные наконечники в Зауралье датируют поздним неолитом – началом энеолита [11, с. 111, рис. 6-12, 13; 12, с. 183, рис. 9-6, 8]. Есть также наконечники в степном Алтае [13, с. 39, рис. 6-17, 18]. В Северном Казахстане такие наконечники встречаются в большом количестве на поселениях раннего неолита [14, табл. 19, 58; с. 97, 103].

Большемысская культура датировалась одним из авторов рубежом IV и III тыс. до н. э. [4, с. 39]. Большемысский комплекс поселения Тыткескень II, скорее всего, относится к одним из наиболее ранних памятников этой культуры. Несмотря на заметный упадок и некоторую деградацию микrolитической техники, в слое встречены довольно выразительные каменные орудия. В материалах этого горизонта орудия на пластине преобладают над орудиями на отщепях. Видимо, появление первых металлических орудий и начинает оказывать влияние на деградацию каменной индустрии.

Говоря об абсолютной датировке этого комплекса, следует его, видимо, предварительно датировать концом IV – рубежом IV-III тыс. до н. э. Если при дальнейших раскопках выяснится, что этот комплекс является единокультурным с погребением из Нижнетыткескенской пещеры, то его датировка может быть удревнена.

Находки материалов большемысской культуры на Средней Катуня ставят вопрос о том, постоянно ли обитало это население или приходило сюда в какие-то периоды или сезоны. Кроме этого встает во-

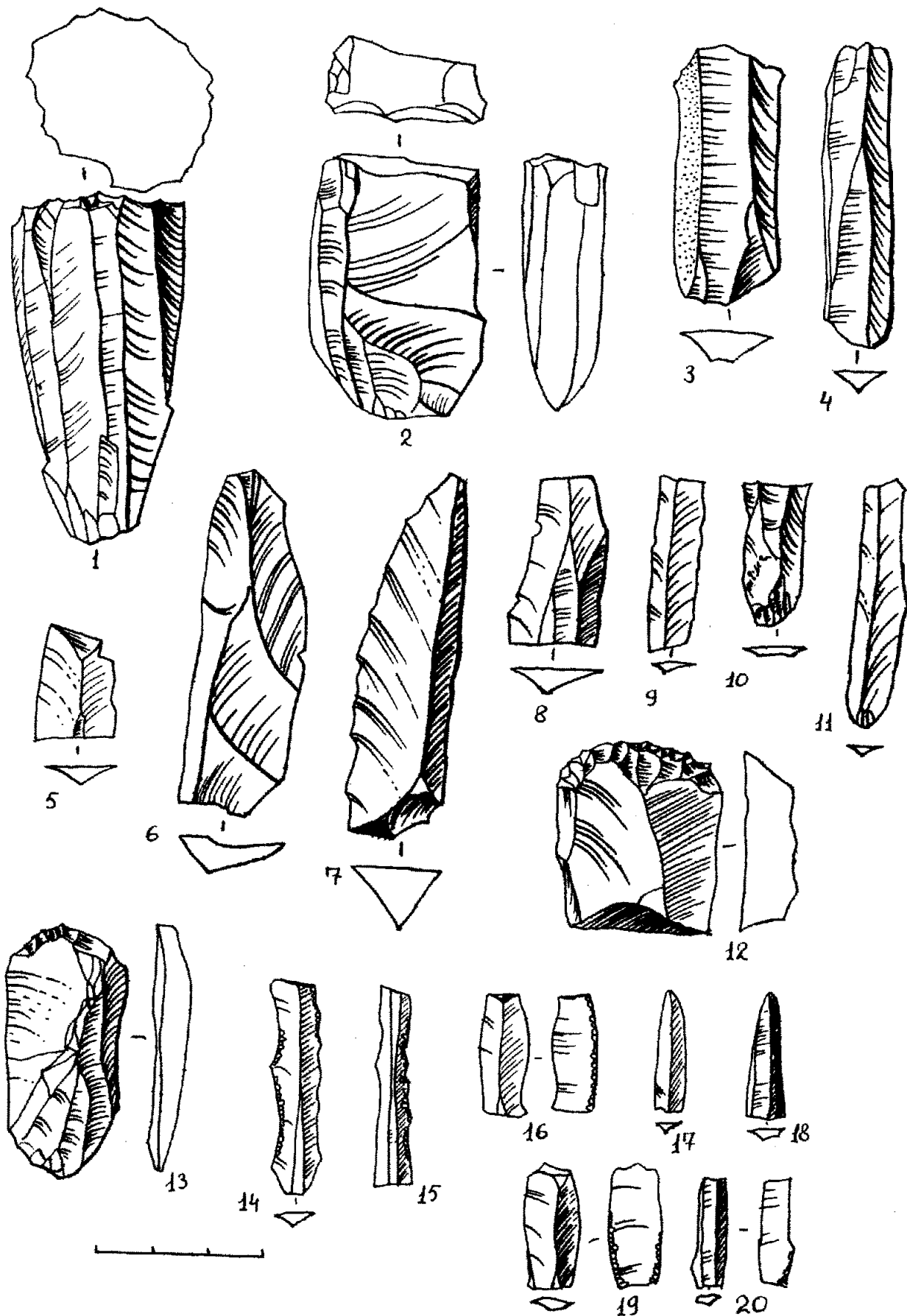

Рис. 1. Каменный инвентарь большемысского комплекса поселения Тыткескень 2

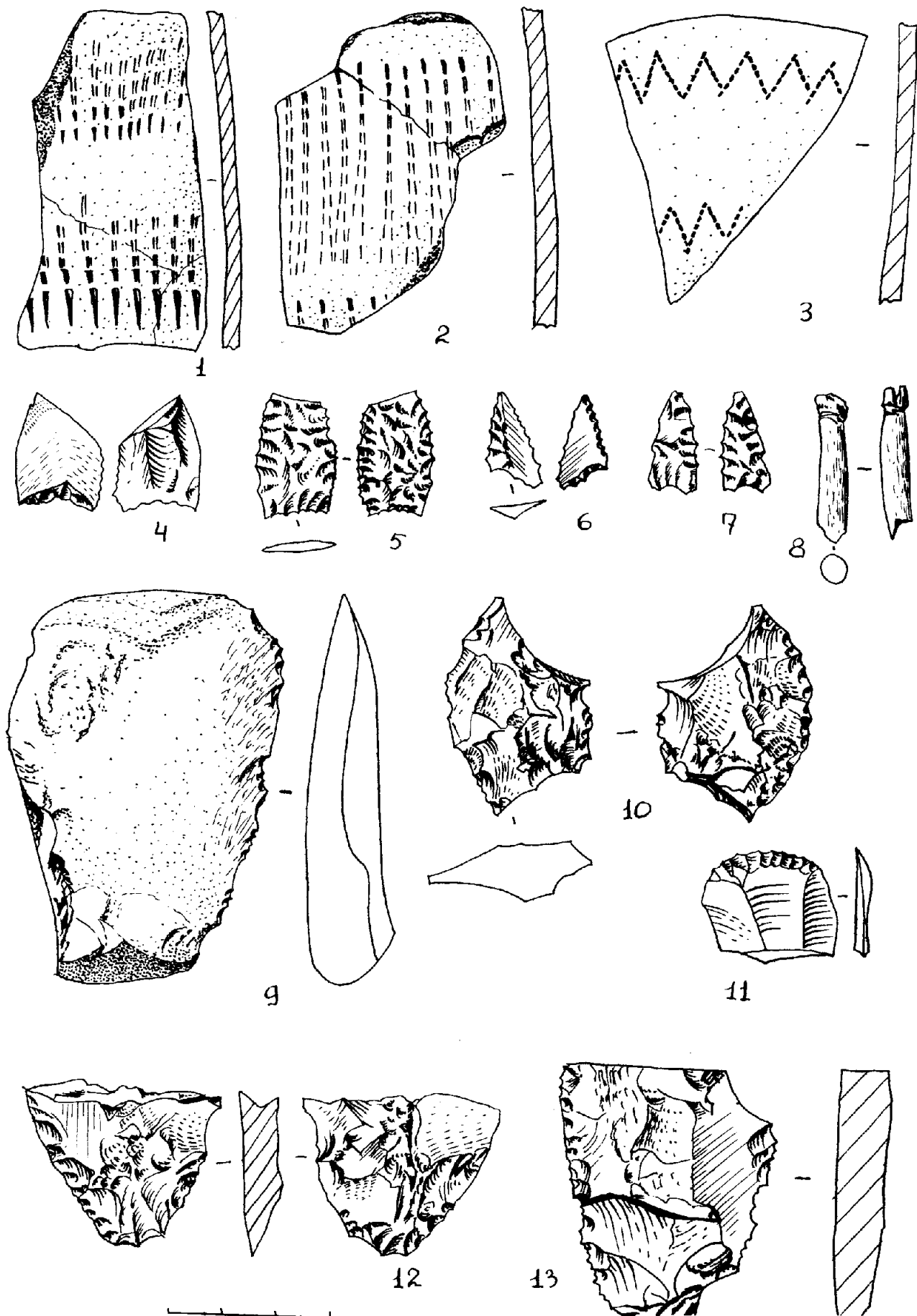

Рис. 2. Каменный и керамический инвентарь большемысского комплекса Тыткескен 2

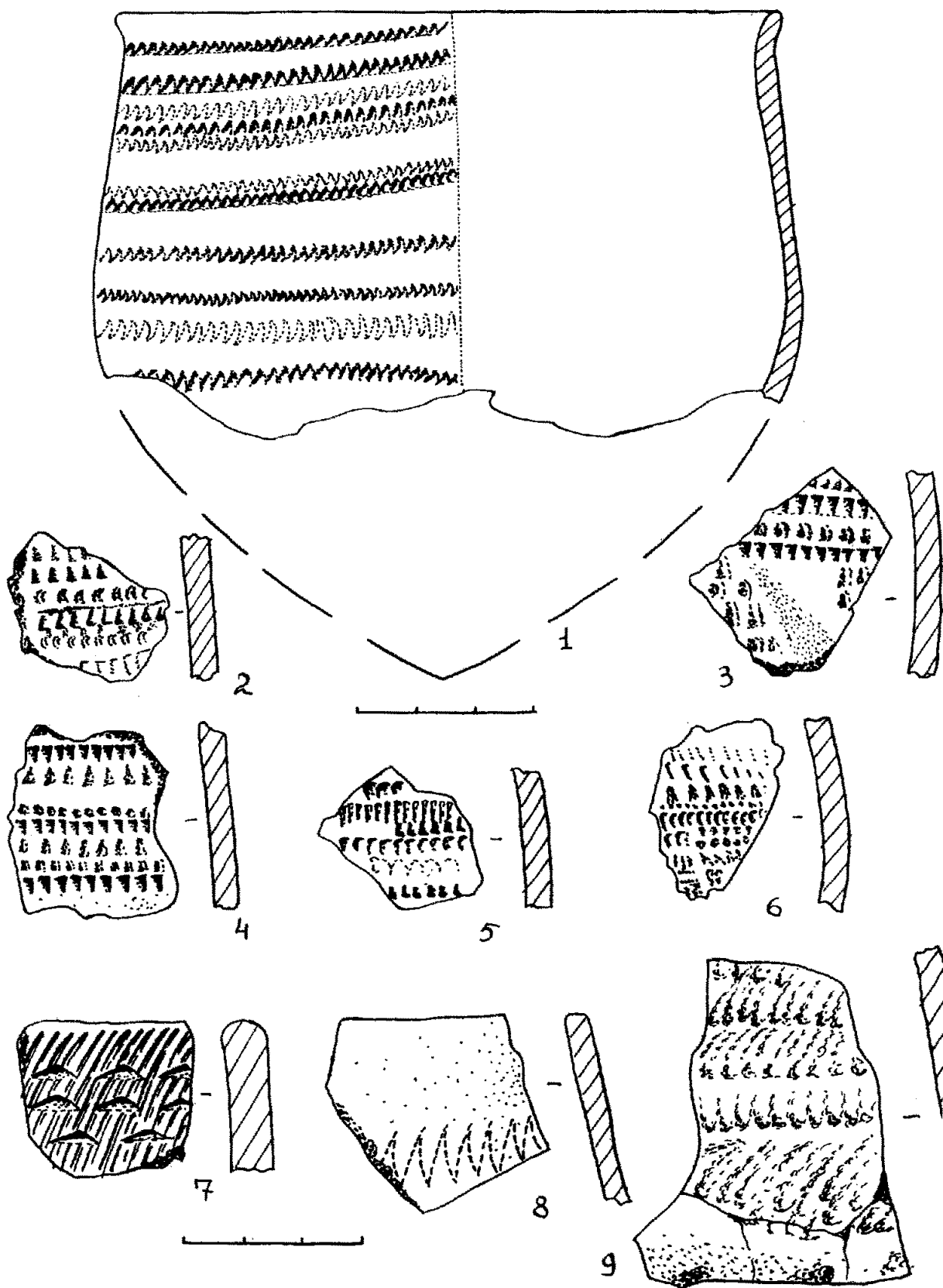

Рис. 3. Керамика большемысского комплекса поселения Тыткескен' 2

прос и о взаимоотношении афанасьевцев и большемыссцев в этом регионе, так как в этом районе Катунь известно значительное количество могильников и поселений афанасьевской культуры. Синхронны ли памятники этих двух культур или между ними есть какой-то хронологический разрыв? Нерешённым остаётся вопрос о происхождении этих двух культур. Связаны ли они с местным неолитом или обе пришлые? Если связаны, то какова доля местных неолитических культур в их происхождении? Видимо, дальнейшие исследования поселений Тыткескень-2 и 6 помогут ответить на некоторые из поставленных вопросов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абдулганеев М. Т. Работы в горном и лесостепном Алтае // Археологические открытия 1983 г. М., 1985. С. 189.
2. Кунгурова Н. Ю. Микролитические памятники Средней Катунь // Северная Азия в эпоху камня. Новосибирск, 1987. С. 37-52.
3. Кирюшин Ю. Ф., Кирюшин К. Ю., Кунгурова Н. Ю. Хронологические комплексы поселения Тыткескень II // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 23-28.
4. Кирюшин Ю. Ф. Исследования энеолитических памятников лесостепного Алтая // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С. 35-39.

5. Абдулганеев М. Т. Поселение Комарово-I – новый памятник эпохи раннего металла // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 67-81.
6. Степанова Н. Ф. Поселение Малый Дуган – памятник эпохи бронзы Горного Алтая // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990. С. 73-86.
7. Степанова Н. Ф., Пугачев Д. А. Новые материалы эпохи неолита и бронзы в Горном Алтае // Археологические исследования в Сибири. Барнаул, 1989. С. 37-39.
8. Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л., Степанова Н. Ф. Погребение из Нижнетыткескенской пещеры (Алтай) // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. Красноярск, 1992. С. 282-286.
9. Виноградов А. В., Мамедов Э. Д. Первобытный Лявлякан. М., 1975. 286 с.
10. Матушкин Г. Н. Энеолит Южного Урала. М., 1982. 327 с.
11. Дрябина Л. А., Пархимович С. Ю. Поселение Гилево VIII // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991. С. 100-112.
12. Алексашенко Н. А., Викторова В. Д. Неолитические жилища 10 АО-У // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991. С. 161-184.
13. Кирюшин Ю. Ф., Кунгурова Н. Ю. О результатах изучения каменной индустрии поселения Павловка-I // Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул, 1984. С. 25-40.
14. Зайберт В. Ф. Атбасарская культура. Екатеринбург, 1992. 221 с.

Н. Ю. Кунгурова

ШЛИФОВАННЫЕ НОЖИ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ

Вогнутые шлифованные ножи представляют собой своеобразный в типологическом отношении вид орудий, широко распространённый в культурах лесной и лесостепной полосы Сибири от Среднего Зауралья до Прибайкалья. В литературе упоминается много пунктов нахождения ножей, но по этому перечню нельзя создать полную картину, не упустив неопубликованные материалы. Южная граница распространения ножей доходит до северного Казахстана. По имеющимся публикациям индустрий позднего неолита и энеолита для этой территории шлифованные ножи не характерны. Здесь известны двусторонне обработанные ножи подобной же формы [1; 2]. Северная граница шлифованных ножей весьма аморфна. Они встречаются на поселениях Приполярного Зауралья и западнее вплоть до Восточной Скандинавии [3; 4; 5], где они относятся к позднему неолиту – ранней бронзе. В Прикамье ножи вогнутых форм оформлены двусторонней ретушью, встречаются единичные шлифованные экземпляры [6, с. 103]. Впервые эти орудия как своеобразный тип выделены были в Прибайкалье. Типологическая характеристика прибайкальских ножей дана в работах А. П. Окладникова и Г. М. Георгиевской [7-9]. Г. М. Георгиевская отмечает, что в китайских комплексах «самую многочисленную группу составляют шлифованные нефритовые ножи с широким треугольным лезвием на конце», которые «служат надёжным критерием культурной принадлежности» [7, с. 109]. Шлифованные ножи Прибайкалья типологически разделяются на подпрямоугольные, треугольные и случайной формы (с подшлифовкой лезвия на отщеле). Абсолютные датировки относят китайские материалы к V – второй половине III тыс. до н. э. [7,

с. 22]. Судя по имеющимся материалам с Верхленского могильника, основную массу составляли подпрямоугольные формы с характерным остриём. В лесном Зауралье (Охотино, Полуделка-I, Юринская, Сосновый Остров) распространены формы вытянутые прямоугольные и серповидные – полностью шлифованные или с частичной подшлифовкой лезвия [5, с. 123]. О полном наборе этих вещей судить трудно. Наиболее широкое распространение ножей на отмеченных В. Ф. Старковым памятниках связано с развитым и поздним неолитом (IV – первая половина III тыс. до н. э.). В. Т. Ковалева отмечает их присутствие в кошкянских (V тыс. до н. э.) и полуденских (IV тыс. до н. э.) памятниках [10, с. 33, 34]. В Томском Приобье шлифованные ножи содержатся на памятниках неолитической новокузовской культуры (второй половины III – II тыс. до н. э.) [18]. Они известны на Самусьском, Васьковском могильниках, Старомусульманском кладбище [11, с. 104] и поселениях.

В Верхнем Приобье ножи найдены на поселениях Кырино, Завьялово-8, Кротово-1 [12, с. 13], Иня-2, могильниках – Лебеди-3 [13, с. 25-27], Кузнецком [14], на оз. Иткуль, Липустин Мыс, Озерки Восточные, Городище-1, Корчажка-5, Могильник Большой Мыс, пос. Комарово-1 [15, с. 67-80; 16], Малоугренево, Еншейское, Фоминское, Быстрый Исток, Павловка-1 [16; 17, с. 39]. Это далеко не полный перечень местонахождений ножей. Датировка и культурная принадлежность ножей Верхнего Приобья неоднозначна. Так, в Новосибирском Приобье памятники с шлифованными ножами относятся к этапам верхнеобской неолитической культуры, датированной в рамках IV – начала последней трети III тыс.

до н. э. [11, с. 12; 12, с. 18, 24]. Ю. Ф. Кирюшин считает их характерными для инвентаря энеолитических памятников лесостепного Алтая, выделенных им в большемыскую культуру (рубеж IV – III тыс. до н. э.) [16, с. 35-39]. В последнее время атипичные формы шлифованных ножей обнаружены на поселениях р. Катунь: Усть-Куюм [19, с. 16], Тыткескен-2, гор. 3 [20, с. 48; 21, с. 25]. На этих поселениях при изготовлении шлифованных ножей использована пластинчатая заготовка. Формы их нестандартны и для индустрий не характерны. Это наводит на мысль, что тип ножей, техника их изготовления на Катунь привнесены и приспособлены к местной индустрии.

Большое количество ножей найдено на пос. Комарово-1 (рис. 1-1-4). Они треугольной и случайной форм. Случайные выполнены на отщепах и повторяют их первоначальную форму. У всех орудий вогнутые или чуть вогнутые лезвия, проработанные ретушью обухки. У некоторых изделий специально подготовлена рукояточная (черешковая) часть. О том, что ножи закреплялись в рукояти, свидетельствует и то, что на черешковой части удалены неровности, сбиты ударные бугорки. Один экземпляр имеет серповидную форму. Самый крупный нож – овальный (рис. 1-1). На остальных иткульских памятниках типы ножей идентичны комаровским. На пос. Киприно ножи треугольной формы, сильно изогнуты, серповидные, с заостренными, но обломанными концами (рис. 1-5-7), одни полностью шлифованы, другие ретушированы по обухковой и черешковой части. Любопытно, что на пос. Ирба шлифованных ножей нет, но встречаются подобные формы с двусторонней обработкой.

Из краткого обзора опубликованных материалов по ножам следует, что основные временные рамки распространения ножей заключаются в IV – III тыс. до н. э.

Территория наибольшего распространения – лесостепь Юга Западной Сибири. Техничко-морфологические признаки ножей Верхнего Приобья однородны. На всех рассмотренных ножах имеется вторичная пришлифовка лезвий – заточка. У одних она слабо заметна, у других прослеживается односторонний скос, образующий определенный угол заострения. Формы ножей устойчивы и могут служить одним из критериев той или иной культурной общности.

Мнения о функциональном назначении этих ножей различны. Так, В. Ф. Старков [5, с. 186] и Г. М. Георгиевская [7, с. 128] предполагают, что они могли использоваться для потрошения рыбы. А. П. Окладников писал, что эти ножи многофункциональны. Ими, видимо, раскраивали кожи. Острый клювовидный конец служил резчиком и наметчиком. Этими ножами, по его мнению, могли резать бересту, а также подрезать мясо во время еды, как это делалось эскимосскими «уло». Однако, в отличие от уло, неолитические ножи имеют вогнутые лезвия.

Для функционального изучения ножей мы использовали экспериментально-трасологический метод. В ходе исследований мы поставили перед собой следующие задачи:

– установление структуры изношенности на древних образцах;

– изготовление моделей древних ножей из аналогичного сырья;

– исследование эффективности ножей в предполагаемых рабочих операциях;

– сопоставление полученных микроследов с археологическими материалами.

Следы изношенности многих ножей были уничтожены последующей пришлифовкой (заточкой) лезвия. На некоторых образцах фиксировались слабые следы сработанности следующего порядка:

– единичные выкрошенности кромки лезвия, чаще всего встречающиеся у конца орудия;

– единичные беспорядочные резкие царапины, расположенные у некоторых ножей под углом к кромке.

У большинства орудий разряда «определяемых» замечена матовая полоса пришлифовки, идущая по всему краю с двух сторон лезвия. При сильном бинокулярном увеличении на орудиях видны сплошные тонкие прерывистые царапины (рис. 1-10), расположенные параллельно кромке.

Нами были изготовлены модели ножей: с вогнутым лезвием, с чуть вогнутым, одно- и двусторонне-заостренным лезвием, с разными углами заострения (25-30°). Орудия делались из местных пород: яшмы, сланца, кремня, кварцита (рис. 1-8-9). Интерес представляет сам процесс шлифовки этих орудий. Форму изделий легче всего было шлифовать на пассивном абразиве. Дошлифовка и подточка лезвия производилась активным мелким абразивом. Абразивные следы на поверхности полученных орудий соответствовали древним образцам. Они чуть скошены к основной оси орудий либо параллельны ей. Экспериментальными орудиями мы пробовали продельвать все предполагаемые операции. После неудачного опыта лезвия снова подтачивались, зашлифовывались. Неудачными оказались эксперименты по резанию мяса (кожи), разделке рыбы. Главным препятствием здесь служила шлифовка. Сама кромка быстро затуплялась и заполировывалась. Наблюдения под бинокляром показали образование на кромке следов, несвойственных древним образцам. Удавалось лишь стругание дерева в тех случаях, когда край изделия был прямым, угол заострения около 45°. Но работу затрудняла вогнутая форма края и заполировка поверхности. Самые эффективные результаты дало резание бересты. Вогнутый край оказался удобен при срезании бересты с древесного ствола, а острый конец служил метчиком и позволял углублять орудие до нужной степени. Хорошая заточка способствовала тонко и быстро резать бересту, кору и дерево при изготовлении каких-либо изделий. Основное давление приходилось на концевую часть. Этим и объясняется частота встречаемости выщербин на конце и поломка остря. На сохранившихся концах орудий следы износа напоминают резчиковые. При долгой работе по дереву и бересте на поверхности ножей появлялись микроследы, аналогичные древним оригиналам: затертая матовая полоса с продольными микрорисками. При обрезке дерева лезвие могло срываться, и получались единичные поперечные царапины. Таким образом, предназначение шлифованных ножей согласуется с формой рабочего края: вогнутым лезвием удобнее работать по округлым предметам, прямым – выполнять раскроечные операции, обрезку, подстругивание.

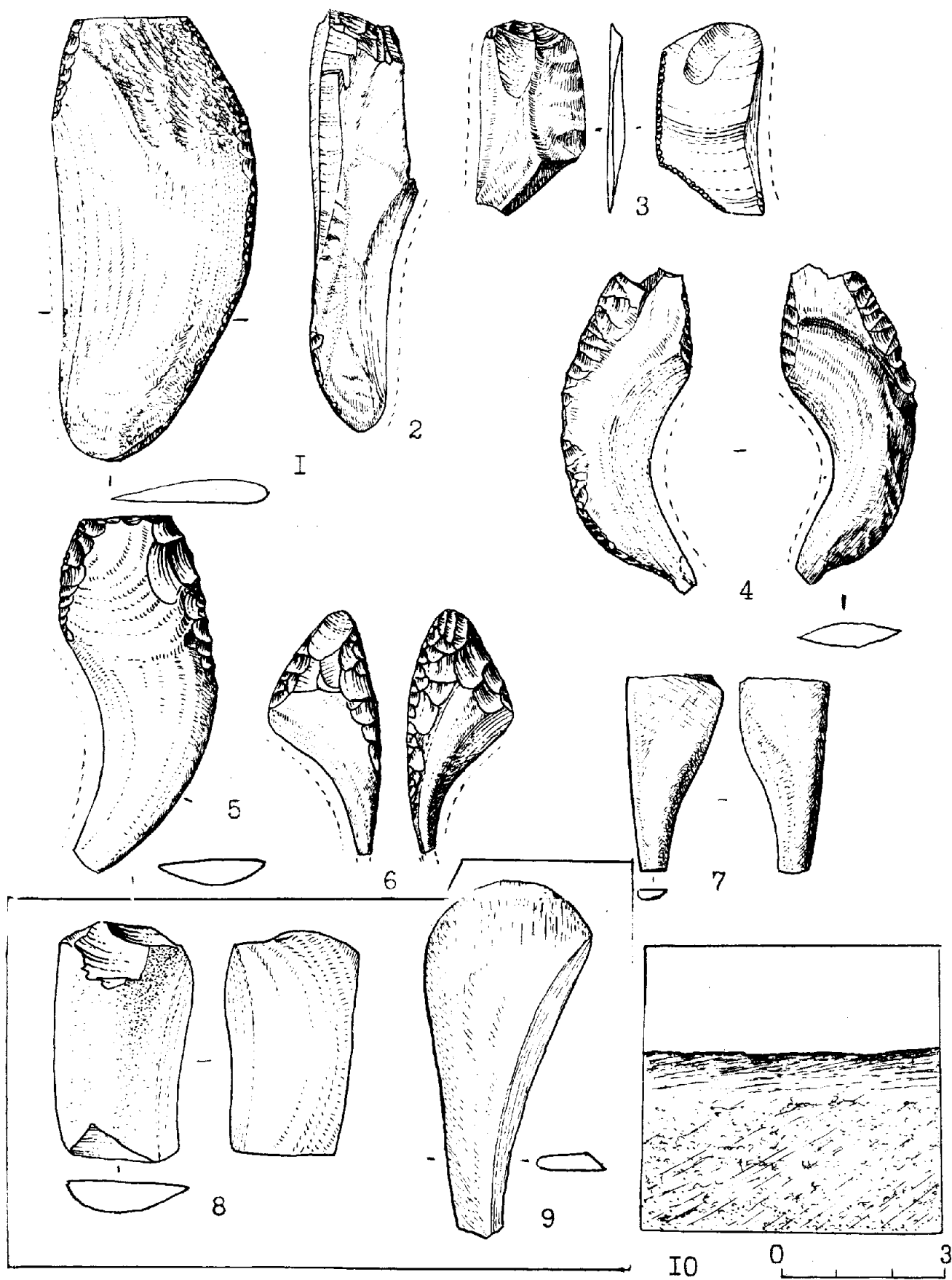

Рис. 1. Ножи: 1-4 – Комарово-I; 5-7 – Киширино; 8-9 – экспериментальные ножи; 10 – прорисовка микрофотографии кромки ножа (4)

Этнографические источники свидетельствуют, что кора и береста занимали в хозяйстве сибирских народов очень большое место. Из неё делали покрытия для жилищ, изготавливали посуду, обтягивали лодки, сани. По сведениям Я. И. Лиденау [22, с. 1-17] якуты изготавливали бокалы, миски, ложки из березы и осины, из бересты делали туеса. В больших берестяных ёмкостях заготавливали на зиму различные продукты питания. У. Д. Сирелиус [23] пишет о способах варки клея из бересты, используемого остяками и вогулами для скрепления частей лука, лыж, а также для повышения упругости тетивы. Для покрытия чумов вырезались широкие полосы бересты и спшивались вместе. Из тонких полосок бересты плели жгуты и т. д.

Среди сибирских этнографических коллекций встретился лишь один металлический нож, напоминающий по форме вогнутые каменные. Он подпрямоугольный с вогнутым лезвием, рукояточный, использовался в хозяйствах обдорских хантов второй половины XIX – первой четверти XX в. как орудие для обработки дерева (инв. № 1606) [24, с. 57].

Бронзовый аналог каменных ножей был обнаружен в грунтовом могильнике на Цыганской Сопке эпохи бронзы. Это маленький нож – имитация треугольного с вогнутым лезвием и узким остриём. На могильнике Староалейка-2 найдена каменная имитация металлического ножа вогнутой формы [25, с. 104, 112]. В Верхонском могильнике А. П. Окладников отмечает находку бронзового вогнутого ножа [9, с. 92, 119].

Столь широкое применение ножей и преемственность форм в течение длительного времени (неолит – ранняя бронза) объяснено хозяйственной необходимостью, а именно – широким использованием бересты и дерева как поделочного материала у сибирских народов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Зайтов В. И. Характеристика каменных орудий поселения Ботай // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1985. С. 17-33.
2. Коробкова Г. Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии // МИА. 1969. № 158. 216 с.
3. Гурина Н. Н. Памятники эпохи раннего металла на северном побережье Кольского полуострова // Палеолит и неолит СССР // МИА. 1953. № 39. С. 347-407.
4. Гурина Н. Н. Древние памятники Кольского полуострова // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны Евразийской части СССР в эпоху неолита // МИА. 1973. № 172. С. 45-53.
5. Старков В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М., 1980. 219 с.
6. Бадер О. Н. Волго-камская этнокультурная область эпохи неолита // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР в эпоху неолита // МИА. 1973. № 172. С. 99-106.
7. Георгиевская Г. М. Китайская культура Прибайкалья. Новосибирск, 1989. 152 с.
8. Окладников А. П. Неолитические памятники средней Ангары. Новосибирск, 1975. 319 с.
9. Окладников А. П. Верхонский могильник – памятник древней культуры народов Сибири. Новосибирск, 1978. 288 с.
10. Ковалёв В. Т. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск, 1989. 80 с.
11. Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Часть I: Неолитическое время в лесном и лесостепном Приобье. Из истории Сибири. Вып. 9. Томск, 1973. 147 с.
12. Молодин В. И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977. 173 с.
13. Бобров В. В. Материалы разрушенных неолитических погребений Кузнецко-Алтайской культуры // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990. С. 19-33.
14. Чернышов Н. А. Кузнецкий неолитический могильник // Палеолит и неолит СССР // МИА. 1953. № 39. С. 336-346.
15. Абдулганеев М. Т. Поселение Комарово-1 – новый памятник эпохи раннего металла // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 67-80.
16. Кирюшин Ю. Ф. Исследование энеолитических памятников лесостепного Алтая // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С. 35-39.
17. Кирюшин Ю. Ф., Кунгурова Н. Ю. О результатах изучения каменной индустрии поселения Павловка-1 // Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул, 1984. С. 25-40.
18. Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. С. 32-33.
19. Кунгурова Н. Ю. Древнее поселение в устье Куяма // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 3-22.
20. Кунгурова Н. Ю. Микролитические памятники Средней Катуня // Северная Азия в эпоху камня. Новосибирск, 1987. С. 37-51.
21. Кирюшин Ю. Ф., Кирюшин К. Ю., Кунгурова Н. Ю. Хронологические комплексы поселения Тьгтескень-2 // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 23-28.
22. Лиденау Я. И. Описание народов Сибири I пол. XVIII в. Магадан, 1983. 176 с.
23. Сирелиус У. Д. Домашние ремёсла остяков и вогулов // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 15. Тобольск, 1905. 40 с.
24. Народы севера Сибири в коллекциях ОГОИЛМ. Томск, 1985. 257 с.
25. Кирюшин Ю. Ф. Новые могильники ранней бронзы на Верхней Оби // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 100-125.

А. В. Гальченко

СКотоводческое хозяйство древнего населения северной Кулунды в эпоху поздней бронзы

(памятники «со станковой керамикой среднеазиатских земледельческих культур»)

В последнее время обнаружено много поселений эпохи поздней бронзы на территории Алтайского края [1, с. 97-100]. На основе изучения хозяйственной деятельности племен, населявших Алтай в это

время, можно выделить 4 группы памятников, различающихся по хозяйству. Это поселенческие комплексы корчажкнской культуры, ирменской, культуры валиковой керамики и памятники элементов ма-

териальной культуры, близко стоящие к бегазы-дандыбаевской культуре, и культуры станковой керамики Средней Азии [2, с. 138-142].

В данной работе уделяется внимание анализу хозяйственной деятельности племен, оставивших последнюю группу памятников: Гридино, Бурла-III, Кайгородка-III.

В таблице 1 представлены общепринятые статистические данные по указанным выше поселениям (на основе анализа остеологического материала). Имеющиеся на текущий момент данные позволяют характеризовать хозяйство как ярко выраженное скотоводческое, лишь на поселении Кайгородка-III отмечено наличие небольшого количества диких животных – 10,25% от всех костных остатков, обнаруженных на этом поселении. Общим для данных поселений является полное отсутствие костей козы.

На двух поселениях – Гридино и Бурла-3 – преобладают костные остатки крупного рогатого скота, причём, на поселении Бурла-3 эта тенденция прослеживается как в жилище, так и в поселенческом слое. Второе место в стаде занимала лошадь, и зафиксировано небольшое количество костных остатков овцы.

Противоположная тенденция выявлена на поселении Кайгородка-III, где преобладают костные остатки овцы как по общему количеству костей, так и по минимальному числу особей. Второе место здесь занимает, как и на предыдущих двух поселениях, лошадь, и существенно меньше встречено костей крупного рогатого скота (табл. 1).

Перечисленные памятники располагаются в Хабарском районе Алтайского края, в непосредственной близости друг к другу. Пока трудно высказаться определенно о причинах различия скотоводческого хозяйства и его направленности на ту или иную отрасль (овцеводство, коневодство, разведение крупного рогатого скота). Дальнейшее изучение подобных комплексов позволит более определённо высказаться в этом вопросе.

Как было указано выше, всего было обнаружено и исследовано 3 поселения «со станковой керамикой среднеазиатских земледельческих культур». Общее количество определённых костей достигает 887 экземпляров, а количество особей 82, из них 557 костных остатков, т. е. больше половины (65,05% от всего количества костей) собрано на поселении Кайгородка-III. На анализе этого материала мы остановимся ниже.

На данном поселении по количеству костей и по минимальному числу особей преобладают костные остатки овцы. Исследованные кости овцы отличаются по строению от костных остатков этого животного из других поселений поздней бронзы Алтая. Они значительно крупнее костей овцы из поселений корчажгинской, ирменской и культуры валиковой керамики, а по некоторым промерам превышают кости диких баранов. Из диких предковых форм они больше всего похожи на костные остатки азиатского муфлона (по диагностическим признакам, выделенным В. И. Громовой, отмечена схожесть строения эпифазов некоторых крупных трубчатых костей – плечевая, лучевая, большая берцовая [6]).

Как говорилось выше, отмечается лишь схожесть описываемых костных остатков овцы с костями азиатского муфлона. Выделены и различия в раз-

мерах и форме суставных поверхностей костей исследуемого животного. Подобную ситуацию отмечала Н. М. Ермолова, исследуя костный материал из поселения Алтын-Депе (Юж. Туркмения, близ пос. Меана Каахкинского района [7]). Некоторые костные остатки сильно уклоняются от исходной предковой формы и, на наш взгляд, представляют результат гибридизации дикого барана с домашними овцами.

К великому сожалению, в нашем распоряжении оказался всего один экземпляр метаподии овцы с очень ярко выраженными признаками гибридизации, заметными даже «невооружённым глазом» (см. рис. 1-3-5).

Для выявления степени гибридизации и снятия промеров – толщины костной стенки, ширины просвета кости и описания формы внутренней поверхности пясти, – мы вынуждены были распилить указанный метакарп овцы. Предварительно кость была зарисована и сфотографирована (рис. 1, 5).

Так как морфометрических данных по азиатскому муфлону в нашем распоряжении не оказалось, мы использовали для сравнения обобщённые данные измерений костных остатков диких баранов из работы Е. П. Андреевой [1]. И хотя данная работа вышла почти 60 лет назад, она не утратила своей актуальности до сих пор. Необъяснимо то, что она не нашла широкого применения у археозоологов. На наш взгляд, в работе Е. Г. Андреевой предложена оригинальная методика изучения костных остатков различных пород овец, выделены диагностические признаки по наиболее изменчивым костям – метаподиям, указываются индексы, показывающие зависимость отдельных промеров друг от друга и помогающие отличить, по их числовому выражению, одну группу овец от другой. Непонятно, почему В. И. Цалкин, исследуя костные остатки овец из Северного Причерноморья, обладая хорошим серийным материалом, не применяет предложенную Е. Г. Андреевой методику исследования, а предлагает свою упрощённую схему промеров, не дающую ничего нового [17].

В процессе сравнения костных остатков овцы из памятников поздней бронзы Алтая (поселения с гончарной керамикой) мы использовали схему промеров, вычисления индексов и форму составления таблиц, предложенные Е. Г. Андреевой.

Результаты анализа метаподий овцы сведены в таблицу 2. Возможно, дальнейшие находки костных остатков из памятников этого времени позволят накопить серийный материал, расширят выборку, что поможет обработать данные методами математической статистики.

Пока же выборка чрезвычайно мала, однако и по имеющимся данным можно уже сейчас выделить некоторые, характерные только этому костному материалу особенности.

Анализ метаподий овцы из поселений поздней бронзы Северной Кулунды и сравнение их с промерами метаподий по разным породам овец (данные Е. Г. Андреевой) приводят к заключению, что костные остатки принадлежали особой группе овец, вероятно, гибридной. По-видимому, это гибридные формы, получившиеся при скрещивании домашних овец, близко стоящих к современным туркменским овцам, с диким или же прирученным азиатским муфлоном. Последний вывод является пока лишь пред-

положением и, конечно, может быть оспорен. В подтверждение сказанному следует отметить следующее: во-первых, ареал азиатского муфлона раньше был шире. Необходима новая ревизия географической изменчивости вида на обширном материале [5]. К тому же исследуемые памятники находятся неподалёку от административной границы Алтая с восточным Казахстаном. Во-вторых, географическая изменчивость архара имеет такой размах, который не имеет себе равных среди млекопитающих и едва ли даже среди позвоночных вообще [5, с. 609]. Систематика этого вида и классификационное положение различных форм диких баранов до сих пор очень дискуссионны.

В-третьих, по общепринятым представлениям, несколько видов азиатского муфлона явились родоначальниками домашних овец.

«Аркар (степной или азиатский муфлон) в диком виде встречается, главным образом, в степях и полупустынях, реже – предгорьях Казахстана, Средней Азии и Афганистана.

Аркар – родоначальник двух групп домашних овец: длиннотопыхвостых и жирнохвостых» [10, с. 10].

По зоологической классификации группа длиннотопыхвостых овец объединяет все породы тонкорунных и полутонкорунных овец и некоторые породы узлолокализованных грубошерстных пород (черкасская, лихновская, бокинская) [12, с. 1214-1216]. В четвертых, пойманные в молодом возрасте муфлоны легко приручаются и привязываются к ухаживающему за ними человеку, а при скрещивании с домашними овцами дают во всех случаях вполне плодовитое потомство [15, с. 516]. Несмотря на то, что вывод о гибридизации по указанной схеме может быть оспорен (дискуссионным является вопрос об азиатском муфлоне и домашних овцах, тяготеющих к современному туркменским овцам), однако саму гибридизацию отрицать не приходится. Хотя бы потому, что тогда трудно объяснить появление экземпляра метаподии овцы, попадающего по большинству параметров и индексов в группу мериносов, т. е. полутонкорунных овец (см. табл. 2).

Из таблицы 2 видно, что по абсолютным размерам указанная пясть по наибольшей длине ближе всего шропширу и гемпширу, по боковому диаметру (промер Е-Е₁) попадает между шропширом и гемпширом, по промеру (Б-Б₁) ближе диким баранам, по толщине костной стенки ближе современным туркменским овцам.

Подтверждают вывод о гибридизации индексы, вычисленные по схеме, предложенной Е. Г. Андреевой. По индексам 1, 2, 3 исследуемая пясть попадает в средние величины промеров, снятых с гемпширов и шропширов, т. е. полутонкорунных овец. По индексам 4, 5 приближается к тушинским овцам (тушинская порода – грубошерстная порода мясошерстного направления. Выведена в Грузии в XIII-XIV вв. этнографической группой грузин – тушины), хотя индексы 4,5, вероятно, меньше отражают конституционные отличия разных пород овец, чем индексы 1, 2, 3.

Группа полутонкорунных овец, с которой мы сравнивали наши данные, представлена мериносами, шропширами и гемпширами. Это породы мясошерстного направления (рис. 1-6).

Таким образом, все сказанное заставляет нас говорить о фиксируемой на данном остеологическом материале процессе гибридизации.

Результатом подобной гибридизации были, видимо, овцы крепкого телосложения (длинные конечности, крупный костяк, а, значит, достаточная масса – см. табл. 2, 3), вероятно, полутонкорунные мясошерстного направления. Были ли это овцы мясошерстные длинношерстные (подобные известным на сегодня – куйбышевским, североазиатским, тяньшанским и другим породам с длиной шерсти годового роста более 10 см), либо мясошерстные короткошерстные (подобные известным – горьковским, латвийским, гемпширам, шропширам и другим породам с длиной шерсти годового роста не более 10 см), сказать трудно.

Вывод о наличии полутонкорунного овцеводства у данной группы населения косвенно подтверждается следующими фактами.

Во-первых, как указывалось выше, предковые формы исследуемых животных обладали огромной индивидуальной изменчивостью. Порой возникают ощущения, что в норму реакции данного вида была изначально заложена возможность возникновения всевозможных пород овец. Во всяком случае, человеку удалось из данного материала получить много того, что он хотел получить.

Причем желаемый результат достигался быстро.

Во-вторых, большинство костей овцы принадлежало взрослым особям, закончившим свой рост и развитие (возрастная группа – старше 2,5 лет), в отличие от андроновских овец с поселений Алтайского края, где в основном встречены овцы в возрасте от 5 месяцев до 1 года [3, с. 60].

Сроки хозяйственного использования тонкорунных и полутонкорунных овец значительно длиннее, в связи с получением от них шерсти.

Таким образом, анализ костных остатков овцы из поселений поздней бронзы Северной Кулунды (памятники со станковой керамикой среднеазиатских земледельческих культур), позволяет зафиксировать наличие развитого овцеводства, достигшего высокого уровня, выразившегося в конкретном результате – была получена новая порода полутонкорунных овец мясошерстного направления, к сожалению, не дожившая до наших дней.

В исследуемых памятниках не были встречены кости козы. В этом состоит одно из отличий данных поселений от синхронных им памятников со станковой керамикой среднеазиатских земледельческих культур. Видимо, отсутствие костей козы свидетельствует о большой подвижности исследуемых племён.

Высокий процент остатков лошади также отличает северокулундинские памятники со станковой керамикой от подобных им поселенческих комплексов сопредельных территорий. На наш взгляд, в данном случае общепринятые статистические данные (количество костей и минимальное число особей) не отражают реального соотношения животных в стаде.

Дело в том, что на всех трех поселениях Северной Кулунды среди костных остатков лошади преобладают изолированные зубы и фрагменты черепов. К примеру, в поселенческом слое Бурла-3 из 54 костных остатков лошади 40 принадлежало изолированным зубам нижней и верхней челюсти и распавшим-

ся фрагментам черепов. Также и в жилище: из 65 костей 55 принадлежало опять же изолированным зубам и распавшимся фрагментам черепов, всего от 5 особей.

Возможно, преобладание черепов в материале и их остатков (в виде изолированных зубов и фрагментов верхних и нижних челюстей) свидетельствует о культовых отправлениях древнего населения.

Как указывалось выше, на исследуемых поселениях найдено очень мало костей посткраниального скелета. Из сохранившихся остатков, пригодных к морфометрии, оказались метаподии ($n=3$; – одна пястная и две плюсневые кости), первые фаланги и несколько ($n=6$) третьих – копытных фаланг. Очень примечательна метакарпальная кость лошади (опять же в единственном экземпляре). Кость выглядит очень широкой и мощной, хотя и достаточно длинная. Она как бы сплюснута в дорсо-вентральной плоскости, поэтому обладает небольшой толщиной и значительной шириной. Описываемая кость максимально отвечает требованиям, предъявляемым верховым коням (рис. 1-1). Великолепная ширина и сплюсненность позволяют сухожилиям даже при значительной нагрузке и максимальном их увеличении «не защемляться», что спасает их от воспаления и не приводит к болезненным явлениям (рис. 1-1; рис. 1-2 – обычная метаподия).

Индекс тонконогости, отражающий процентное отношение ширины диафиза пясти к ее длине, в данном случае не сбавляется. Кость, хоть и широкая, но в то же время длинная, а в результате индекс тонконогости оказывается равным 15,25 (см. табл. 4), а значит, исследуемый экземпляр попадает в группу полутонконогих лошадей.

По всей видимости, необходимо ввести дополнительно индекс сплюсненности диафиза пясти, отражающий процентное отношение толщины диафиза к ее ширине. Нам представляется, что у верховых коней индекс сплюсненности будет меньше, чем у остальных групп лошадей. Этот вывод требует проверки и специального исследования. Рост лошади в холке, вычисленный по указанной пясти при помощи коэффициента Кизельвальтера, оказался равен 158,83 см.

Учитывая сказанное выше, мы склонны отнести указанный экземпляр к группе верховых коней, близко стоящих к лучшим верховым коням Пазырыка [12]. Рост лошадей, вычисленный по метатарзальным костям ($n=2$) при помощи сводной таблицы В. О. Витта [12], позволяет отнести их к двум группам: I группа – средние по росту, от 136 до 144 см в холке; II группа – рослые; III – выше среднего, от 144 до 152 см в холке.

Полученные данные свидетельствуют об отличии данных лошадей от обычных азиатских степных лошадей (казахской, киргизской, алтайской, монгольской). По росту они приближаются, а в некоторых случаях превосходят таких современных верховых коней, как ахалтекинские: жеребцы – 154,4 см, кобылы – 152,2 см в холке, иомутские: жеребцы – 152,4 см, кобылы 148,5 см в холке. Но это верховые кони Туркмении (ахалтекинские – южные районы Туркмении, иомутские – северо-западная часть Туркмении), правда, ахалтекинские и иомутские жеребцы используются для метизации в районах верхового коневодства.

Наилучшие результаты получены от метизации казахских лошадей с ахалтекинскими в относительно более мягком климате Южного Казахстана, при улучшенном содержании молодняка [9, с. 116]. На данном этапе изученности дать однозначный ответ на вопрос: «были ли исследуемые нами кони «привозимыми» на Алтай или нет?» – невозможно.

Исследуемые памятники находятся в непосредственной близости с древнейшим очагом одомашнивания коней – Казахстаном. Конечно же, из этого очага могли импортироваться на Алтай верховые кони. В противном случае необходимо признать наличие у описываемых групп древнего населения высокоразвитого земледелия, селекционной работы по разведению коней, знания методов кастрации животных. Сама по себе кастрация удлиняет сроки роста и развития коней, увеличивает их рост. Но при этом необходимо улучшенное содержание молодняка, а в дальнейшем дополнительное обеспечение коней высокоэнергетической и питательной злаковой растительностью или же их выпас на пастбищах с отличной лугово-степной растительностью, состоящей из мятликов, ковылей, овсяниц, пырея и др. Такие пастбища более, чем где либо, имелись в Казахстане и на примыкающих к нему сопредельных территориях. Возможно, в то время сходная экологическая ситуация была и в районах Северной Кулунды. Возможно, в случае с исследуемыми нами метаподиями лошадей мы имеем дело опять же с гибридизацией. Маловероятно, что подобный рост (158,8 см по пястной, а также группа от 144 см до 152 см по метатарзальным костям) был достигнут только в результате кастрации и улучшенного содержания местных пород лошадей.

По данным, приводимым В. О. Липпингом, Г. Г. Хитенковым [9, с. 97-98], средний рост алтайских лошадей – 136,9 см (жеребцы) и 134,9 см (кобылы).

Казахская лошадь была распространена на громадной территории: от Кара-Кумов и Тянь-Шанских и Алтайских гор до Волги. Причём, по мере продвижения с севера на юг и с востока на запад идет укрупнение казахской лошади под влиянием длительного воздействия верховых пород Средней Азии. Вот конкретные данные, приводимые В. О. Липпингом и Г. Г. Хитенковым:

Восточно-казахстанская (горная) лошадь – 131 см в холке;

Центрально-казахстанская (степная и полупустынная) – 134 см в холке;

Западно-казахстанская (степная) – 136 см в холке;

Джамбульская (южная предгорная) – 137 см в холке;

Казахстанская типа «Джабе» – 137,7 см в холке [13, с. 98-100].

Казахстанские кони, как и все группы степных лошадей Азии, обладают значительной костистостью и массивностью.

При описании метакарпальной кости лошади (см. табл. 4) мы отмечали её значительную ширину и вместе с тем достаточную длину. Возможно, это результат кастрации, удлинивший изначально массивную и широкую кость.

Более вероятной и, возможно, ещё одной из причин увеличения роста описываемых животных была

метисация местных казахстанских лошадей с верховыми конями Средней Азии. Как указывалось выше, и ныне метисация ахалтекинских коней с казахстанскими даёт прекрасные результаты. Туркменские кони улучшают казахстанскую породу. Одним из недостатков их конституции (туркменских пород типа ахалтекинской, номутской) является недостаточная костистость. При гибридизации с костистыми, массивными лошадьми казахстанской породы достигается желаемый результат – верховые кони, приспособленные к круглогодичному табунному содержанию, отличаются здоровьем, плодовитостью, обильной молочностью кобыл [9, с. 98-100].

К подобному выводу нас заставляет склониться полное отсутствие в материале костных остатков наших местных лошадей (имеются в виду тип степных лошадей Азии – казахстанских, киргизских, алтайских, монгольских).

По росту в холке мы выделили III группы коней, встреченных в поселениях Северной Кулунды (памятники со станковой керамикой среднеазиатских земледельческих культур): I группа – 136-144 см в холке; II группа – 144-152 см в холке; III группа – выше 152 см (достигает 158,8 см в холке).

Таким образом, по росту кони Северной Кулунды оказываются выше южноказахстанских лошадей и приближаются к ахалтекинским. Вероятно, импорт коней на территорию Алтая шел из районов Туркмении и Южного Казахстана.

Возможно, описываемые кони – результат гибридизации местной, широко в то время распространённой казахстанской лошади с привозимыми из районов Туркмении скакунами.

К сожалению, данных анализа остеологического материала из памятников поздней бронзы, расположенных в районах Южного Казахстана, в нашем распоряжении не оказалось. Фаунистические данные имеются в работе А. Х. Маргулана, касающейся описания памятников бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. Анализируя данные по скотоводческому хозяйству бегазы-дандыбаевской культуры, автор приходит к выводу, что «в бегазы-дандыбаевское время и последующие периоды Центральный Казахстан был наиболее крупным коневодческим регионом Евразийского континента» [11, с. 26].

На указанных памятниках поздней бронзы Северной Кулунды встречено небольшое количество костных остатков крупного рогатого скота. Целыми оказались лишь кости заплюсны (табл. 5). Найден всего один целый астрагалл. Рост исследуемого животного, вычисленный по коэффициенту, предложенному В. И. Цалкиным [16], оказался равен 115,63 см, т. е. скот был некрупным. И все же встречаются первые фаланги, принадлежащие крупным животным, видимо, волам. Копытные фаланги имеют разрастания края кости, подобные встреченным на копытных фалангах «ирменского и валиковского» скота [4, с. 97-100]. Подобные разрастания могли быть вызваны либо длительными передвижениями данных животных, либо изменениями ландшафта, либо увеличенной нагрузкой при усиленной эксплуатации животных древним населением в хозяйственных целях. В поселении Кайгородка-III найдены костные остатки кулана и сайги. Оба эти животных в недалёком прошлом имели более широкий ареал,

чем ныне. К тому же и сайга, и кулан являются мигриционными животными, способными совершать длительные переколёвки на большие расстояния. Оба вида относятся к типично степным, полупустынным и даже пустынным животным, хотя по описанию И. Д. Черского [15, с. 357] ареал сайги ранее охватывал не только степную, но и часть современной таежной зоны.

Ещё в XVIII в. сайгаки были многочисленны в барабинской степи [13, с. 117-118].

Таким образом, анализ остеологического материала из памятников поздней бронзы Северной Кулунды (со станковой керамикой среднеазиатских земледельческих культур) позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, население исследуемой группы памятников имело более развитое скотоводческое хозяйство, чем племена культуры валиковой керамики, ирменской и корчажнинской культур. В данном хозяйстве явно намечаются изменения состава стада в пользу кочевого хозяйства (преобладание костных остатков овец и лошади).

Во-вторых, качественный анализ скота из исследуемых памятников указывает на возникновение полутонкорунного овцеводства и свидетельствует о начальном этапе в работе древнего населения над созданием верховой породы коней, т. е. фиксирует расцвет всех направлений скотоводческого хозяйства. Приближаясь к породному разведению домашних животных, данная группа памятников демонстрирует кардинальное отличие от скотоводческих культур поздней бронзы (культура валиковой керамики и ирменская культура), стоит на более высоком уровне развития всех направлений скотоводства, в особенности овцеводства и коневодства.

В-третьих, данные изучения костных остатков из исследуемых памятников убеждают нас в том, что, видимо, в этом регионе существовал древнейший очаг возникновения полутонкорунного овцеводства и верхового коневодства – на уровне пороодообразования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андреева Е. Г. О строении костей диких и домашних животных // Проблемы происхождения домашних животных. Вып. I. Л., 1993. С. 263-311.
2. Витт В. О. Лошади Пазырыкских курганов // Советская археология. 1952. Т. 16. С. 165-205.
3. Гальченко А. В. Фаунистический анализ остеологического материала из андроновских поселений Алтайского края // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990. С. 57-62.
4. Гальченко А. В., Кирюшин Ю. Ф. К вопросу о типах хозяйства в эпоху поздней бронзы в лесостепном Верхнем Приобье // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986. С. 97-100.
5. Гелтнер В. Г., Насимович А. А., Банников А. Г. Млекопитающие Советского Союза. Т. I: Парнокопытные и непарнокопытные. М., 1961. 775 с.
6. Громова В. И. Определитель млекопитающих СССР по костям скелета. Вып. I: Определитель по крупным трубчатых костям // Труды комиссии по изучению четвертичного периода. Т. IX. М.-Л., 1950. 239 с.
7. Ермолова Н. М. К характеристике млекопитающих Туркмении бронзового века (по остеологическому материалу из раскопок Алтын-Депе в 1975 г.) // Каракорумские древности. Вып. VIII. Ашхабад, 1979. С. 113-116.
8. Кирюшин Ю. Ф., Гальченко А. В., Удодов В. С., Шамшин А. Б. Хозяйственно-культурные типы поздней бро-

Таблица 1

Данные анализа остеологического материала из позднебронзовых поселений Северной Кулунды (со станковой керамикой среднеазиятских земледельческих культур)

Видовой состав животных	Название поселений			
	Бурла-3 (поселенческий слой)	Бурла-3 (жилище)	Гридино	Кайгородка-3
Крупный рогатый скот	1 III II IV	1 III II IV	1 III II IV	1 III II IV
	75 : 53,96 5 : 41,7	57 : 38,78 4 : 33,3	10 : 41,67 2 : 33,33	108 : 16,79 10 : 16,94
Лошадь	54 : 38,85 4 : 33,3	65 : 44,22 5 : 41,7	9 : 37,5 1 : 16,66	223 : 34,68 19 : 32,20
	9 : 6,47 2 : 16,7	25 : 17 3 : 25	5 : 20,83 1 : 16,66	246 : 38,25 25 : 42,37
Коза	--	--	--	--
Собака	1 : 0,72 1 : 8,3	--	--	--
Сайга	--	--	--	34 : 5,28 3 : 5,08
Кулан	--	--	--	32 : 4,97 2 : 3,38

I – количество костей; II – минимальное число особей; III – % от общего количества особей; IV – % от минимального числа особей.

Таблица 2

Сводная таблица данных измерения пястных костей овец из поселений поздней бронзы Алтая и данных измерения этих же костей различных пород овец по Е. Г. Андреевой (1993). См. пояснения на с. 45

Промер	п	Длина	Е-Е ₁	Б-Б ₁	в-в ₁	г-г ₁	ΔR	J ₁	J ₂	J ₃	J ₄	J ₅
Дикий баран	4	162,0	14,5	12,7	4,72	5,0	6,8	9,0	7,83	88,3	94,0	69,0
Киргизская	6	139,0	13,4	11,0	3,70	4,70	5,85	9,6	7,91	81,5	78,7	64,9
Лезгинская	7	139,6	13,7	10,9	3,85	5,0	6,15	9,8	7,81	79,6	77,0	62,6
Туркменская	8	147,0	13,6	10,7	3,89	5,37	6,07	9,3	7,27	78,7	72,4	64,0
Тушинская	3	127,5	15,1	10,7	3,20	5,90	6,45	11,8	8,39	70,9	54,2	49,7
Северная короткохвостая	10	133,0	13,5	9,8	2,72	5,32	5,82	10,2	7,37	72,6	51,1	46,7
Романовская	8	124,3	13,2	9,5	2,80	6,0	5,67	10,6	7,64	72,0	46,6	49,3
Меринос	10	134,0	14,9	9,6	3,30	6,05	6,12	11,1	7,16	64,6	50,7	53,7
Шропшир	2	122,0	17,5	11,1	2,50	6,8	7,1	14,3	9,09	62,8	35,7	35,2
Гемпшир	5	121,0	22,4	11,5	3,00	8,5	7,9	18,5	9,5	41,1	35,3	38,0
Алтай (П. С. К.)	4	173,2	18,0	13,0	4,6	5,2	7,75	10,41	7,51	72,24	80,76	54,19
Алтай. Гибридизация (П. С. К.)	1	119,2	20,6	12,2	3,9	6,6	8,2	17,28	10,23	59,22	59,09	47,56

Таблица 3а

Размеры и пропорции костей овицы из позднебронзовых памятников Северной Кулунды
(со станковой керамикой среднеазийских земледельческих культур)

Пример	Плечевая кость			Лучевая кость			Большая берцовая кость		
	п=4			п=6			п=4		
	Мин.	Макс.	Средн.	Мин.	Макс.	Средн.	Мин.	Макс.	Средн.
Длина	-	-	-	206,2	216,2	211,2	248,2	274,2	261,2
Ширина проксимального эпифиза	-	-	-	40,0	43,4	41,7	-	-	-
Толщина проксимального эпифиза	-	-	-	20,4	23,2	21,8	-	-	-
Ширина диафиза	-	-	-	21,2	22,2	21,7	18,2	20,0	19,1
Толщина диафиза	-	-	-	11,4	12,2	11,8	16,2	17,8	17,0
Ширина дистального эпифиза	39,2	41,8	40,5	38,2	38,6	38,4	35,8	36,6	36,2
Толщина дистального эпифиза	35,2	36,8	36,0	26,4	27,2	26,8	28,2	28,8	28,5

Таблица 36

Размеры и пропорции костей овцы из позднебронзовых памятников Северной Кулунды (со станковой керамикой среднеазиатских земледельческих культур)

Промер	Первые фаланги (правые)			Первые фаланги (левые)			Вторые фаланги (правые)			Вторые фаланги (левые)		
	п=8			п=12			п=2			п=1		
	Мин.	Макс.	Средн.	Мин.	Макс.	Средн.	Мин.	Макс.	Средн.	Мин.	Макс.	Средн.
Длина	44,4	52,2	48,3	42,2	55,0	48,6	29,2	31,2	30,2	—	31,4	—
Ширина проксимального эпифиза	15,0	17,0	16,0	14,8	16,8	15,8	14,2	14,8	14,5	—	14,8	—
Толщина проксимального эпифиза	18,2	19,8	19,0	17,2	20,2	18,7	15,8	17,2	16,5	—	10,8	—
Ширина диафиза	11,8	13,2	12,5	11,2	14,2	12,7	10,6	12,0	11,3	—	11,2	—
Толщина диафиза	12,8	13,2	13,0	11,8	14,2	13,0	10,4	13,0	11,7	—	12,2	—
Ширина дистального эпифиза	14,0	16,2	15,1	13,8	15,4	14,6	11,2	12,2	11,7	—	12,2	—
Толщина дистального эпифиза	12,6	15,0	13,8	12,2	15,8	14,0	13,2	15,8	14,5	—	14,2	—

Таблица 4

Размеры и пропорции костей лошади из позднебронзовых памятников Северной Кулунды (со станковой керамикой среднеазиятских земледельческих культур)

Промер	Большая берцовая			Метакарпальная	Метагартальная			Первые фаланги передние	Первые фаланги задние		
	n=2				n=1	n=2			n=2		
	Мин.	Макс.	Средн.	Мин.		Макс.	Средн.	Мин.	Макс.	Средн.	
Длина	-	-	-	247,8	274,0	279,0	276,5	83,2	84,2	86,0	85,1
Ширина прокс. эпифиза	-	-	-	54,8	50,0	53,2	51,6	55,2	41,2	41,8	41,5
Толщина прокс. эпифиза	-	-	-	35,8	41,2	46,8	44,0	56,8	57,2	57,2	57,2
Ширина диафиза	-	-	-	37,8	31,2	34,2	32,7	33,2	37,4	35,0	36,2
Толщина диафиза	-	-	-	27,6	31,0	33,2	32,1	27,2	28,8	29,2	29,0
Ширина дист. эпифиза	71,6	77,8	74,7	-	49,8	55,2	52,5	44,4	45,4	45,8	45,6
Толщина дист. эпифиза	44,8	48,2	46,5	40,2	39,8	41,2	40,5	27,2	26,8	27,4	27,1

Таблица 5

Размеры и пропорции первых фаланг крупного рогатого скота из позднебронзовых поселений Северной Кулунды (со станковой керамикой среднеазиатских земледельческих культур)

Промер	Первые фаланги (передние)			Первые фаланги (задние)		
	п=2			п=3		
	Мин.	Макс.	Средн.	Мин.	Макс.	Средн.
Длина	57,8	67,8	62,8	63,2	65,8	64,5
Ширина проксимального эпифиза	25,8	38,8	32,3	29,6	36,2	32,9
Толщина проксимального эпифиза	30,8	38,8	34,8	35,8	37,6	36,7
Ширина диафиза	23,4	30,0	26,7	26,8	32,6	29,7
Толщина диафиза	23,8	—	—	26,2	27,8	27,0
Ширина дистального эпифиза	27,0	35,8	31,4	30,2	33,2	31,7
Толщина дистального эпифиза	19,8	28,8	24,3	22,2	25,8	24,0

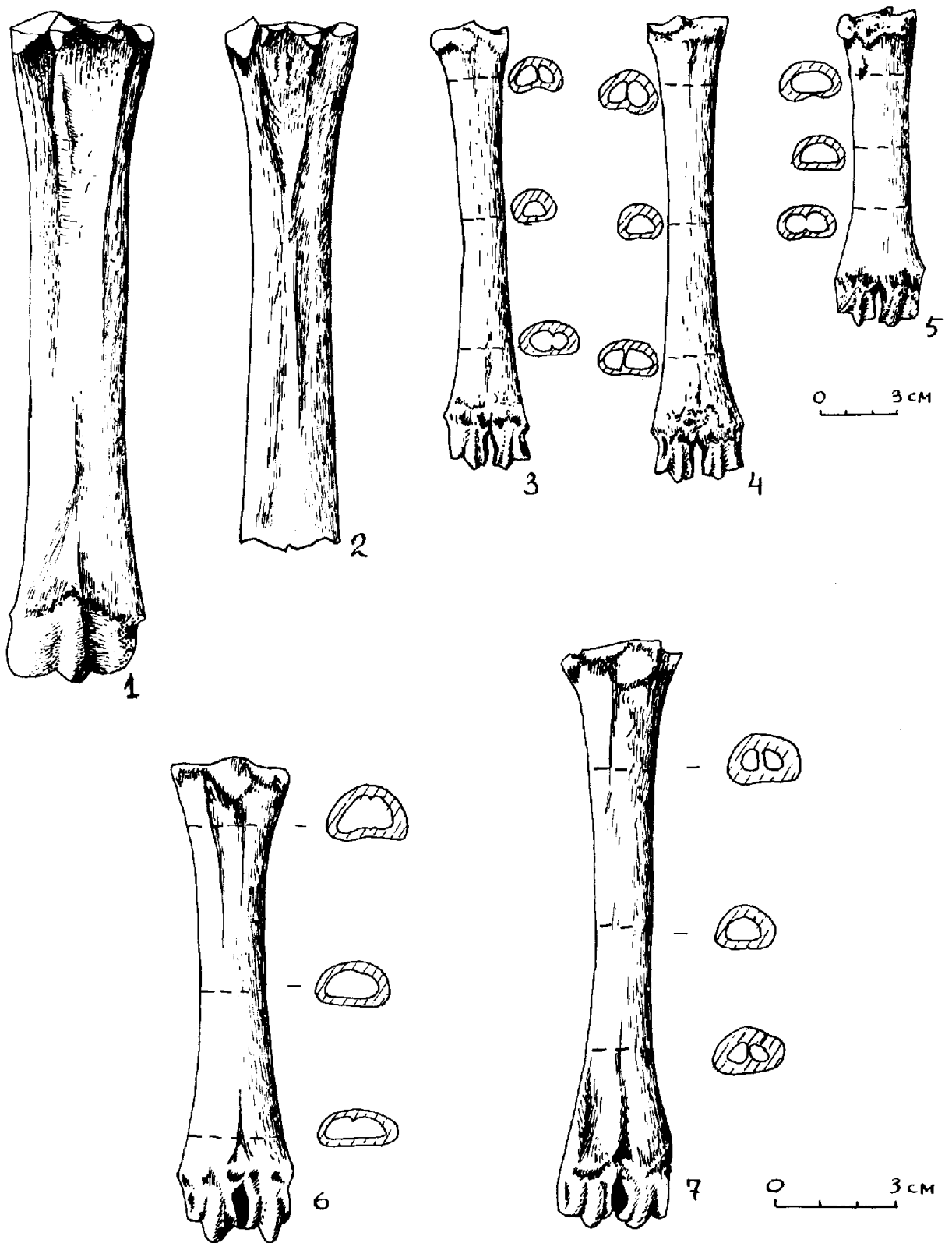

Рис. 1. 1, 2 – метакарпальные кости лошади из поселений Сев. Кулунды; 3, 4, 5 – метакарпальные кости овец из поселений Сев. Кулунды; 6 – метакарпальная кость шропшира; 7 – метакарпальная кость туркменской породы овец

- нзы лесостепного Алтая // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988. С. 138-142.
9. Липшиг В. О., Хитенков Г. Г. Породы лошадей быстрых аллюров // Коневодство. М., 1947. 279 с.
10. Литовченко Г. Р., Воробьев П. А. Овцеводство. М., 1974. 10 с.
11. Маргулан А. Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979. 336 с.
12. Николаев А. Породы овец // Сельскохозяйственная энциклопедия. Т. 4. М., 1973. С. 1214-1216.
13. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Т. II. К. 2. М., 1786. С. 117-118.
14. Соколов И. И. Фауна СССР // Млекопитающие. Т. I. Вып. 3. М.-Л., 1959. 639 с.

15. Цалкин В. И. Древнейшее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии // МИА. М.-Л. 1966. № 135. С. 130-158.
16. Цалкин В. И. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // История скотоводства в Северном Причерноморье // МИА. М.-Л. 1960. № 53. С. 53-56.

Пояснения к таблице 2:

- Е-Е₁ – ширина кости или расстояние между боковыми стенками диафиза и пястья;
- Б-Б₁ – толщина кости, расстояние между передней и задней стенками пястья;
- В-В₁ – толщина костной стенки пястья;
- Г-Г₁ – ширина просвета кости;
- П. С. К. – памятники Северной Кулунды со станковой керамикой среднеазиатских земледельческих культур.

Д. Г. Савинов, Л. И. Рева

К ВОПРОСУ О РИТУАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКАХ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЮЖНОЙ СИБИРИ (могильники Барлык II и Узунтал IV)

В разные годы авторами этой статьи были открыты своеобразные и по всем признакам близкие друг другу памятники эпохи бронзы, представляющие несомненный интерес для решения некоторых вопросов культурогенеза. Это – могильники Барлык II в Юго-Западной Туве (раскопки Л. И. Рева, 1986 г.) и Узунтал IV на Южном Алтае (раскопки Д. Г. Савинова, 1972 г.).

Могильник Барлык II находится на трассе Хандагайты-Мугур-Аксы, в труднодоступном районе при слиянии рек Арзайты и Барлык, где были обнаружены памятники различных исторических эпох. Из них к эпохе бронзы относятся три ограды [16-18], расположенные на высокой левобережной террасе р. Бардык.

Ограда 16. Прямоугольной формы, размером 7×7 м, сложена из камней и речных валунов; ориентирована углами по сторонам света. Внутреннее пространство ограды разделено на 3 части двумя продольно расположенными перегородками, сделанными также из камня и речных валунов и ориентированных в направлении ЮЗ – СВ. Ширина средней части (около 2,5 м) больше боковых. Посередине «северной» перегородки имеется проход шириной 1,7 м. В проходе находился вертикально вкопанный камень правильной формы (столбообразный речной валун сине-зелёного цвета), очевидно, подобранный специально. В средней части ограды на уровне древней поверхности располагалась каменная вымостка, размером 1×1,8 м, вытянутая в направлении ЮЗ – СВ. С внешней, северо-восточной стороны ограды была сделана пристройка, размером 1×2 м, отмеченная несколькими крупными плитами (рис. 1-1). Никаких остатков захоронения в пределах ограды обнаружено не было.

Ограда 17. Располагалась в 3 м к СЗ от ограды 16. Ограда подпрямоугольной формы, размером 6,2×5,8 м; ориентирована углами по сторонам света. Стенки сложены из валунов, расположенных в 2 ряда. В центре ограды находилась неглубокая яма, по краю обложенная плитками. Размеры ямы – 1,6×1,2 м; глубина – 0,2 м; ориентировка по длинной оси в направлении ЮЗ – СВ. В яме были найдены несколько отщепов и нуклеидный обломок из сланца. В одном метре к ЮВ от ямы находился зольник округлой формы (0,6×0,8 м), в котором собраны об-

ломки кальцинированных костей и фрагменты керамики. Кальцинированные кости, по определению Н. М. Ермоловой, принадлежат мелкому и крупному рогатому скоту. Фрагменты керамики – очень мелкие и не дают представления о формах сосудов. Изготовлены они из темного теста с примесью слюды; часть фрагментов орнаментирована гребенчатым штампом. На расстоянии 1,4 м к ЮЗ от центрального сооружения находилось 2 вертикально вкопанных камня, основания которых были забутованы мелкими камнями и плитками. Ещё один такой же камень находился посередине северной стенки ограды, образуя с предыдущими как бы одну линию (ЮЗ – СВ), пересекающую площадь ограды (рис. 1-2; 1-3).

Ограда 18. Примыкает непосредственно к ограде 17 с северной стороны таким образом, что одна стенка у них оказывается общей. Ограда подпрямоугольной формы, размером 5×5,3 м, сложена из крупных камней. Посередине ограды находилась неглубокая яма, по краю обложенная плитками. Размеры ямы – 1,1×0,8 м; глубина – 0,15 м; ориентировка – по длинной оси в направлении ЮЗ – СВ (с небольшим смещением). В яме были найдены остатки кострища с мелкими кусочками кальцинированных костей животных и 2 кварцевые пластинки – белого и чёрного цвета. На площади в северной половине ограды находилось несколько крупных камней, также как бы разделяющих её на 3 части; причём, напротив средней части в самой стенке был сделан разрыв, скорее всего, обозначающий «вход». Рядом с оградой, перекрывая её восточную часть, расположена каменная наброска, скорее всего, более позднего происхождения (рис. 1-3; 2-1).

Могильник Узунтал IV находится около пос. Кокоря на высокой левобережной террасе р. Бугузун (Кош-Агачский район республики Алтай), т. е. расположен практически в тех же условиях, что и могильник Барлык II в соседней юго-западной Туве. В числе прочих объектов здесь было исследовано несколько памятников, относящихся к эпохе бронзы: 2 погребения (курганы 1, 2) и 2 ограды [21].

Курган 1. До раскопок представлял собой округлую плоскую вымостку из положенных в 2 слоя валунов и колотых плит, диаметром 6,5 м и высотой до 0,25 м. Поверхность вымостки ровная, сильно задернованная. По периметру сооружения располагалась

кольцо-крепида из более крупных камней. Посередине находилось углубление овальной формы, размером 1,5×0,75 м (глубина 0,25–0,3 м). В нём находился плохо сохранившийся скелет человека, положенного на правом боку с подогнутыми ногами и вытянутыми вперёд руками, ориентированного головой на ЮЗ (рис. 2-7). На берцовых костях – следы охры. Сопроводительного инвентаря в погребении не обнаружено.

Курган 2. До раскопок представлял собой каменно-земляное сооружение из валунов и колотых плит, сильно задернованное; диаметром 8,5 м и высотой 0,35 м. По периметру сооружения располагалось кольцо-крепида из более крупных камней (рис. 2-4). Посередине – плоская западина без камней. Под ней в яме, размером 1,6×0,6 м и глубиной 0,25–0,3 находился скелет человека, лежавшего на правом боку со слегка согнутыми ногами и вытянутыми впереди туловища руками; головой на ЮЗ (рис. 2-6). На костях – следы охры. Предметов сопроводительного инвентаря не обнаружено.

Рядом с курганами 1 и 2 находились две ограды, образованные лежащими в один слой каменными плитками и ориентированные сторонами по сторонам света. Одна из них имеет подквадратную форму – 4×4 м (рис. 2-3); другая – прямоугольная – 4×5 м (рис. 2-5). Внутреннее устройство оград одинаково: узкий вход с восточной стороны, внутри сделаны две продольные перегородки, расположенные по линии З – В, разделяющие площадь ограды на 3 части. Средняя часть в прямоугольной ограде более широкая. Южная перегородка в обоих случаях разомкнута; посередине северной перегородки, в одном случае – на ней, расположены каменные вымостки из плоских и наклонно стоящих плиток. Никаких следов захоронений или других культурных остатков под ними обнаружено не было. С южной стороны от вымосток, т. е. посередине средней части ограды, находились кострища, в которых найдены отдельные угольки и обломки кальцинированных костей (рис. 2-3, 5). По всей вероятности, ограды связаны с расположенными рядом безынвентарными погребениями курганов 1 и 2.

Несмотря на некоторые различия, в первую очередь, в ориентировке оград углами или сторонами по сторонам света, совершенно очевидно, что рассмотренные сооружения могильников Барлык II и Узунтал IV относятся к одному типу памятников, имеющих, как оказалось, достаточно широкий круг аналогий, но ещё не привлекавших специального внимания исследователей.

Впервые подобное сооружение было открыто в 1916 г. А. В. Адриановым в Северной Туве на р. Уюк. Оно представляло собой «площадку» размером 42×28,2 м из поставленных на ребро плит, вытянутую в направлении ЮЗ – СВ. Внутри неё находилась аналогичным образом расположенная ограда, к сожалению, исследованная частично. При раскопках здесь была обнаружена яма с сожжёнными костями животных и найден каменный пестик (не сохранился). Такие же «площадки», огороженные вертикально поставленными плитками, были исследованы в 1927 г. С. А. Теплоуховым на р. Туран. Всего было раскопано 4 оградки, в которых находились ямы с углами и костями животных. При этом были найдены фрагменты керамики и куски дерева. Публикуя

эти материалы, Л. Р. Кызласов отнёс исследованные А. В. Адриановым и С. А. Теплоуховым «площадки» к жертвенно-поминальным сооружениям, но отметил, что «могут ли эти памятники относиться к эпохе бронзы – покажет будущее» [12, с. 24–25]. В 1977 г. такой же памятник в Северной Туве был раскопан А. М. Манделштамом у с. Малиновка. «Новым типом памятников, – писал А. М. Манделштам, – является большая прямоугольная ограда из вертикально установленных плит, имеющая два противолечащих «коридора» и центральную наземную камеру. В пределах последней обнаружены два скопления кальцинированных костей. В разных частях сооружения найдено значительное количество обломков своеобразной, богато орнаментированной керамики, датировку которой, однако, сейчас ещё трудно установить» [16].

В южной части Алтая серия аналогичных памятников исследована А. С. Суразаковым на могильнике Ирбисту I [26]. По всем признакам (прямоугольная форма оград, деление их на 3 части внутренними перегородками, вертикально вкопанные камни при «входе», ямы, обложенные плитками и остатки сожжений на площади) они сближаются с барлыкскими и узунтальскими. С последними их объединяет в ещё большей степени ориентировка оград по сторонам света, каменные вымостки в северной части сооружений, наличие здесь же безынвентарных захоронений с западной и северо-западной ориентировкой. Из вещей в могильнике Ирбисту I найдены только несколько фрагментов керамики, украшенных жемчужинами. Отметив трудность датировки памятника, А. С. Суразаков (в основном по конструктивным особенностям наземных сооружений, напоминающих черенкуры) отнёс его к эпохе финальной бронзы, «понимая этот период в широком плане, т. е. включая сюда и раннескифское время» [27, с. 35].

На наш взгляд, более или менее точное определение хронологической и культурной принадлежности рассматриваемых памятников может быть дано, исходя из особенностей планиграфии, обряда погребений, связанных с ними захоронений и анализа керамики.

С точки зрения планиграфии явные аналогии им можно увидеть в удлиненно-прямоугольных выкладках с округлой пристройкой («апсидой») с внешней стороны и различным образом расположенными перегородками на площади. На Алтае Е. А. Окладникова выделила их в тип «сложно-подпрямоугольных сооружений» ритуального характера [16, табл. 1]. В Центральной Туве в 1962 г. Д. Г. Савиновым было открыто и в 1965 г. Ю. И. Трифоновым раскопано крупное сооружение с «апсидой», к сожалению, не давшее никаких датирующих материалов. Оно представляло собой прямоугольную ограду длиной около 17 м из вертикально вкопанных мелких плиток, вытянутую в направлении З – В, и с полукруглой «апсидой» с восточной стороны. Площадь ограды разделена внутренними перегородками на 3 равные части. С внутренней стороны крайних стенок симметрично было пристроено 6 каменных ящичков (Аргалыкты II, объект 1). Типологически близкие постройки из вертикально вкопанных плиток с «апсидой» и продольным делением площади известны среди мегалитических сооружений Северного Тибета [6].

Расширяя круг возможных аналогий, можно отметить, что округлые пристройки типа «апсиды» встречаются у некоторых херексуров в Монголии; причём в отдельных случаях расположенные на площади оленные камни также как бы делят её на 2 части [6]. В одновременных с ними памятниках каменоложского этапа на севере Минусинской котловины интересны 2 случая: ограда у с. Ефремкино, названная «лугавским храмовым комплексом» с прямоугольной пристройкой, также как бы разделённая на 3 части [2]; и разделительные стенки на площади жертвенных сооружений Устинкинского могильника [21, рис. 16].

Все приведенные памятники, разделённые пространством и, возможно, временем, представляют собой ритуальные (или ритуально-жертвенные) сооружения, в круг которых входят и ограды могильников Барлык II и Узунтал IV. В Центральном Казахстане такие же ограды с «апсидой», но содержащие захоронения в каменных ящиках, относятся к андроновской культуре [15, рис. 29, 37], что, естественно, нельзя принимать как определитель их культурной принадлежности по всей территории распространения, однако, возможно, является указанием на широкий ареал формирования связанных с ними представлений. Безы Inventарные захоронения, открытые вместе с оградой на могильниках Узунтал IV и Ирбисту I, с наибольшим основанием могут быть отнесены к погребениям вблизи уровня древней поверхности монгун-тайгинского типа, выделенного А. Д. Грачом и в целом отнесённого им к эпохе бронзы [7, 10]. Типологически близкие захоронения характерны и для херексуров [29]. На западе ареал их распространения прослеживается до Средней Азии [18]. По классификации Вл. А. Семёнова и К. В. Чугунова, узунтальские погребения (в неглубоких ямах, окружённых кольцами) ближе к ранним вариантам памятников монгун-тайгинского типа, а не к захоронениям в цистах, частично относящихся уже к раннескифскому времени [25].

Как уже отмечалось, найденные фрагменты керамики с точки зрения определения их культурной принадлежности невыразительны; однако в одном случае керамический материал является достаточно показательным. Это развалы нескольких орнаментированных сосудов из ограды у с. Малиновка в Северной Туве. Судя по сохранившимся фрагментам, они представляли собой сосуды баночной формы с прямо поставленным венчиком, украшенным наклонными, пересекающимися линиями или сетчатым орнаментом. Верхний орнаментальный пояс отделён от тулова сосуда рядом горизонтальных (реже – зигзагообразных) линий. Тулово украшено по всей поверхности часто расположенными оттисками удлинённо-овального или ромбического штампа. В некоторых случаях орнаментировано и уплощённое дно сосуда (рис. 1-4, 5, 7, 8). Несмотря на отдельные вариации при оформлении сосудов, они, несомненно, отражают одну устойчивую керамическую традицию, которая уже известна в Туве по раскопкам других памятников. Такой же сосуд впервые был найден С. И. Вайнштейном на р. Уюк в погребении в каменном ящике, относящемся ко времени окупёвской культуры [5]. Аналогичная керамика характерна для второго этапа окупёвской культуры на многослойном поселении Тоора-Даш в Саянском каньоне

Енисея. Сходство малиновской керамики с керамикой второго слоя окупёвской культуры на Тоора-Даше и сосудом из погребения на р. Уюк уже отмечалось Вл. А. Семёновым. При этом особо важное значение имеет зафиксированное археологически длительное переживание окупёвских традиций в Туве вплоть до предскифского времени [23-25]. Поиск аналогий этой керамики уводит нас на север, где по характеру оформления венчика она напоминает некоторые сосуды каменоложского этапа [30, табл. 27]. В то же время, малиновская керамика по общему принципу оформления сосудов, особенно – сплошной орнаментации тулова, соответствует керамике окупёвской культуры Минусинской котловины. Причём, наиболее близкие аналогии находятся в керамическом комплексе могильников типа Карасук II [10]. Это сосуды баночной формы с поверхностью, сплошь покрытой оттисками удлинённо-овального штампа, расположенных в шахматном порядке. Дно сосудов уплощённое. Орнамент часто спускается на дно сосудов. На дне некоторых сосудов оттисками штампа выполнена характерная для окупёвской керамики фигура из 2 пересекающихся линий – крест (рис. 1-6, 9). Относительно места погребений типа Карасук II среди других памятников окупёвской культуры высказаны различные точки зрения. По определению выделившей их М. Н. Комаровой, это – «своеобразная группа неолитических памятников на Енисее, которую нельзя отнести к памятникам ни афанасьевской культуры, ни окупёвской. Принадлежат ли они какому-то другому этапу культурно-исторического развития древнего общества на Енисее или это могилы уже известного нам этапа, остаётся неясным, но погребены в них лица какой-то особой категории, по особому обряду» [10, с. 90]. Однако в дальнейшем все исследователи относили их к раннему этапу окупёвской культуры [20].

Не касаясь здесь вопроса о хронологии своеобразных окупёвских памятников типа Карасук II, следует отметить, что одной из их наиболее характерных особенностей являются наземные сооружения в виде квадрата, ориентированного углами по сторонам света, с крестообразно расположенными перегородками (или «дорожками»), которые М. Н. Комарова сравнила с устройством одного из херексуров, раскопанного А. Д. Грачом в Юго-Западной Туве [9]. «К сожалению, – отметила М. Н. Комарова, – хронологическая принадлежность могилы в Мугур-Аксы не устанавливается, и мы можем пока говорить только о сходстве её надгробных сооружений с надгробными сооружениями на р. Карасук» [10, с. 88]. В настоящее время к кругу памятников типа Карасук II может быть отнесён поминально-погребальный комплекс с аналогичной планировкой на р. Туим. Поражают масштабы и чётко выраженная социальная окраска этого сооружения: кромлех из менгиров диаметром 82 м, в нём квадрат из вертикально поставленных плит с длиной сторон 16 м с высокими угловыми камнями, расположенным с востока «входом» из 6 менгиров и радиально расположенными «крестом» дорожками, на пересечении которых находилось погребение женщины в каменном ящике [13]. Можно предполагать, что сложная планировка, характерная для памятников окупёвской культуры, имевшая, очевидно, определённое социальное значение, сыграла свою роль в формиро-

вания особенностей наземных сооружений более позднего времени, в частности, херексуров.

Обращает на себя внимание взаимосвязанный характер всех приведённых выше параллелей: оград из Барлыка II, Узунтала VI, Ирбисту I, Малиновки – с херексурами, прямоугольными оградами с «апсидами» и некоторыми сооружениями каменоложского этапа; связанных с ними захоронений на могильниках Ирбисту I и Узунтал VI – с погребениями монгун-тайгинского типа, характерными также для херексуров; керамики из Малиновки – с керамикой второго этапа окунёвской культуры в Туве, частично каменоложской и окунёвскими памятниками типа Карасук II в Минусинской котловине; наземных сооружений памятников типа Карасук II и Туим – с херексурами, некоторые из них по своей планиграфии сближаются с прямоугольными оградами с «апсидами», которые по принципу деления площади на три части в наибольшей степени соответствуют оградкам из могильников Барлык II и Узунтал VI.

Несмотря на выборочный характер, связанный, в первую очередь, с недостаточной степенью изученности, приведённые материалы характеризуют единый пласт культурных традиций эпохи поздней бронзы, скорее всего, связанных с окунёвским культурным субстратом, доживающим в Туве, а, возможно, и на Горном Алтае, до предскифского времени. Вероятно, именно в недрах окунёвской культуры следует искать истоки мировоззрения, обусловившего особенности наземных сооружений эпохи поздней бронзы, получивших наиболее яркое воплощение в планиграфии херексуров. Образно говоря: крест на донцах окунёвских сосудов можно рассматривать как предтечу крестообразной планировки, лежащей в основе большинства херексуров. В этом контексте находит себе объяснение и неоднократно отмеченное исследователями сходство между окунёвскими изваяниями и ранними оленными камнями, неразрывно связанными с херексурами. Очевидно, не случаен и набор предметов, находимых в ритуальных оградах малиновского или барлыкского типа (фрагменты керамики, кварцевые пластинки чёрного и белого цвета, песч. ик, по своему составу близкий найденному в единственном раскопанном «оленном комплексе» на р. Юстыд [11].

В свете всего сказанного в общих чертах могут быть определены хронологическая и культурная принадлежность оград на могильниках Барлык II и Узунтал VI. По всем приведённым данным они относятся к эпохе поздней бронзы и представляют собой особый вид ритуальных памятников, который может быть синхронизирован со вторым этапом окунёвской культуры в Туве. В абсолютных датах это может быть определено второй половиной II тыс. до н. э. Как известно, в это же время происходит проникновение андроновцев на Енисей. В этом отношении показательно, что, как отмечает Вл. А. Семёнов, найденные вместе с керамикой малиновского типа во втором слое окунёвской культуры бронзовые ножи аналогичны казахстанским [24], где, как уже говорилось, существовали погребения в оградах подобного типа. Особый и наиболее сложный вопрос – семантика рассматриваемых сооружений. Пока он может рассматриваться только в русле общих соображений о моделировании трёхчастной системы устройства мира, сакрализованном пространстве оград и знако-

вом значении их отдельных элементов [17, 22, 27]. Из них наиболее вероятно отмеченное А. С. Суразаковым [26, с. 37] отражение представлений о горизонтальном устройстве мира. Нечто подобное можно наблюдать, не придавая этой параллели никакого культурно-генетического характера, в конструкции шаманского чума («шэвэнчедэк») у эвенков, составленном из трёх частей, связанных между собой переходами, из которых одна «галерея» символизирует верхний мир («дарцэ»); другая – нижний мир («онанг»). Посередине чума находится вертикальная жердь («туру»), символизирующая мировое дерево, нижняя часть которой связана с очагом. На «туру» вешали различные жертвоприношения; по ней поднимались наверх души жертвенных животных. Шаман и его духи-помощники, передвигаясь по различным частям шаманского чума, демонстрировали присутствующим своё физическое перемещение в каждом из миров в процессе камлания [1]. Нечто подобное можно предполагать и в ритуальных сооружениях эпохи поздней бронзы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Анисимов А. Ф. Шаманский чум у эвенков и проблема происхождения шаманского обряда // Труды института этнографии. Новая серия. Т. XVIII. («Сибирский этнографический сборник, I»). 1952. С. 199-238.
2. Бслокобыльский Ю. Г. Лугавский храмовый комплекс // Исследование памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1987. С. 85-92.
3. Бобров В. В. Курган как сакрализованное пространство в системе погребального обряда // Актуальные проблемы методики Западносибирской археологии. Новосибирск, 1989. С. 160-164.
4. Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986. 179 с.
5. Ванштейн С. И. Археологические раскопки в Туве // Учёные записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы, истории. Вып. II. Кызыл, 1954. С. 115-123.
6. Волков В. В. Оленные камни Монголии. Улан-Батор, 1981. 102 с.
7. Грач А. Д. Новые данные о древней истории Тувы // Учёные записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы, истории. Вып. XV. Кызыл, 1971. С. 94-96.
8. Грач А. Д. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве // Труды Тувинской комплексной этнографо-археологической экспедиции. Т. I. М.-Л., 1960. С. 12-17.
9. Грач А. Д. Центральная Азия как историко-археологический регион // История и культура Центральной Азии. М., 1983. С. 245-246.
10. Комарова М. Н. Своеобразная группа неолитических памятников на Енисее // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981. С. 76-90.
11. Кубарев В. Д. Древние изваяния Алтая. Оленные камни. Новосибирск, 1979. 120 с.
12. Кызласов Л. Р. Древняя Тува. М., 1979. 207 с.
13. Кызласов Л. Р. Письмо из неолита // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. М., 1987. С. 143-145.
14. Мандельштам А. М. Работы в зоне Малиновской оросительной системы // АО 1977 г. М., 1978. С. 253
15. Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древние культуры Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1960. 300 с.
16. Окладников Е. А. К вопросу о каменных выкладках в долине реки Елангаш // Традиционная культура народов Центральной Азии. Новосибирск, 1986. С. 20-31.

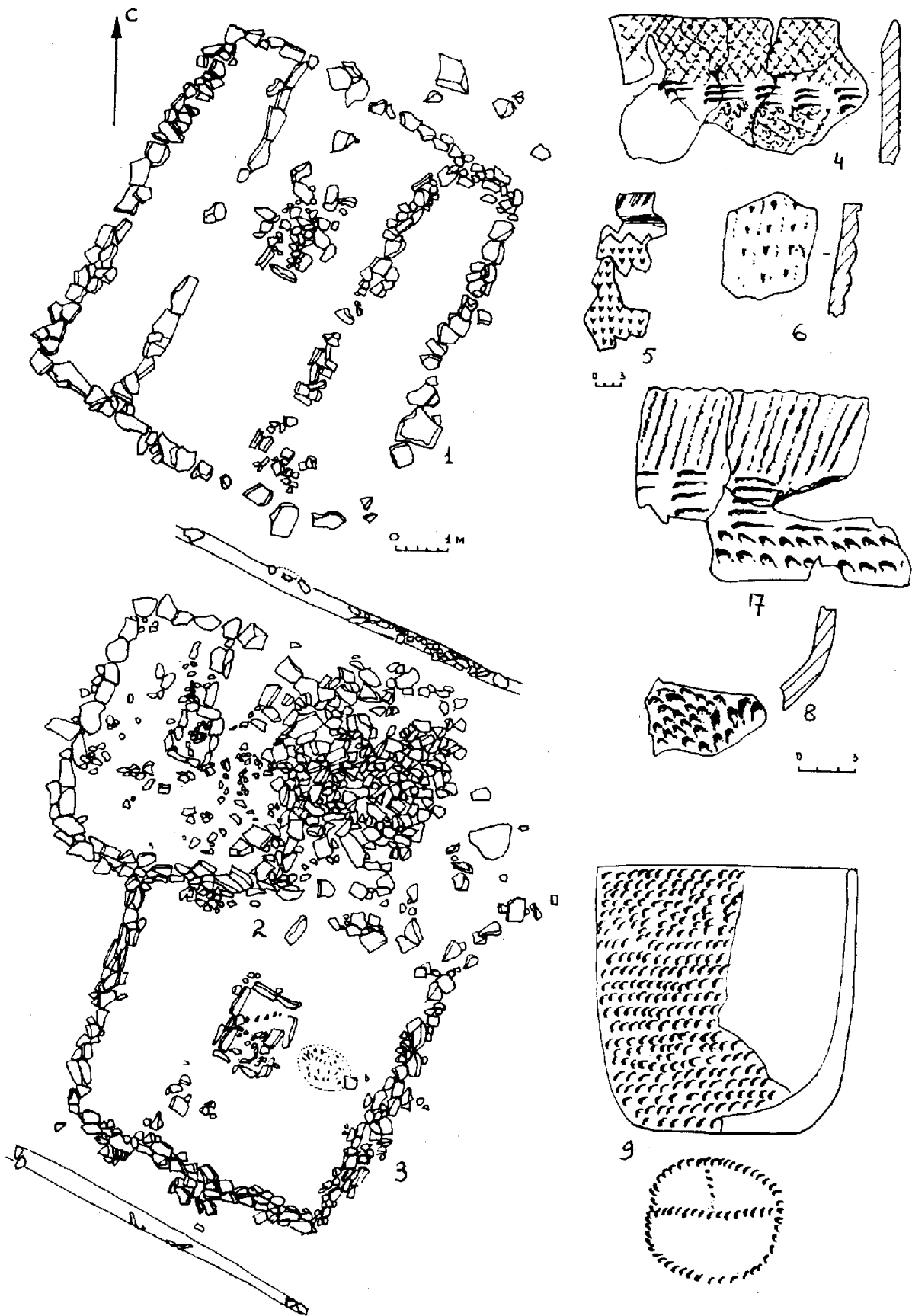

Рис. 1. Ритуальные памятники эпохи бронзы Южной Сибири. 1-3 – Барлык I; 4, 5, 7, 8 – Малиновка; 6, 9 – Карасук II.

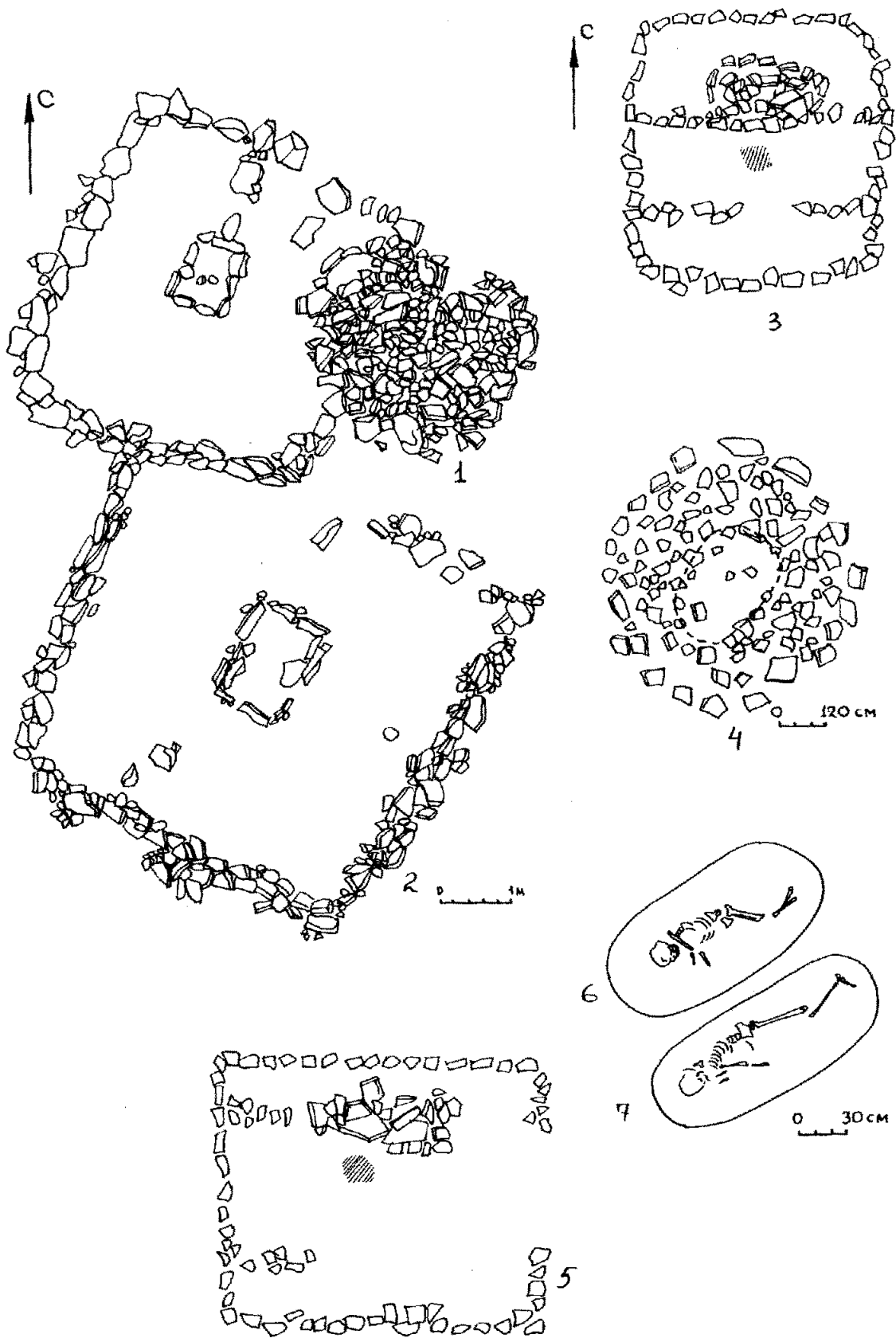

Рис. 2. Ритуальные памятники эпохи бронзы Южной Сибири. 1 – Барлык I; 2-7 – Узунтал VI

17. Пяткин Б. Н. Представления древних людей о пространстве и времени по курганным надмогильным сооружениям // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск, 1987. С. 31-37.
18. Рева Л. И. К вопросу о памятниках Монгун-Тайгинского типа // Новое в методике археологических работ на новостройках РСФСР. М., 1989. С. 96-97.
19. Рерих Ю. Н. Звериный стиль у кочевников Тибета. Прага, 1930. 100 с.
20. Савинов Д. Г. Раскопки в Горном Алтае // АО 1972 г. М., 1973. С. 235.
21. Савинов Д. Г., Бобров В. В. Устинковский могильник // Археология Южной Сибири. Известия лаборатории археологических исследований. Вып. 12. Кемерово, 1983. С. 34-71.
22. Савинов Д. Г., Бобров В. В. Курган как сакрализованное пространство в системе погребального обряда // Актуальные проблемы методики западносибирской археологии. Новосибирск, 1989. С. 160-164.
23. Семёнов Вл. А. О двух этапах охуньской культуры в Туве // Проблемы археологии Тувы. Кызыл, 1984. С. 37-48.
24. Семёнов Вл. А. Периодизация культур неолита и бронзы Тувы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988. 15 с.
25. Семёнов Вл. А., Чугунов К. В. Роль субстрата в сложении культур скифского облика в Туве // Проблемы археологии степной Евразии. Часть II. Кемерово, 1987. С. 73-76.
26. Суразаков А. С. Ирбисту I // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988. С. 22-59.
27. Усманова Э. Р. «Круг» и «квадрат» в андроновской погребальной символике. По материалам могильников Центрального Казахстана // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1989. С. 55-67.
28. Хлобыстина М. Д. Происхождение и развитие культуры ранней бронзы Южной Сибири // Советская археология. 1973. № 1. С. 24-26.
29. Цыбиктаров А. Д. О датировке херексуров в Южной Бурятии, Северной и Центральной Монголии // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988. С. 130-132.
30. Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972. 120 с.

М. Т. Абдулганеев

ПАМЯТНИКИ БИЙСКОГО ЭТАПА В ВЕРХНЕМ ПРИОБЬЕ

Настоящая публикация посвящена памятникам верхнеохунского этапа большебереченской культуры переходного времени – бийского. Об этом периоде в последние годы уже вышло в свет несколько публикаций, но одни из них имеют тезисный характер [1; 7]; другие – некачественны по не зависящим от автора причинам [2]. В связи с этим в данной работе автор намерен осуществить более полную публикацию имеющихся в данный момент бийских материалов, а также повторить уже высказанные ранее соображения.

В настоящий момент известно более 30 бийских поселений и слоев на многослойных памятниках, а также единичных находок керамики типа Бийск-скотобойня (рис. 1):

1. Енисейское-2. Поселение. Находится на правом берегу р. Бии у с. Стан-Бехтемир. Визуально прослеживалось 4 жилищные западины, одна из которых в 1990 г. раскопана автором. Площадь раскопа составила 144 кв. м. Жилище имело прямоугольную форму и выход в виде выступа. В материке оно было заглублено на 0,45-0,55 м. По периметру прослеживались столбовые ямки и остатки стен. В центре находился каменный наземный очаг. Около него, вдоль стен и в хозяйственных ямах обнаружено более 30 сосудов (рис. 2-5-8), изделия из камня, кости и бронзовый нож. Площадь жилища составила около 70 кв. м.

2. Кукушкин Елбан-I. Поселение. Находится на останце правого берега р. Песчаной у с. Точильное. В 1987 г. А. Б. Шамшин вскрыл площадь 220 кв. м и зафиксировал одно жилище, внешне не заметное. Оно имело подпрямоугольную форму и удлинённый выход коридорного типа, в материк заглублено на 0,5 м. В северо-западном углу и на выходе прослежены столбовые ямки; в том же углу – очаговая яма. В центре найдены три сосуда. Размеры жилища ко дну уменьшались, т. е. стенки его были покатыми. Площадь составила 56 кв. м (рис. 3-22). Материалы частично опубликованы [4].

Жилища близки по площади и относятся к типу полуземлянок. В обоих случаях фиксировалась столбовая конструкция. На Енисейском-2 стены могли быть в виде сруба либо плетёные, а крыша – двускатной, а на Кукушкином Елбане-I вся жилищная конструкция была явно съёмной. Судя по находкам, различно и время их обитания. В общем, наиболее вероятно предположить для Енисейского-2 стационарный характер посёлка, а для Кукушкиного Елбана-I – кратковременный.

3. Ближние Елбаны (БЕ)-5, 7, 11, 15. Дюнная стоянка. Находится в устье Большой Речки у с. Чаузово, в южной части одноимённых дюн. В 1946, 1947 и 1949 г. М. П. Грязнов произвёл здесь сборы материала, в том числе бийской керамики, слесков бронзы и обломков литейных форм. На БЕ-11 вскрыто 38 кв. м, на БЕ-15 – 24 кв. м. Материалы частично опубликованы [5, с. 85-88, табл. XXII].

4. Боровое-3. Многослойное поселение. Находилось на правом берегу старицы р. Бии у п. Боровое. В 1986 и 1989 г. А. Л. Кунгуров и М. Т. Абдулганеев вскрыли 562 кв. м его площади. Среди прочих материалов зафиксирован бийский бронзолитейный комплекс. Среди находок – 20 бронзовых наконечников стрел (рис. 3-1-20). Материалы опубликованы, но, к сожалению, некачественно [2].

Керамические комплексы обеих бронзолитейных мастерских незначительны. И в том, и в другом случае рядом с ними зафиксированы и бронзолитейные комплексы более позднего времени, связанные с изготовлением кельтов.

5. Костенкова Избушка. Многослойное поселение. Находилось на южном берегу оз. Большой Иткуль, напротив с. Вершинино. В 1978-1981 гг. полностью раскопано Ю. Ф. Кирюшиным. Помимо поселенческих материалов, в том числе и бийских, раскопано несколько могил. Одна из них (№ 4) может быть отнесена к интересующему нас времени. Погребение, зафиксированное в нижней части культур-

ного слоя, и было потревожено. В анатомическом порядке сохранилась правая половина скелета: рука, нога, частично таз и грудная клетка. Судя по их расположению, погребённый лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток. В ногах найден крупный каменный оселок, в районе грудной клетки и головы – обломки сосуда баночной формы, украшенного по венчику двойным рядом жемчужин, разделённых уголком лопаточки.

Довольно значительными (более 50 одних только венчиков на каждом памятнике) являются сборы на ряде раздутых стоянок:

6. Ольгинка I. Расположена на правом берегу старицы Оби между с. Быстрый Исток и Усть-Ануй. Сборы С. В. Неверова в 1978 г.

7. Лесная Пасека I. Находится там же. Сборы С. В. Неверова в 1978 г.

8. Малоугренево. Зафиксирована на правом берегу старицы Бии у с. Малоугренево. Сборы сотрудников БКМ в 1920-1930-е гг.

9. Понтонный мост. Находилась на левом берегу Бии в черте Бийска. Сборы сотрудников БКМ в 1920-е гг. (рис. 2-1, 2).

10. Скотобойня. Обнаружена на правом берегу Бии в черте Бийска. Сборы С. М. Сергеева и М. П. Грязнова в 1920-е гг. Материалы частично опубликованы [5; рис. 16].

На остальных поселениях бийские материалы незначительны или единичны. Их перечень даётся суммарно:

13-21. Правый берег Оби – Ближние Елбаны-2, 10, Камьпенка, Елбаны за рекой-I, Ст. Алтайская-I (сборы М. П. Грязнова), Фоминское, Шорникова Грива (сборы сотрудников БКМ), Новоалтайское, Васино-I (сборы сотрудников АГУ), Кармацкий-2, Мыльниково-I (раскопки сотрудников АГУ).

22-27. Левый берег Оби – Ольгинка-5, Ад-I, Ахтамар-2, Цыганкова Сопка-I (сборы С. В. Неверова), Точильное-5 (раскопки А. Б. Шамшина), Точильное-3 (раскопки А. А. Казакова). В последнем случае вместе с сосудом бийского типа был найден бронзовый нож (рис. 2-3; рис. 3-21).

28. 29. Правый берег Бии – Вихоревская переправа, Литейный переулочок (рис. 2-4) (сборы сотрудников БКМ).

30. Левый берег Катуня – Красный Яр-2 (сборы Г. В. Масленниковой).

31. 32. Правый берег Катуня – Майма-I (раскопки М. Т. Абдулганеева), Майма-2 (раскопки Б. Х. Кадикова).

Автору статьи неизвестны бийские материалы из других районов Верхнего Приобья либо сопредельных с ним территорий. Встречаются они, таким образом, очень ограниченно. Основным ареалом распространения можно считать низовья Бии (не выше устья Нени) и верховья Оби (не ниже устья Барнаулки). В других местах бийские материалы единичны, и едва ли это можно считать результатом слабой изученности этих районов.

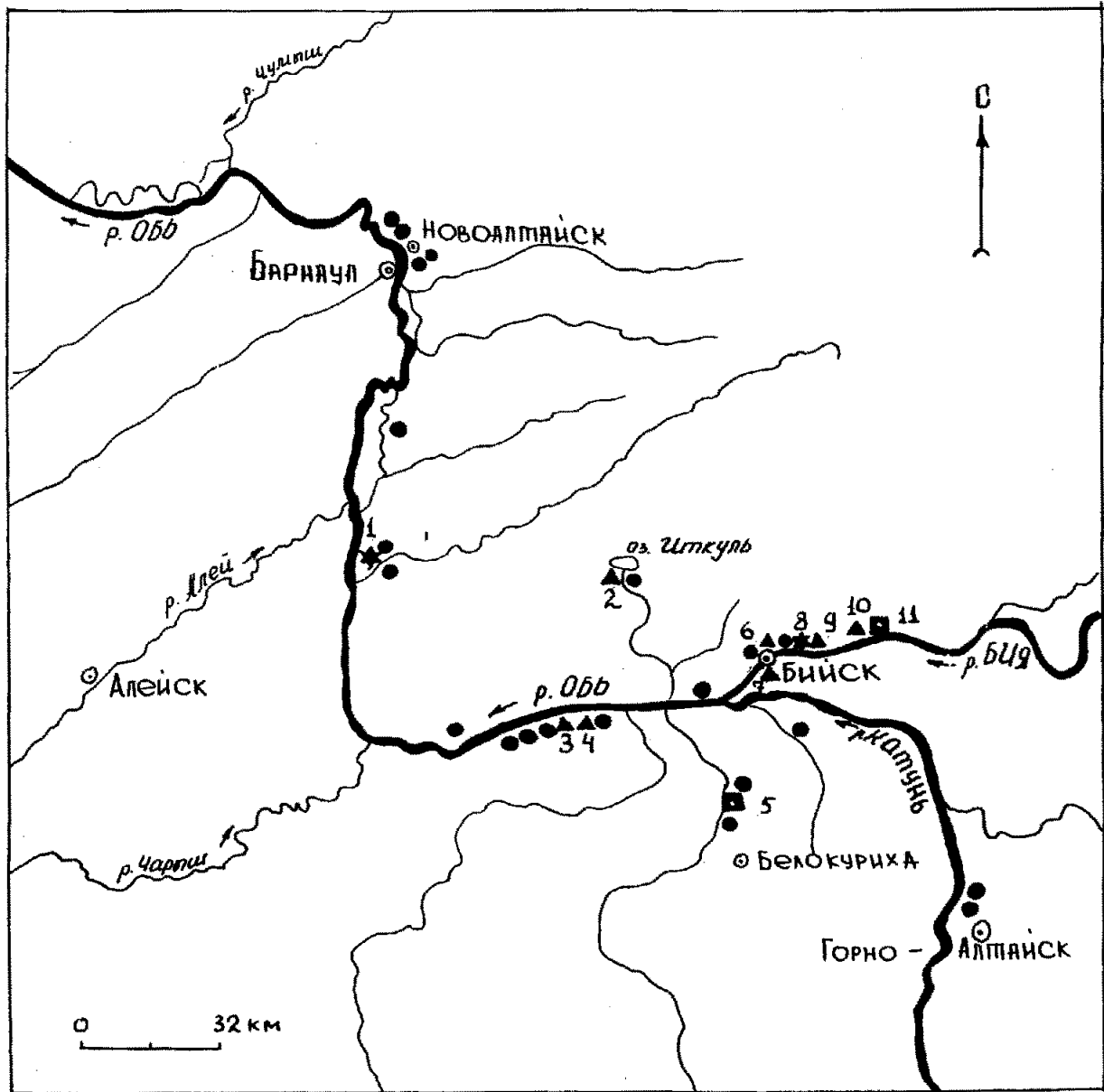
Поскольку бийские памятники представлены только поселениями, то и основными находками являются фрагменты керамики. Причём только на трёх поселениях количество их достаточно для статистической обработки и её вероятной интерпретации: Енисейское-2 (261 венчик), Малоугренево (197 венчиков) и Лесная Пасека-I (114 венчиков). Сосу-

ды представлены двумя типами: плоскодонные банки и чаши с округлым и уплощённым дном (рис. 2). Орнамент занимает только верхнюю их часть и располагается в 2-4 строки. Он выполнен наколами (жемчужник), штампом (уголок лопаточки и гребёнка), резкой (линии, сетка, ёлочка и т. д.). Среди остальных наиболее редко встречается гребенчатый штамп (не более 6% венчиков). На сосудах баночной формы обычен часто поставленный жемчужник, разделённый уголком лопаточки. Как правило, он располагается в 2 ряда, изредка – в 1, 3 или 4. Жемчужник с разделителем встречается в сочетании с горизонтальными прочерченными линиями, а также с сеткой, рядами наклонных линий и уголком. Чаши украшены 2-4 рядами горизонтальных линий (меньшее или большее количество – редко), а также наклонными линиями, ёлочкой, сеткой, зигзагом в сочетании с горизонтальными прочерченными линиями и уголком. Неорнаментированной керамики практически нет (рис. 2).

Жемчужник с разделителем встречается на 54,6 (Малоугренево) – 74,5% (Лесная Пасека-I) венчиков, прочерченные линии – 43,6 (Енисейское-2) – 67,1% (Малоугренево), различного рода геометрические узоры – 18,5 (Лесная Пасека-I) – 38,6% (Малоугренево), уголок (отдельной строкой) – 20,3 (Енисейское-2) – 25,7% (Малоугренево). Орнаментация, таким образом, наиболее близка керамике ближнеелбанского этапа большеереченской культуры [9, рис. 2-4] и является её продолжением. Об отличиях достаточно сказано в предыдущих публикациях.

Остальные находки с поселений бийского этапа немногочисленны. Интерес представляют в первую очередь бронзовые наконечники стрел (Боровое-3) и ножи. Все наконечники втульчатые. Они симметрично (6 экз.) и асимметрично-ромбические (6 экз.), двухлопастные, симметрично-ромбические с ребром посередине и скрытой втулкой (7 экз.) и листовидные двухлопастные с ромбическим бойком (1 экз.) (рис. 3-1-20). Основное время их существования – VIII-VI вв. до н. э., ареал наибольшего распространения – Средняя Азия и Казахстан [2, с. 96-97]. Ножу с Енисейского-2 прямых аналогий нет, а самые поздние экземпляры, близкие ножу с Точильного-3, датируются VI-V вв. до н. э. [8, табл. 38]. Он выгнутообушковый, с выделенной уступом рукоятью, широким лезвием и плоским дугообразным навершием (рис. 3-21).

Исходя из времени распространения бронзовых изделий и учитывая хронологические рамки большеереченской культуры в целом (2-я половина VIII-VI вв. до н. э.) [9, с. 121], бийский этап можно датировать предварительно VI – началом V вв. до н. э. Это не противоречит, на наш взгляд, факту появления на Алтае в этот же период памятников раннесаянского типа [3; 6]. Об их соуществовании говорят сходство четвертого типа наконечников Борового-3 (рис. 3-20) и одного из наконечников могильника Малый Гоньбинский Кордон 1 [3, с. 101]. Косвенным свидетельством в пользу данного вывода может служить совместное расположение на одних и тех же поселениях бийских и раннежелезных бронзолитейных мастерских, тем более что кельты с последних датируются не позднее V-IV вв. до н. э. [2, с. 94]. Ареал распространения бийских памятников

- поселения с жилищами
- ★ бронзолитейная мастерская
- ▲ значительные сборы
- единичные и незначительные находки

Рис. 1. Схема расположения памятников бийского этапа. 1 – Ближние Елбаны; 2 – Костенкова Избушка; 3 – Лесная Пасека-1; 4 – Ольгинка-1; 5 – Кукушкин Елбан; 6 – Скотобойня; 7 – Понтоновый Мост; 8 – Боровое 3; 9 – Малоутреново; 10 – Енисейское-1; 11 – Енисейское-2.

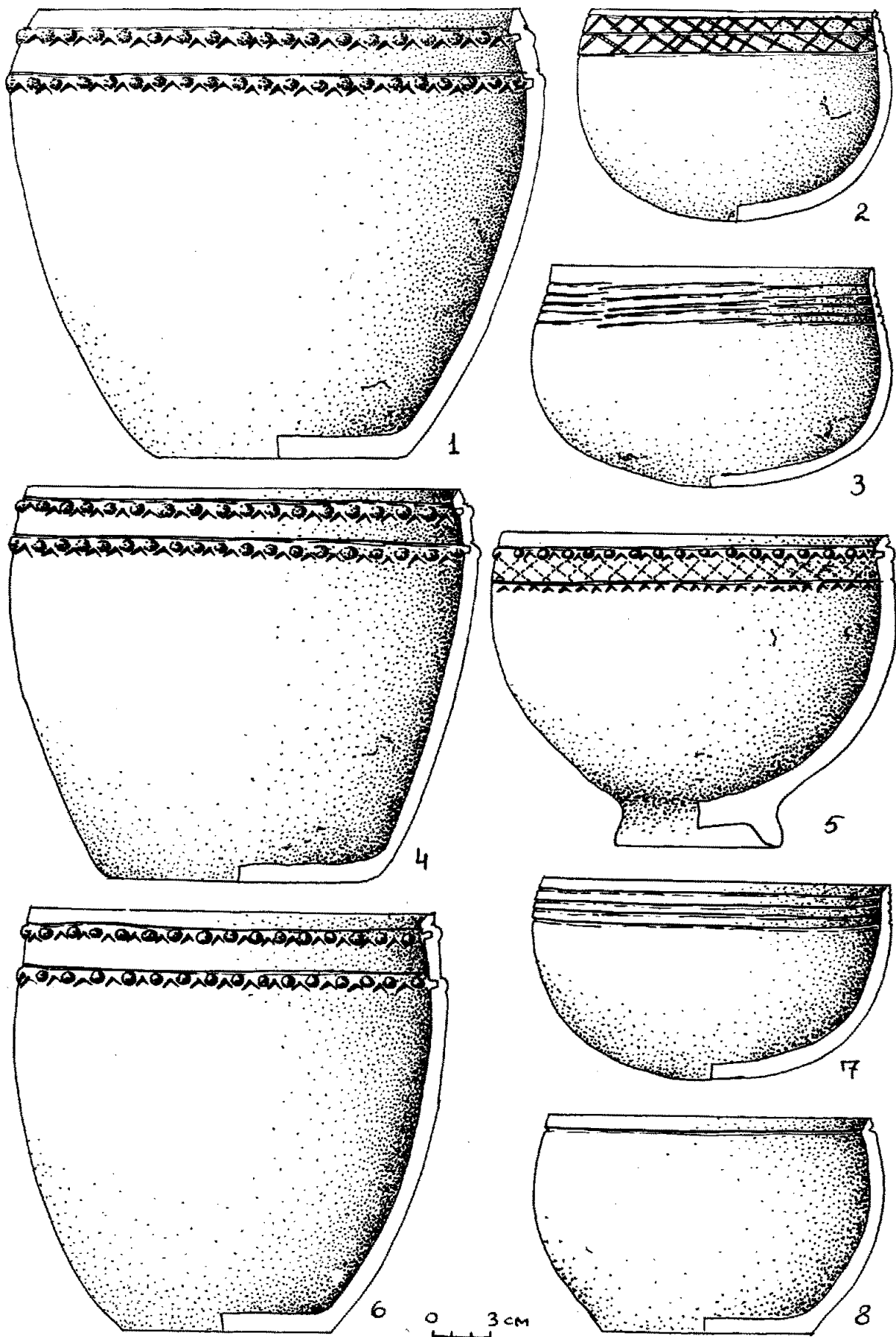

Рис. 2. Керамика поселений Понтонный Мост (1, 2), Точильное 3 (3), Литейный переулоч (4) и Енисейское 2 (5-8)

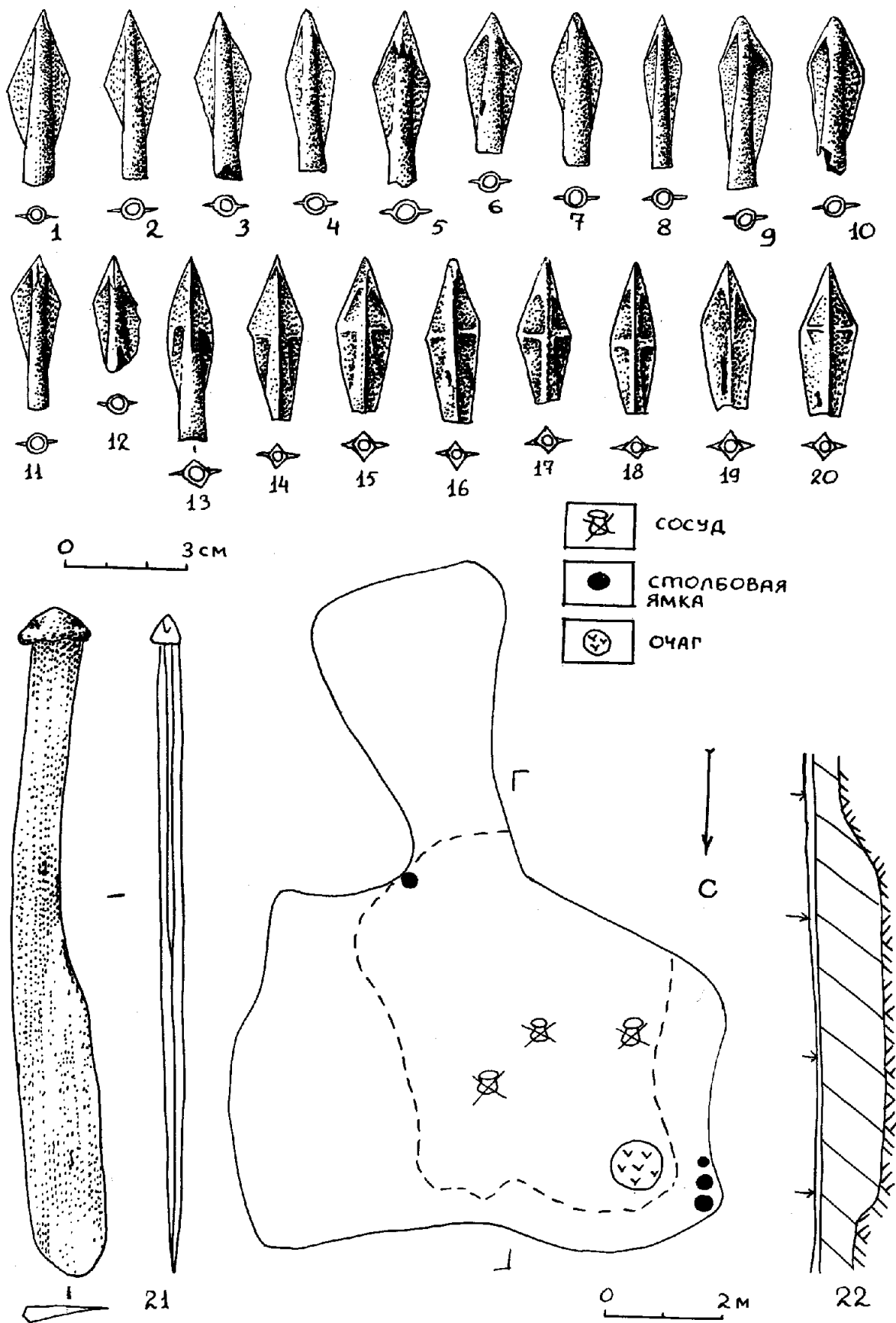

Рис. 3. Бронзовые наконечники стрел с поселения Боровое 3 (1-20), бронзовый нож с поселения Точильное 3 (21) и план жилища поселения Кукушкин Елбан 1 (22)